

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIĀLO ZINĀTŅU INSTITŪTS

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTES
STARPTAUTISKO ZINĀTNISKO KONFERENČU
RAKSTU KRĀJUMS

Starptautiskās zinātniskās konferences
“*Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2017*”
materiāli
(2017. gada 20.–21. oktobris)

III DAĻA. EKONOMIKAS AKTUALITĀTES



PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCES OF
FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY

The materials of the International Scientific Conference
“*Social Sciences for Regional Development 2017*”
(20th–21st October, 2017)

PART III. ISSUES OF ECONOMICS

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS “SAULE” ~

2018

Apstiprināts Daugavpils Universitātes Zinātnes padomes sēdē 2018. gada 6. septembrī, protokols Nr. 17.

Meņšikovs V. (zin. red.) *Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums. Starptautiskās zinātniskās konferences “Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2017” materiāli. III daļa. Ekonomikas aktualitātes*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2018. 140 lpp.

Rakstu krājuma redakcijas kolēģija:

Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskais redaktors
Vadošā pētniece, Dr. oec. **O. Lavriņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (ekonomika)
Prof., PhD **Dz. Iliško** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (socioloģija)
Prof., Dr. iur. **J. Teivāns-Treimovskis** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (tiesību zinātne)
Prof., Dr. hab. paed., Dr. hab. psych. **A. Vorobjovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (sociālā psiholoģija)
Prof., Dr. oec. **T. Bogoliļ** (Perejaslava Hmeļnicka Grigorija Skovorodas vārdā nosauktā Valsts pedagoģiskā universitāte, Ukraina)
Prof., Dr. hab. oec. **V. Kosiedovskis** (Nikolaja Kopernika Universitāte Toruņā, Polija)
Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Asoc. prof., Dr. iur. **J. Neimanis** (Latvijas Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. psych. **M. Ņesterova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Doc., Dr. paed. **I. Ostrovska** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. oec. **V. Špilova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. **M.J. Šoutena** (Beira *Interior* universitāte, Portugāle)
Dr. iur. **M. Potapovs** (Novosibirskas Valsts Tehniskā universitāte, Krievija)
Pētniece, Dr. oec. **O. Ruža** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. oec. **J. Vankeviča** (Vitebskas Valsts Tehnoloģiskā universitāte, Baltkrievija)
Prof., Dr. iur. **V. Zahars** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Recenzenti:

Vadošā pētniece, Dr. oec. **O. Lavriņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Vadošā pētniece, Dr. oec. **V. Komarova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. hab. oec. **V. Kosiedovskis** (Nikolaja Kopernika Universitāte Toruņā, Polija)

Rakstu krājumā iekļauti Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes un Humanitāro un sociālo zinātņu institūta starptautiskās zinātniskās konferences (2017. gada 20.–21. oktobris) materiāli: augstskolas zinātnieku, doktorantu, kā arī citu Latvijas un ārzemju sadarbības augstskolu zinātnieku raksti ekonomikas nozarē.

Par rakstos atspoguļotajiem faktiem, viedokļiem un terminoloģiju atbild rakstu autori.

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the database: / Включён в базу данных:

Electronic Journals Library of University of Regensburg.

ISSN 2255-8853

ISBN 978-9984-14-856-4

© Daugavpils Universitāte, 2018

SATURS

<i>Viktorija Aleksejeva</i> (Latvija)	
DIGITĀLĀS EKONOMIKAS MODELIS: EIROPAS SAVIENĪBAS VALSTU PIEMĒRS	5
Model of Digital Economy: An Example of the European Union Countries	
<i>Nadežda Griškjāne</i> (Latvija)	
DARBASPĒKA MIGRĀCIJA UN TO IETEKME UZ MAKROEKONOMISKĀJIEM RĀDĪTĀJIEM BALTIJAS VALSTĪS	15
Labour Migration and Its Impact on Macroeconomic Indicators in Baltic Countries	
<i>Solvita Kozlovska</i> (Latvija)	
EFEKTIVITĀTES JĒDZIENA IZPĒTE UN NOZĪME KOMERCSABIEDRĪBU IZCILĪBAS VEIDOŠANĀ	24
Efficiency Concept and its Significance in Creating of Commercial Companies' Excellence	
<i>Jūlija Liodorova, Irina Voronova</i> (Latvija)	
LATVIJAS EKONOMISTU UN JURĪSTU IEGULDĪJUMS MAKSĀTNESPĒJAS NOVĒRTĒJUMĀ EVOLŪCIJA	31
Contribution of Latvian Economists and Lawyers into the Evolution of Insolvency's Assessment	
<i>Manuela Tvaronavičienė</i> (Lithuania)	
ENTREPRENEURSHIP ECOSYSTEM: DISTRIBUTION OF INCOME IN SELECTED COUNTRIES	43
Экосистема предпринимательства: распределение дохода в некоторых странах	
<i>Diana Uglava</i> (Georgia)	
GLOBAL PENSION CRISIS AND REFORM CHALLENGE IN GEORGIA	51
Глобальный пенсионный кризис и вызовы для реформ в Грузии	
<i>Юрийс Балтгайлус</i> (Latvija)	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРУШАЮТ РЫНОЧНОЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРУЮТ ПЕРЕХОД МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ К ОЧЕРЕДНОЙ ДЛИННОЙ ВОЛНЕ КОНДРАТЬЕВА	62
Information Technologies Destroy Market Pricing and Form Transition of the World's Economy to the Next Kondratyev's Long Wave	

<i>Лариса Иваненко, Наталья Соловова, Наталья Суханкина</i> (Россия)	
ИННОВАЦИОННЫЙ СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	73
Innovative Method of Regional Management Based on Cluster Organization of Economy	
<i>Светлана Кучеренко, Людмила Леваева</i> (Украина)	
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	81
Competitiveness of Ukraine's Regions in the Context of Global Challenges	
<i>Наталья Соловова, Наталья Суханкина, Светлана Николаева</i> (Россия)	
ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОФИЛЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА	89
Training of Integrative Profile Specialist for Regional Cluster	
<i>Митко Хитов</i> (Болгария)	
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РАМКАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА XX ВЕКА	97
Regional Project of the European Union within the World Globalization in XXth Century	
<i>Алексей Хотулев</i> (Латвия)	
ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ КОНВЕРГЕНЦИЮ	104
Sabiedrisko investīciju ietekme uz reģionālo konverģenci	
<i>Анна Шевякова</i> (Россия), <i>Элеонора Муни</i> (Казахстан)	
ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА ДЛЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА	112
Information Support of Tourism Development to Diversify Kazakhstan's Economy	
Ziņas par autoriem	135
Vispārīgās prasības zinātniskam rakstam	137
General requirements for the paper	139

DIGITĀLĀS EKONOMIKAS MODELIS: EIROPAS SAVIENĪBAS VALSTU PIEMĒRS

Raksta mērķis ir izstrādāt digitālās ekonomikas modeli uz Eiropas Savienības valstu piemēra. Sakarā ar to, ka digitālās ekonomikas raksturojošie rādītāji tika apkopoti samērā nesen un šis jēdziens ir salīdzinoši jauns, tādēļ tika noteikts sekojošs pētījuma periods – no 2015. līdz 2017. gadam. Šobrid Eiropas Savienības valstu ekonomikas piedzīvo pāreju uz informācijas un komunikācijas tehnoloģiju ēru. Tā kā informācijas tehnoloģijas strauji attīstās un “ienāca” visās ekonomikas nozarēs, ir svarīgi pētīt tādu fenomenu kā digitālā ekonomika. Eiropas Savienības valstis atrodas dažādās attīstības stadijās, līdz ar to arī digitālā ekonomika ES valstīs “uzvedas” un attīstās dažādi. Digitālā ekonomika rada milzīgas pārmaiņas ES valstīs, kas turpmāk ietekmēs to attīstību. Lai izprastu digitālās ekonomikas attīstības specifiku Eiropas Savienības valstīs, pētījuma ietvaros ir analizēti faktori, kas ietekmē digitālās ekonomikas attīstības līmeni. Tika pielietota faktoranalīze, lai izstrādātu digitālās ekonomikas modeli. Faktoranalīzes rezultāti pārādīja, ka vairāk nekā uz 50% ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeni nosaka tāds faktors, kā IKT izmantošana uzņēmumos.

Atslēgas vārdi: digitālā ekonomika, Eiropas Savienības valstis, faktoranalīze, digitālās ekonomikas modelis.

Pētījuma teorētiski metodoloģiskie aspekti

Jaunais digitālais laikmets pakāpeniski liek pārdomāt, kā tiek uztvertas tradicionālās ekonomikas definīcijas, labklājības radīšana, biznesa organizācijas un citas institucionālās struktūras (Tapscott, 1994).

Digitālās tehnoloģijas ir ievērojami paplašinājušas informācijas bāzi, pazeminājušas informācijas izmaksas un radījušas informāciju par precēm. Tas ir veicinājis aktīvu sadarbību un mijiedarbību starp uzņēmumiem un starp ekonomiskajiem aģentiem. Izmaiņas nav saistītas tikai ar ekonomiskajiem darījumiem, bet arī komunikācijas vieglumu cilvēkiem ar invaliditāti un cilvēku brīvā laika pavadīšanas veidu (World Bank Group, 2016).

Digitālās ekonomikas jēdziens ir samērā jauns termins, kurš tiek traktēts un definēts no dažādiem aspektiem un perspektīvām. Pētījuma ietvaros ir svarīgi noteikt ne tikai digitālās ekonomikas faktorus, kuri fokusējas galvenokārt uz tautsaimniecības subjektiem, bet arī digitālās

ekonomikas jēdzienu, proti, apskatīt un analizēt definējumus un izteikt piemērotu definējumu šī pētījuma ietvaros.

Digitālās ekonomikas jēdziens gadu gaitā tika uztverts dažādi un no dažādiem skatu punktiem, kuri sastāv no dažādiem atribūtiem. 60 gadu vidū un 70 gadu sākumā digitālās ekonomikas galvenais atribūts ir ekonomikas datu sistematizācija un akumulācija ar mērķi rast jaunu informāciju. Notika pirmie mēģinājumi identificēt informācijas (digitālās) ekonomikas parametrus. Savukārt 1980. gadu vidū un 1990. gadu sākumā zinātnieki fokusējās uz praktiskiem pētījumiem, kuri raksturo digitālās ekonomikas būtību (Tsyganov, Apalkova, 2016).

Saskaņā ar Barta van Arka zinātnisko rakstu “Jaunās digitālās ekonomikas produktivitātes paradokss” (*“The Productivity Paradox of the New Digital Economy”*) digitālā ekonomika ir mobilās tehnoloģijas, visuresoša interneta piekļuve, un pāreja uz atmiņu uzglabāšanu, analīzi un jaunu aplikāciju izstrādi mākonī. Digitālā ekonomika vēl tiek saukta par jauno ekonomiku (van Ark, 2016).

Austrālijas valdības ziņojumā digitālā ekonomika ir globālais ekonomisko un sociālo darbību tīkls, ko nodrošina informācijas un komunikāciju tehnoloģijas, piemēram, internets, mobilie un sensoru tīkli. Digitālā ekonomika ietver datorus, tālruņus, spēļu konsoles un ierīces, ko lielākā daļa no mums izmanto katru dienu. Tā ir spēja un prasme ieslēgt interneta pārlūku un meklēt vietējo restorānu, nosūtīt īsziņu savam draugam vai izmantot navigācijas ierīci savā automašīnā. Digitālā ekonomika ietver samaksu par precēm ar savu debetkarti vai kredītkarti veikalā vai arī, ja ārsts saņem jūsu patoloģijas rezultātus elektroniski (Australian Government, 2009).

Lai izveidotu digitālās ekonomikas modeli uz Eiropas Savienības valstu piemēra, nepieciešams veikt digitālās ekonomikas rādītāju unifikāciju un tad faktorānāli. Digitālās ekonomikas rādītāju unifikācija, tiek veikta, lai reducētu statistiskos datus viendabīgā formā, turklāt tā, ka mērījumu iespējamo vērtību apgabalu būtu no 0 līdz 100. Tas tika aprēķināts pēc sekojošas formulas rādītājiem, kuri labvēlīgi ietekmē uzņēmumu e-vidi (stimulanti):

$$x'_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{\min j}}{x_{\max j} - x_{\min j}} * 100, \quad (1)$$

rādītājiem, kuri nelabvēlīgi ietekmē uzņēmumu e-vidi (destimulanti):

$$x'_{ij} = \frac{x_{\max j} - x_{ij}}{x_{\max j} - x_{\min j}} * 100, \quad (2)$$

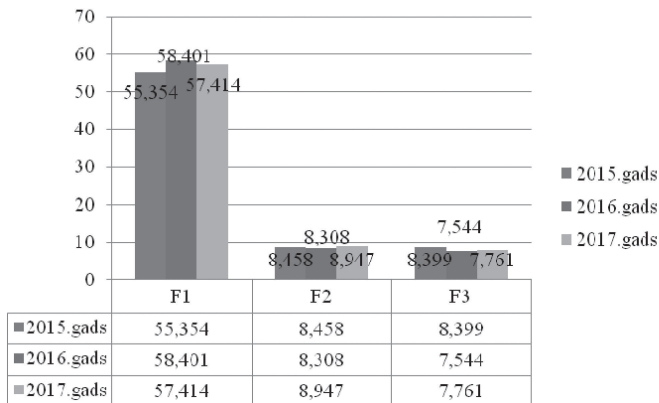
kur x'_{ij} – unificēta rādītāja “j” vērtība ES valstī “i”, x_{\min} un x_{\max} – vismazākās (vissliktākās) un vislielākās (vislabākās) izejas rādītāja vērtības pētāmajā periodā (Lavrinenko, Lavrinovica, 2013).

Pētījuma rezultāti

Lai izstrādātu digitālās ekonomikas modeli, tika izvēlēti rādītāji, kuri raksturo digitālās ekonomikas vidi. Balstoties uz rādītāju pieejamību Eurostat datubāzē un šī pētījuma laika periodu, kopumā tika izvēlēti 42 digitālās ekonomikas rādītāji.

Balstoties uz augstāk minētiem unificētiem rādītājiem, tika veikta faktoranalīze SPSS programmas vidē. Tika identificēti 3 galvenie faktori, kuri nosaka digitālās ekonomikas attīstības līmeni Eiropas Savienības valstīs no 2015. līdz 2017. gadam.

Veicot faktoranalīzi, iepriekšminētie unificētie rādītāji izveidoja trīs faktorus: IKT izmantošana uzņēmumos (F1), IKT izmantošana mājāsaimniecībās (F2) un sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā (F3).



1. att. ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeņa dispersijas daļa, kas tiek izskaidrota ar 3 galvenajiem faktoriem,* %, 2015.–2017. gads

* Faktoru nosaukumi: F1 – IKT izmantošana uzņēmumos, F2 – IKT izmantošana mājāsaimniecībās, F3 – sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā.

Avots: autores veidots, balstoties uz faktoranalīzes rezultātiem.

Kā redzams no diagrammas, vairāk nekā uz pusi ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeni nosaka IKT izmantošana uzņēmumos (faktors F1). Zemāk ir atspoguļots pētāmo – digitālās ekonomikas attīstības līmeni determinējošo – rādītāju sadalījums pa faktoriem (uz faktoriem tika attiecināti tikai tie rādītāji, kuru faktorslodze nav mazāka par 0.7).

1. tabula
ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeni determinējošo rādītāju sadalījums pa faktoriem,* faktorslodzes vērtības, 2015. gads

N.p.k.	Rādītāji	F1	F2	F3
1	2	3	4	5
1.	Nodarbinātās personas, kurām tika nodrošināta pār-nēsājamā ierīce, kas ļauj lietot mobilo savienojumu ar internetu, procentos no kopējās nodarbinātības	0.719		
2.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk mākoņdatošanas pakalpojumus, lietojot internetu	0.871		
3.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk e-pasta pakalpojumus	0.836		
4.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk biroja programmatūru	0.772		
5.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk hostingu uzņēmuma datubāzēm	0.779		
6.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk failu glabātuves	0.733		
7.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk grāmatvedības programmatūru	0.932		
8.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk klientu attiecību pārvaldības programmatūru	0.769		
9.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk skaitļošanas jaudu, lai uzturētu pašu programmatūru	0.714		
10.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk CC pakalpojumus	0.815		
11.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri sūta a e-rēķinus B2BG, kas piemēroti automatizētai apstrādei	0.794		
12.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurās vismaz vienam no locekļiem ir piekļuve datoram		0.883	
13.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurām ir piekļuve internetam		0.881	
14.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurām ir platjoslas savienojums		0.873	
15.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurām ir fiksēts platjoslas savienojums		0.818	

1	2	3	4	5
16.	Personu īpatsvars, kuras jebkad lietojušas datoru		0.866	
17.	Personu īpatsvars, kuras jebkad lietojušas mobilo telefonu vai viedtālruni ar mērķi piekļūt internetam		0.723	
18.	Personu īpatsvars, kuras veikušas tiešsaistes pirkumu pēdējo 3 mēnešu laikā		0.835	
19.	Uzņēmumu īpatsvars, kurinodarbina IT speciālistus			0.778
20.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto sociālos tīklus			0.877
21.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto blogus vai mikroblogus			0.796
22.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto multivides satura koplietošanas vietas			0.829
23.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto jebkuru sociālo mediju			0.866
24.	Uzņēmumu īpatsvars, kuriem ir web mājaslapa un lieto jebkuru sociālo mediju			0.804

* Faktoru nosaukumi: F1 – IKT izmantošana uzņēmumos, F2 – IKT izmantošana mājāsaimniecībās, F3 – sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā.

Avots: autores veidots, balstoties uz faktoranalīzes rezultātiem.

2016. un 2017. gadā, tāpat kā 2015. gadā tika identificēti 3 galvenie faktori, kuri nosaka digitālās ekonomikas attīstības līmeni: IKT izmantošana uzņēmumos (F1), IKT izmantošana mājāsaimniecībās (F2) un sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā (F3). Rādītāju sadalījums pa faktoriem 2016. gadā (rādītāju faktorslodze nav mazāka par 0.7) tiek apkopots nākamajā tabulā.

2. tabula
ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeni determinējošo rādītāju sadalījums pa faktoriem,* faktorslodzes vērtības, 2016. gads

N.p.k	Rādītāji	F1	F2	F3
1	2	3	4	5
1.	Nodarbinātās personas, kurām tika nodrošināta pār-nēsājamā ierīce, kas ļauj lietot mobilo savienojumu ar internetu, procentos no kopējās nodarbinātības	0.733		
2.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk mākoņdatošanas pakalpojumus, lietojot internetu	0.859		
3.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk e-pasta pakalpojumus	0.875		

1	2	3	4	5
4.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk biroja programmatūru	0.862		
5.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk hostingu uzņēmuma datubāzēm	0.842		
6.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk failu glabātuves	0.825		
7.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk grāmatvedības programmatūru	0.902		
8.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk klientu attiecību pārvaldības programmatūru	0.852		
9.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk skaitļošanas jaudu, lai uzturētu pašu programmatūru	0.703		
10.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk CC pakalpojumus	0.889		
11.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurās vismaz vienam no locekļiem ir piekļuve datoram		0.849	
12.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurām ir piekļuve internetam		0.831	
13.	Mājsaimniecību īpatsvars, kuriem ir platjoslas savienojums		0.815	
14.	Mājsaimniecību īpatsvars, kuriem ir fiksēts platjoslas savienojums		0.804	
15.	Personu īpatsvars, kuras jebkad lietojušas datoru		0.855	
16.	Personu īpatsvars, kuras veikušas tiešsaistes pirkumu pēdējo 3 mēnešu laikā		0.869	
17.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri nodarbina IT speciālistus			0.849
18.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto sociālos tīklus			0.768
19.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto blogus vai mikroblogus			0.743
20.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto multivides saturu koplietošanas vietnes			0.706
21.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto jebkuru sociālo mediju			0.752

* Faktoru nosaukumi: F1 – IKT izmantošana uzņēmumos, F2 – IKT izmantošana mājsaimniecībās, F3 – sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā.

Avots: autores veidots, balstoties uz faktoranalīzes rezultātiem.

Rādītāju sadalījums pa faktoriem 2015., 2016. un 2017. gadā ir ļoti līdzīgs, to var redzēt pēc piedāvātām matricām (skat. 1., 2. un 3. tabulu). Ne visi rādītāji ietilpa trīs galvenajos faktoros – pārējos rādītājus var uzskatīt par mazāk nozīmīgiem.

3. tabula
ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeni determinējošo rādītāju
sadalījums pa faktoriem,* faktorslodzes vērtības, 2017. gads

N.p.k.	Rādītāji	F1	F2	F3
1	2	3	4	5
1.	Nodarbinātās personas, kurām tika nodrošināta pār- nēsājamā ierīce, kas ļauj lietot mobilo savienojumu ar internetu, procentos no kopējās nodarbinātības	0.706		
2.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk mākoņdatošanas pakalpojumus, lietojot internetu	0.841		
3.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk e-pasta pakalpojumus	0.909		
4.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk biroja programmatūru	0.881		
5.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk hostingu uzņēmuma datubāzēm	0.843		
6.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk failu glabātuves	0.828		
7.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk grāmatvedības programmatūru	0.907		
8.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk klientu attiecību pārvaldības programmatūru	0.842		
9.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk skaitļošanas jaudu, lai uzturētu pašu programmatūru	0.700		
10.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri pērk CC pakalpojumus	0.893		
11.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri sūta a e-rēķinus B2BG, kas piemēroti automatizētai apstrādei	0.725		
12.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurās vismaz vienam no locekļiem ir piekļuve datoram		0.883	
13.	Mājsaimniecību īpatsvars, kurām ir piekļuve internetam		0.863	
14.	Mājsaimniecību īpatsvars, kuriem ir platjoslas savienojums		0.828	
15.	Personu īpatsvars, kuras jebkad lietojušas datoru		0.887	
16.	Personu īpatsvars, kuras veikušas tiešsaistes pirkumu pēdējo 3 mēnešu laikā		0.882	
17.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri nodarbina IT speciālistus			0.788
18.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto sociālos tīklus			0.815
19.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto blogus vai mikroblogus			0.719

1	2	3	4	5
20.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto multivides satura koplietošanas vietas			0.723
21.	Uzņēmumu īpatsvars, kuri lieto jebkuru sociālo mediju			0.816
22.	Uzņēmumu īpatsvars, kuriem ir web mājaslapa un kuri lieto jebkuru sociālo mediju			0.712

* Faktoru nosaukumi: F1 – IKT izmantošana uzņēmumos, F2 – IKT izmantošana māsājaimniecībās, F3 – sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā.

Avots: autores veidots, balstoties uz faktoranalīzes rezultātiem.

Autores veiktās faktoranalīzes rezultāti pārādija, ka ES valstu digitālās ekonomikas attīstības līmeņa faktoru izskaidrotās summārās dispersijas lielums 2015. gadā veidoja 72.21%, 2016. gadā – 74.25% un 2017. gadā – 74.12% (skat. 1. attēlu), kas ir labs rezultāts, kurš liecina par faktoranalīzes gaitā noteikto faktoru lielu nozīmību ES valstu digitālās ekonomikas attīstībā.

Secinājumi

Jēdziena digitālā ekonomika definējums ir ļoti neviennozīmīgs, dažādos literatūras avotos tā traktējums atšķiras. Apkopojot apskatītos definējumus, var secināt, ka digitālā ekonomika ir ekonomika, kura saistīta ar interneta savienojumu un datora platformām.

ES valstu digitālās ekonomikas modelis, kas izstrādāts balstoties uz faktoranalīzi, sastāv no 3 pamatfaktoriem, proti, IKT izmantošana uzņēmumos, IKT izmantošana māsājaimniecībās, sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā. Pirmais faktors – “IKT izmantošana uzņēmumos” – raksturo uzņēmumus un to personālu, kuri izmanto datorus un pārnēsājamās ierīces ar interneta piekļuvi, pērk dažāda veida programmatūru (mākoņdatošana, e-pasts, grāmatvedības programmatūra u.c.). Otrais faktors – “IKT izmantošana māsājaimniecībās” – balstās uz māsājaimniecībām un individuālām personām, kurām ir piekļuve datoram, piekļuve interneta savienojumam, kuras lietojušas tiešsaistes savienojumu, lai veiktu pirkumus u.c. Trešais faktors – “sociālo tīklu izmantošana uzņēmējdarbībā” – raksturo sociālo tīklu lietošanu uzņēmumos, t.sk. sociālos medijus, blogus, mikrobļogus, multivides satura koplietošanas vietas.

Var secināt, ka digitālās ekonomikas modelis Eiropas Savienības valstīs balstās, pirmām kārtām, uz informācijas (digitālo) tehnoloģiju lietošanu uzņēmumos (uz 55–58% nosaka digitālās ekonomikas attīstības līmeni),

otrkārt, uz mājsaimniecību un individuālo personu IT lietošanu un piekļuvi (uz 8% nosaka digitālās ekonomikas attīstības līmeni) un, treškārt, uz sociālo tīklu lietošanu uzņēmējdarbībā (uz 7–8% nosaka digitālās ekonomikas attīstības līmeni).

Bibliogrāfija

1. Australian Government. (2009) *Australia's Digital Economy: Future Directions*. Available: <http://www.digecon.info/docs/0098.pdf> (accessed on: 18.10.2017).
2. Lavrinenko O., Lavrinovica I. (2013) *Integralo indikatoru konstruesana. Macibu metodiskais līdzekļos*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgads "Saule". (In Latvian)
3. Van Ark B. (2016) The productivity paradox of the new digital economy. *International Productivity Monitor*, Vol. 31, pp. 3–18.
4. World Bank Group. (2016) *Digital Dividends*. World development report. Available: <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf> (accessed on: 18.10.2017).
5. Tsyganov S., Apalkova V. (2016) Digital economy: A new paradigm of global information society. *Economic Review*, Vol. 45. Available: https://euba.sk/www_write/files/SK/ekonomicke-rozhlady/er3_2016_tsyganov_apalkova-24044.pdf (accessed on: 18.10.2017).
6. Tapscott D. (1994) *The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence*. McGraw-Hill.

Model of Digital Economy: An Example of the European Union Countries

Summary

The aim of the article is to develop a model of the digital economy on the example of European Union countries. Due to the fact that the indicators characterizing the digital economy were collected relatively recently, and this concept is relatively new, the study period was identified – from 2015 to 2017. Currently, the economies of European Union countries are experiencing transition to the era of information and communication technologies. As information technologies are rapidly developing and integrating into all spheres of economy, it is important to investigate the phenomena of digital economy. The countries of the European Union are at different stages of development, and thus the digital economy in the EU will “react” on external challenges and develop in different ways. The digital economy is causing tremendous changes in the EU countries, which in future will influence their development. In order to understand specifics of development of the digital economy in the countries of the European Union, the

factors influencing level of development of the digital economy have been analyzed. Factor analysis was applied to develop a digital economy model. Results of factor analysis show that such factor as ICT usage at enterprises determines the level of development of digital economy in EU countries for more than 50%.

Key words: digital economy, European Union countries, factor analysis, model of the digital economy.

Модель цифровой экономики: пример стран Европейского Союза

Резюме

Цель статьи – разработать модель цифровой экономики на примере стран Европейского Союза. В связи с тем, что показатели, характеризующие цифровую экономику, были собраны сравнительно недавно, и эта концепция является относительно новой, был определен следующий период исследования – с 2015 по 2017 год. В настоящее время экономика стран Европейского Союза переживает переход к эпохе информационных и коммуникационных технологий. Поскольку информационные технологии быстро развиваются и внедряются во все сектора экономики, стало актуальным изучение феномена цифровой экономики. Страны Европейского Союза находятся на разных этапах развития, и поэтому цифровая экономика в ЕС будет «реагировать» на внешние вызовы и развиваться по-разному. Цифровая экономика вызывает огромные изменения в странах ЕС, которые в будущем повлияют на их развитие. Для того, чтобы понять специфику развития цифровой экономики в странах Европейского Союза, необходимо проанализировать факторы, влияющие на уровень развития цифровой экономики. Для создания модели цифровой экономики был применён факторный анализ. Результаты факторного анализа показали, что более чем на 50% уровень развития цифровой экономики в странах ЕС определяется таким фактором, как использование ИКТ на предприятиях.

Ключевые слова: цифровая экономика, страны Европейского Союза, факторный анализ, модель цифровой экономики.

DARBASPĒKA MIGRĀCIJA UN TO IETEKME UZ MAKROEKONOMISKAJĒM RĀDĪTĀJĒM BALTĪJAS VALSTĪS

Pētījuma mērķis ir izpētīt un noteikt darbaspēka migrācijas ietekmi uz makroekonomiskajiem rādītājiem Baltijas valstīs – piemēram, iekšzemes kopproduktu, nodarbinātības un bezdarba līmeni – laika periodā no 2004. līdz 2016. gadam. Lai noteiktu, kā darbaspēka migrācija ietekmē izvēlētos makroekonomiskus rādītājus Baltijas valstīs, var izmantot dažādas metodes, bet savam pētījumam darba autore izmantoja korelācijas un regresijas analīzes metodes. Pētījumam galvenokārt tiek ņemti Eurostat, kā arī Latvijas, Lietuvas un Igaunijas statistikas dati par darbaspēka imigrāciju un emigrāciju, iekšzemes kopproduktu, nodarbinātības un bezdarba līmeņiem. Pētījumam tiek izmantota SPSS Statistics programmas darba rīki. Pirmkārt, bija noteikts, ka darbaspēka imigrācija pozitīvi ietekmē ekonomiku visās trīs Baltijas valstīs (it īpaši Igaunijā), bet darbaspēka emigrācija neietekmē ekonomiku trīs Baltijas valstīs. Otrkārt, Lietuvā darbaspēka imigrācija samazina nodarbinātības līmeni, bet Igaunijā – darbaspēka imigrācija palielina nodarbinātības līmeni. Pie tam Latvijā augsti un vidēji kvalificētā darbaspēka imigrācijas pieaugums samazina bezdarba līmeni. Treškārt, Latvijā un Lietuvā darbaspēka emigrācijas pieaugums negatīvi ietekmē situāciju darba tirgū – palielinoties darbaspēka emigrācijai, šajās valstīs samazinājās nodarbinātības līmenis un pieauga bezdarba līmenis.

Atslēgas vārdi: darbaspēka imigrācija, darbaspēka emigrācija, makroekonomiskie rādītāji, nodarbinātības un bezdarba līmenis, Baltijas valstis.

Ievads un literatūras apskats

Darbaspēka migrācijai var būt dažādi iemesli, bet par galveniem darbaspēka migrācijas iemesliem var minēt ekonomiskus faktoros (piemēram, darba meklējumi, studijas, augstāka darba alga, karjeras veidošana, nodarbinātības un bezdarba problēmas un iespējas, utt.).

Tiek lēsts, ka darbaspēka migrācijas dēļ katru gadu Latvijā, Lietuvā un Igaunijā iedzīvotāju skaits nepārtraukti samazinās, bet ir jāatceras, ka darbaspēka migrācija ir divvirzienu kustība – cilvēki mēdz iebraukt, pēc tām aizbraukt un pēc tam atkal iebraukt. Kopš Latvijas un Lietuvas pievienošanās Eiropas Savienībai, šajās valstīs bija vērojama negatīvā migrācijas saldo. Piemēram, pēc Latvijas un Lietuvas statistikas datiem 2016. gadā Latvijā darbaspēka migrācijas dēļ iedzīvotāju skaits samazinājās par 11178 cilvēkiem (LR Centrālā statistikas parvalde, 2017),

bet Lietuvā – par 9674 cilvēkiem (Lietuvos statistikos departamentas, 2017). Savukārt, Igaunijā kopš 2014. gada bija vērojama pozitīva darbaspēka migrācijas saldo, kas arī ietekmēja kopējā iedzīvotāju skaita pieaugumu (Statistics Estonia, 2017). Tas ir neliels skaitlis, bet ir vērojamas pozitīvas tendences. Ņemot vērā nelielu darbaspēka imigrācijas plūsmu un relatīvi lielu darbaspēka emigrācijas plūsmu, ir lietderīgi noteikt, kā darbaspēka migrācija ietekmē makroekonomiskus rādītājus Latvijā, Lietuvā un Igaunijā laika periodā no 2004. līdz 2016. gadam.

Vairāki ekonomisti uzskata, ka imigranti pozitīvi ietekmē makroekonomiskus rādītājus valstī, jo tie palielina darbaspēka pieprasījumu darba tirgū (Dustmann et al., 2007), veicina darba tirgus elastību (D'Auria et al., 2008; Muniz et al., 2017), veicina demogrāfiskās situācijas uzlabošanu, investīciju pieplūdi un uzņēmējdarbības attīstību (Islam, Khon, 2015), papildina valsts budžetu un veicina ekonomisko izaugsmi valstī (Kerr S.P., Kerr W.R., 2011). Tomēr, no otras puses, darbaspēka imigranti rada spriedzi vietējo iedzīvotāju vidū, jo, pēc viņu domām, darbaspēka imigranti palielina konkurenci darba tirgū, palielina bezdarba līmeni un aizņem brīvās darba vietas (D'Auria et al., 2008; Islam, Khon, 2015). Bet vairāki pētījumi norāda, ka darbaspēka imigranti neietekmē ne darba tirgus, ne darba samaksas līmeni (Dustmann et al., 2007; Muniz et al., 2017). Pie tam darbaspēka imigrācijas ietekme uz makroekonomiskajiem rādītājiem ir atkarīga no darbaspēka imigrantu izglītības un kvalifikācijas līmeņa (Dustmann, Frattini, 2014). Augsti kvalificētie darbaspēka imigranti tiek uzskatīti par vērtīgāku cilvēkkapitālu, jo tie veicina zināšanu apmaiņu, uzņēmējdarbības attīstību, investīciju pieplūdi, kas veicina arī ekonomisko izaugsmi valstī (Kerr S.P., Kerr W.R., 2011; Dustmann, Frattini, 2014).

Darbaspēka emigrācija ir maz pētīta, galvenokārt, saistībā ar statistikas datu trūkumu par darbaspēka emigrāciju konkrētajā valstī. Darbaspēka emigrācija īpaši skar trīs Baltijas valstis, kuras jau sen kļuvušas par darbaspēka emigrācijas zemēm.

Starptautiskajos pētījumos bija noteikts, ka darbaspēka emigrācija (jo īpaši augsti kvalificēto emigrantu plūsma), no vienas puses, samazina konkurenci vietējā darba tirgū, bet, no otras puses, samazina darbaspēka pieprasījumu, palielina bezdarba līmeni, samazina nodarbinātības līmeni, samazina uzņēmējdarbības potenciālu un investīcijas, kā arī samazina ekonomisko izaugsmi valstī (Dustmann et al., 2007; Dustmann, Frattini, 2014). Par pozitīvu darbaspēka emigrācijas ietekmējošo faktoru var minēt

emigrantu naudas līdzekļu pārvedumus uz dzimteni savai ģimenei un/vai draugiem. Tiek arī uzskatīts, ka darba emigrantu naudas līdzekļi veido nozīmīgu finansējuma daļu lielākajā daļā no attīstītajām valstīm, un šie naudas līdzekļi var sasniegt miljardus vai triljonus ASV dolāru (Karnīte, Karnītis, 2009). Bet nav aptverošas informācijas, kur šie līdzekļi tiek ieguldīti, tomēr uzsvērts, ka tiem ir nozīme nabadzības samazināšanā, izglītībā, uzņēmējdarbībā un veselībā (Latvijas Universitāte, 2007; The Migration Observatory, 2017).

Pētījuma rezultātu analīze un diskusija

Šajā rakstā tika izpētītas sakarības ciešums starp darbaspēka imigrāciju/emigrāciju un tādiem makroekonomiskajiem rādītājiem, kā iekšzemes kopprodukts, nodarbinātības līmenis un bezdarba līmenis. Lai noteiktu šo sakarības ciešumu, tika izmantota korelācijas analīzes metode, kur korelācijas koeficients (jeb Pirsona koeficients) ir robežās no -1 līdz +1. Korelācijas koeficients raksturo sakarības ciešumu starp divām pazīmēm. Jo tuvāk ir korelācijas koeficients pie 1, jo stiprāks ir sakarības ciešums. Pie tām pirms tām ir nepieciešami veikt F-testu: ja p-vērtība ir mazāka par 0,05, tad rādītājs ir statistiski nozīmīgs, bet, ja p-vērtība ir lielāka par 0,05, tad rādītājs ir statistiski nenozīmīgs.

Lai noteiktu, kā darbaspēka imigrācija/emigrācija ietekmē iekšzemes kopproduktu, nodarbinātības līmeni un bezdarba līmeni Baltijas valstīs, raksta autore izmantoja regresijas analīzes metodi, kura rada atkarīgās mainīgās Y pazīmes elastību attiecībā pret neatkarīgām X pazīmēm. Koeficients pie neatkarīgās X pazīmes parāda, par cik procentiem izmainīsies atkarīgā Y pazīme, ja neatkarīgā X pazīme pieaugs par 1%.

Lai veiktu savu pētījumu, autore izmantoja Latvijas, Lietuvas un Igaunijas statistikas pārvaldes datus par darbaspēka imigrāciju (t.sk. atkarībā no izglītības un kvalifikācijas līmeņa) un emigrāciju, kā arī par makroekonomiskajiem rādītājiem (iekšzemes kopprodukts, nodarbinātības līmenis, bezdarba līmenis) Latvijā, Lietuvā un Igaunijā. Lai saņemtu precīzāku rezultātu, autore izmantoja statistikas datus par lielāku laika periodu – no 2004. līdz 2016. gadam.

Pirmā sakarība, kura tiek pētīta, ir sakarība starp darbaspēka imigrāciju/emigrāciju un iekšzemes kopproduktu Baltijas valstīs (skat. 1. tabulu). Veicot korelācijas analīzi, tiek pierādīts, ka starp darbaspēka imigrāciju un iekšzemes kopproduktu Latvijā un Lietuvā ir vidēji ciešā un pozitīvā lineārā saikne, bet Igaunijā – ļoti stiprā un pozitīvā lineārā saikne starp

šiem rādītājiem. Tomēr starp darbaspēka emigrāciju Latvijā bija noteikta ļoti vājā un pozitīvā lineārā saikne, bet Lietuvā un Igaunijā – ļoti vājā un negatīvā lineārā saikne starp šiem rādītājiem. No tā izriet, ka darbaspēka imigrācijas pieaugums visās trīs Baltijas valstīs pozitīvi ietekmē ekonomiku, bet darbaspēka emigrācijas pieaugums šajās valstīs vāji ietekmē to ekonomiku.

1. tabula

Korelācijas un regresijas koeficienti starp darbaspēka imigrāciju/emigrāciju un IKP Baltijas valstīs, 2004.–2016. gads

	Latvija	Lietuva	Igaunija
Darbaspēka imigrācija			
IKP	r= 0.609	r= 0.666	r= 0.975
	p-vērtība= 0.012	p-vērtība= 0.000	p-vērtība= 0.000
	B= 0.343	B= 0.442	B= 0.289
	Const= 11.276	Const= 22.905	Const= 15.001
Darbaspēka emigrācija			
IKP	r= 0.333	r= -0.282	r= -0.176
	p-vērtība= 0.295	p-vērtība= 0.440	p-vērtība= 0.671
	B= 0.259	B= -0.552	B= -0.087
	Const= 11.276	Const= 22.905	Const= 15.001

Avots: autores veidots pēc SPSS aprēķiniem, izmantojot datus no Lietuvas statistikos departamentas, 2017, LR Centrālā statistikas pārvalde, 2017, Statistics Estonia, 2017.

Lai noteiktu, kā darbaspēka imigrācija ietekmē ekonomiku Baltijas valstīs, ir jāpaskatās uz regresijas koeficientu (B) (skat. 1. tabulu). No tā izriet, ka Latvijā, palielinoties darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 61 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.34%. Lietuvā, palielinoties darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 113 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.44%. Igaunijā, palielinoties darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 47 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.28%.

Pēc autores aprēķiniem, Igaunijā arī bija noteikta ļoti stiprā un pozitīvā lineārā saikne starp augsti/vidēji/zemkvalificētā darbaspēka imigrāciju un IKP. Tas nozīmē, ka neatkarīgi no darba imigrantu izglītības un kvalifikācijas līmeņa, tie pozitīvi ietekmē Igaunijas ekonomikas izaugsmi. Piemēram, Igaunijā, palielinoties augsti kvalificētai darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 5 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.44%; vidēji kvalificēta darbaspēka imigrācijai palielinoties par 1% jeb 11 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.38%; zemkvalificētā darbaspēka imigrācijai palielinoties par 1%

jeb 2 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.36%. Latvijā un Lietuvā pozitīvā ietekme uz ekonomiku galvenokārt ir no vidēji kvalificētā darbaspēka imigrācijas. Piemēram, Latvijā palielinoties vidēji kvalificētā darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 42 cilvēkiem, IKP palielinās par 0.24%.

Vēl viens sektors, ko var ietekmēt darbaspēka imigrācija un emigrācija Baltijas valstīs, ir darba tirgus, bet konkrētāk – nodarbinātības un bezdarba līmenis šajās valstīs (skat. 2. tabulu). Pēc autores pētījuma rezultātiem bija noteikta vidēji ciešā un pozitīvā lineārā saikne starp darbaspēka imigrāciju un nodarbinātības līmeni Igaunijā, kā arī vidēji ciešā un negatīvā lineārā saikne starp darbaspēka imigrāciju un bezdarba līmeni. Tas nozīmē, ka Igaunijā darbaspēka imigrācijas pieaugums pozitīvi ietekmē situāciju darba tirgū – nodarbinātības līmenis palielinās un bezdarba līmenis samazinās. Savukārt, starp darbaspēka emigrāciju un nodarbinātības līmeni/bezdarba līmeni Igaunijā bija noteikta ļoti vājā lineārā saikne, t.i., situācija Igaunijas darba tirgū ir maz atkarīga no darbaspēka emigrācijas valstī.

Latvijā un Lietuvā bija noteikta citādā situācija, salīdzinājumā ar Igauniju. Lietuvā bija noteikta vidēji ciešā un negatīvā lineārā saikne starp darbaspēka imigrāciju un nodarbinātības līmeni/bezdarba līmeni (skat. 2. tabulu). Latvijā arī starp šiem rādītājiem bija noteikta negatīvā, bet vājā lineārā saikne. Tas nozīmē, ka, palielinoties darbaspēka imigrācijai Lietuvā, gan nodarbinātības līmenis, gan bezdarba līmenis valstī samazinās. Latvijā darbaspēka imigrācijas izmaiņas vāji, bet negatīvi ietekmē situāciju darba tirgū. Tas var nozīmēt arī to, ka nodarbinātības līmeni šajās valstīs vairāk ietekmē citi faktori, ne tikai darbaspēka imigrācijas izmaiņas. Piemēram, pēc autores aprēķiniem bija noteikts, ka Latvijā un Lietuvā starp darbaspēka emigrāciju un nodarbinātības līmeni pastāv vidēji ciešā un negatīvā lineārā saikne, bet starp darbaspēka emigrāciju un bezdarba līmeni – ļoti stiprā un pozitīvā lineārā saikne. Tas nozīmē, ka darbaspēka emigrācija Latvijā un Lietuvā negatīvi ietekmē situāciju darba tirgū – palielinoties darbaspēka imigrācijai, nodarbinātības līmenis samazinās un bezdarba līmenis palielinās. Igaunijā darbaspēka emigrācijas izmaiņas vāji ietekmē nodarbinātības un bezdarba līmeņus valstī (p -vērtība > 0.05) (skat. 2. tabulu).

2. tabula

Korelācijas un regresijas koeficienti starp darbaspēka imigrāciju/emigrāciju un nodarbinātības līmeni/bezdarba līmeni Baltijas valstīs, 2004.–2016. gads

	Latvija	Lietuva	Igaunija
Darbaspēka imigrācija			
Nodarbinātības līmenis	r= -0.273	r= -0.610	r= 0.519
	p-vērtība= 0.461	p-vērtība= 0.019	p-vērtība= 0.028
	B= -0.039	B= -0.066	B= 0.028
	Const= 14.091	Const= 15.984	Const= 13.269
Bezdarba līmenis	r= -0.224	r= -0.610	r= -0.519
	p-vērtība= 0.461	p-vērtība= 0.019	p-vērtība= 0.047
	B= -0.039	B= -0.066	B= -0.240
	Const= 14.939	Const= 15.984	Const= 11.088
Darbaspēka emigrācija			
Nodarbinātības līmenis	r= -0.532	r= -0.687	r= -0.243
	p-vērtība= 0.050	p-vērtība= 0.011	p-vērtība= 0.719
	B= -0.124	B= -0.124	B= -0.022
	Const= 14.393	Const= 15.984	Const= 13.269
Bezdarba līmenis	r= 0.836	r= 0.775	r= 0.254
	p-vērtība= 0.000	p-vērtība= 0.010	p-vērtība= 0.708
	B= 0.944	B= 1.020	B= 0.212
	Const= 13.350		Const= 11.088

Avots: autores veidots pēc SPSS aprēķiniem, izmantojot datus no Lietuvas statistikos departamentas, 2017, LR Centrālā statistikas pārvalde, 2017, Statistics Estonia, 2017.

Lai noteiktu, kā darbaspēka imigrācija un emigrācija ietekmē nodarbinātības un bezdarba līmeni Baltijas valstīs, ir jāpaskatās uz regresijas koeficientu (B) (skat. 2. tabulu). Piemēram, Lietuvā, palielinoties darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 113 cilvēkiem, nodarbinātības līmenis samazinās par 0.07%, kā arī bezdarba līmenis samazinās par 0.07%. Igaunijā, palielinoties darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 47 cilvēkiem, nodarbinātības līmenis palielinās par 0.03%, bet bezdarba līmenis samazinās par 0.24%. Latvijā bija noteikta ļoti vājā lineārā saikne starp darbaspēka imigrāciju un nodarbinātības/bezdarba līmeni (p-vērtība > 0.05). Tomēr Latvijā, palielinoties augsti- un vidēji kvalificētā darbaspēka imigrācijai, bezdarba līmenis valstī arī samazinās. Piemēram, Latvijā, palielinoties augsti kvalificētā darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 18 cilvēkiem, bezdarba līmenis samazinās par 0.04%; palielinoties vidēji kvalificētā darbaspēka imigrācijai par 1% jeb 42 cilvēkiem, bezdarba līmenis samazinās par 0.05%.

Latvijā, palielinoties darbaspēka emigrācijai par 1% jeb 132 cilvēkiem, nodarbinātības līmenis samazinās par 0.12% un bezdarba līmenis palielinās par 0.94%. Lietuvā, palielinoties darbaspēka emigrācijai par 1% jeb 353 cilvēkiem, nodarbinātības līmenis samazinās par 0.12% un bezdarba līmenis palielinās par 1.02%. Igaunijā bija noteikta ļoti vājā lineārā saikne starp darbaspēka emigrāciju un nodarbinātības līmeni/ bezdarba līmeni (p -vērtība > 0.05).

Secinājumi

- Kopumā pēc autores veiktā pētījuma bija izdarīti sekojoši secinājumi:
- Darbaspēka imigrācija pozitīvi ietekmē ekonomiku visās trīs Baltijas valstīs.
 - Pie tam pēc autores aprēķiniem bija noteikts, ka Latvijā lielāku pozitīvu ietekmi ekonomikā dod vidēji kvalificētie darba imigranti. Savukārt, Igaunijā pozitīvu devumu dod visi darba imigranti neatkarīgi no viņu izglītības un kvalifikācijas līmeņa.
 - Igaunijā darba imigranti pozitīvi ietekmē nodarbinātības līmeni un līdz ar to arī samazina bezdarba līmeni. Tomēr, Lietuvā un Latvijā bija noteikta citādā situācija: palielinoties darbaspēka imigrācijai šajās valstīs, nodarbinātības līmenis samazinās, bet bezdarba līmenis palielinās. Tas var nozīmēt to, ka darba imigranti Latvijas un Lietuvas darba tirgū veicina bezdarba līmeņa pieaugumu. Savukārt, Latvijā un Lietuvā augsti un vidēji kvalificētā darbaspēka imigrācijas pieaugums samazina bezdarba līmeni.
 - Pēc autores aprēķiniem bija noteikta ļoti vājā lineārā saikne starp darbaspēka emigrāciju un IKP, tāpēc Baltijas valstu ekonomiskā izaugsme ir vāji atkarīga no darbaspēka emigrācijas tendencēm šajās valstīs.
 - Bet bija noteikts, ka Latvijā un Lietuvā darbaspēka emigrācijas izmaiņas ļoti stipri un negatīvi ietekmē situāciju darba tirgū. Tas nozīmē, ka, palielinoties darbaspēka emigrācijai šajās valstīs, nodarbinātības līmenis samazinās un bezdarba līmenis palielinās.
- Autore izstrādāja sekojošus priekšlikumus:
- Igaunijā, Latvijā un Lietuvā ir jāveicina darbaspēka imigrācija, kas stimulē ekonomisko izaugsmi. It īpaši jāfokusējās uz augsti un vidēji kvalificētiem darba imigrantiem.

- Latvijā un Lietuvā ir jāierobežo darbaspēka emigrācija, kas samazina nodarbinātības līmeni un palielina bezdarba līmeni. Tas jādara caur savas valsts prestiža celšanu, kas var arī palielināt darbaspēka imigrāciju šajās valstīs.

Bibliogrāfija

1. D'Auria F., McMorro K., Pckelmann K. (2008) Economic impact or migration flows following the 2004 EU enlargement process: a model based analysis. *Economic Papers* 349. Available: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication13389_en.pdf (accessed on: 18.10.2017).
2. Dustmann C., Frattini T. (2014) The fiscal impact of immigration to the UK. *The Economic Journal*. Available: <http://www.cream-migration.org/files/FiscalEJ.pdf> (accessed on: 18.10.2017).
3. Dustmann C., Frattini T., Glitz A. (2007) The impact of migration: the review of economic evidence. *Final Report*. Available: http://www.ucl.ac.uk/~uctpb21/reports/WA_Final_Final.pdf (accessed on: 18.10.2017).
4. Islam F., Khon S. (2015) The long run impact of immigration on labour market in an advanced economy. *International Journal of Social Economics*, Vol. 42, No. 4, pp. 352–369.
5. Karnite R., Karnitis K. (2009) Iedzīvotāju starpvalstu ilgtermiņa migrācijas ietekme uz Latvijas tautsaimniecību. Atskaite par zinātnisko pētījumu. Pieejams: http://providus.lv/article_files/1187/original/karnites_petijums_final.pdf?1327290867 (skat. 18.10.2017.). (In Latvian)
6. Kerr S.P., Kerr W.R. (2011) Economic impact of immigration: a survey. *Working Paper No 09-013*. Available: https://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/09-013_15702a45-fbc3-44d7-be52-477123ee58d0.pdf (accessed on: 18.10.2017).
7. Latvijas Universitāte. (2007) Darbaspēka ģeogrāfiska mobilitāte. *Eiropas Savienības strukturfondu nacionālās programmas "Darba tirgus pētījumi" projekts "Labklājības ministrijas pētījumi" Nr. VPD1/ESF/NVA/04/NP/3.1.5.1./003*. Pieejams: http://www.lm.gov.lv/upload/darba_tirgus/darba_tirgus/petijumi/geografiska_mobilitate.pdf (skat. 18.10.2017.). (In Latvian)
8. Lietuvos statistikos departamentas. (2017) Indicators database. *Official Statistics Portal*. Available: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize/> (accessed on: 18.10.2017).
9. LR Centrālā statistikas pārvalde. (2017) Latvijas statistikas dati par darbaspēka migrāciju, IKP, nodarbinātības līmeni un bezdarba līmeni. *Statistikas datubāzes*. Pieejams: <http://www.csb.gov.lv/> (skat. 18.10.2017.). (In Latvian)

10. Muniz O., Li W., Schleicher Y. (2017) Why do people move to work in another place or country? *Migration Conceptual Framework*. Available http://cgge.aag.org/migration1e/ConceptualFramework_Jan10/index.html
11. Statistics Estonia. (2017) Economy. Available: <http://www.stat.ee/economy> (accessed on: 18.10.2017).
12. The Migration Observatory. (2017) *The Labour Market Effects of Immigration*. Available: <http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/the-labour-market-effects-of-immigration/> (accessed on: 18.10.2017).

Labour Migration and Its Impact on Macroeconomic Indicators in Baltic Countries

Summary

The aim of the study is explore and define labour migration impact to macroeconomic indicators (GDP, employment rate, unemployment rate) in the Baltic region countries during 2004–2016. To determine, how labour migration affects macroeconomic indicators in the Baltic region countries, different methods can be used, but author for research used correlation and regression methods. For research author used statistical dates by Eurostat, and also Latvian, Lithuanian and Estonian statistical database. For study research author used SPSS Statistics program. First of all, author's research defines that labour immigration positive affects economy in all Baltic region countries. Secondly, in Lithuania labour immigration reduce employment rate, but in Estonia – labour immigration increase employment rate. In addition, in Latvia tertiary and upper secondary immigration reduce unemployment rate in the country. Thirdly, in Latvia and Lithuania labour emigration negative affects situation in the labour market – with the increase in labour emigration, employment rate is down and unemployment rate is up in these countries.

Key words: labour immigration, labour emigration, macroeconomic indicators, unemployment and employment level, Baltic countries.

EFEKTIVITĀTES JĒDZIENS UN TĀ NOZĪME KOMERCSABIEDRĪBU IZCILĪBAS VEIDOŠANĀ

Pētījuma mērķis ir, pamatojoties uz zinātniskās literatūras un zinātnisko rakstu publikācijām, veikt komercsabiedrību efektivitātes jēdziena interpretāciju izpēti, kas pielietojami komercsabiedrību izcilības veidošanā. Pētījuma uzdevumi: 1) izpētīt efektivitātes jēdziena teorētiskos aspektus un vēsturisko attīstību; 2) izpētīt un apkopot komercsabiedrību izcilību veidojošos faktoros. Problēmu veido tas, ka komercsabiedrību darbības efektivitātei ir būtiska nozīme finansiālo un saimniecisko lēmumu pieņemšanas procesā. Uzņēmumu vadošajiem speciālistiem ir jāvērtē uzņēmumu finansiālās darbības efektivitāte, lai kopumā novērtētu vadības lēmumu efektivitāti, kas ir nozīmīgi veidojot kopējo uzņēmumu izcilību. Latvijā nav veikti padziļināti finansiālās darbības efektivitātes pētījumi, ne arī pētījumi par efektivitātes nozīmi komercsabiedrību izcilības veidošanā. Lai iegūtu pilnvērtīgu uzņēmuma efektivitātes novērtējumu, ir svarīgi izpētīt termina efektivitāte daudzveidību un vēsturisko attīstību un meklēt saistību starp efektivitāti un izcilību. Jo galvenais komercsabiedrību konkurētspējas priekšnosacījums ir kvalitāte, kas sevī ietver – procesu, rezultātu (efektu) un vērtību. Pētījuma novitāte: pamatojoties uz nozares literatūra, Latvijas un ārvalstu zinātnieku publicētajiem zinātniskajiem rakstiem, pētījumiem un monogrāfijām, zinātnisko konferenču materiāliem, sniegt efektivitātes jēdziena skaidrojumus (interpretācijas), lai pilnvērtīgi novērtētu komercsabiedrības efektivitātes nozīmi izcilības veidošanā. Balstoties uz izpētes rezultātiem, var secināt, ka efektivitāte ir faktors, kas parāda, ka procesa rezultāti saskan ar klientu vajadzībām un sabiedrības vēlmēm. Efektivitātes mērīšanas jautājumi vienmēr bijuši saistīti ar paaugstinātu interesi no uzņēmēju puses, ko nosaka nepārtraukta nepieciešamība paaugstināt savas darbības produktivitāti un veidot komercsabiedrību izcilību. kreativitāte ir nepieciešama oriģinalitātes vai efektivitātes sastāvdaļa.

Atslēgas vārdi: efektivitāte, produktivitāte, izcilība, finanses, interpretācija, resursi, komercsabiedrības.

Neskatoties uz efektivitātes jēdziena vēsturisko attīstību, efektivitātes mērīšanas koncepciju attīstību un efektivitātes praktiskajiem pētījumiem, pastāv dažāda efektivitātes jēdziena izpratne. Efektivitātes jēdziens ir viena no svarīgākajām ekonomiskās analīzes kategorijām, taču nepastāv viennozīmīga efektivitātes jēdziena tulkojuma angļu–amerikāņu, latviešu un krievu valodā, kā arī pastāv pretrunas šī jēdziena skaidrojumos un interpretācijā (Kotane, 2015). Bieži vien var dzirdēt gan teorētiku, gan praktiķu

izteikumus, ka veiksmīgai uzņēmējdarbībai ir jābūt efektīvai, bet uzņēmumiem izciliem (DIVE The Customer Service Improvement Company, 2017). Šādi apgalvojumi bieži vien ir vispārināti un netiek paskaidroti sīkāk, ko nozīmē efektīvs uzņēmums, izcils uzņēmums, efektīva rīcība vai izcilība biznesa procesos. Galvenais uzņēmuma konkurētspējas priekšnosacījums ir kvalitāte, kas sevī ietver trīs elementus – procesu, rezultātu un vērtību. Nevar apšaubīt arī efektivitātes (rezultāta un izmaksu attiecības), kā arī inovāciju nozīmību. Jautājums – cik daudz Latvijā strādājošo uzņēmumu saskata šajos pamatelementos iespēju parādīt un attīstīt savu izcilību? Un vai tas viņiem ir vispār nepieciešams? Protams, jāņem vērā, ka Latvijas tirgus nav pārāk liels, līdz ar to konkurences līmenis atsevišķās produktu un pakalpojumu grupās nav pārāk augsts, tāpēc uzņēmēji jūtas pietiekami komfortabli un jautājums par izcilību viņiem ir sekundārs. Jāatzīmē, ka kvalitāte, efektivitāte, kā arī inovācijas atrodas noteiktā mijiedarbībā. Proti, jo kvalitatīvāks tiks saražots produkts vai sniegts pakalpojums, jo mazāk būs jāvelta laiks un līdzekļi produktu pārstrādei vai pakalpojuma atkārtotai sniegšanai, kas tiešā veidā ietekmēs uzņēmuma darbības efektivitāti – mazāk garantijas izmaksu, pārstrādes izmaksu, soda naudu utt. Uzņēmuma saimnieciskās darbības un kapitāla izmantošanas efektivitātes rādītājs ļauj salīdzināt dažāda lieluma uzņēmumu darbības efektivitāti (rezultatīvāti, ienesīgumu, rentabilitāti vai atdevi). Efektivitāte ir daudzslāņains un subjektīvs jēdziens. Efektivitātes jēdziens ir plašs, tas ir saistīts gan ar resursu (naudas, laika, cilvēku u.c.) apjomu, gan ar rezultātu (gan kvalitatīvi, gan kvantitatīvi). Efektivitāte ietver sevī daudz vairāk par finanšu rādītājiem un pieprasa pamatīgu iedziļināšanos, jo ikviena uzņēmuma situācija ir unikāla. Efektivitātes mērīšanas jautājumi vienmēr bijuši saistīti ar paaugstinātu interesi no uzņēmēju puses, ko nosaka nepārtraukta nepieciešamība paaugstināt savas darbības produktivitāti un veidot komercsabiedrību izcilību. Efektivitāti var uzskatīt par vienu no vadības koncepcijām. H. Emersons uzskatīja efektivitāti par galveno vadītāja uzdevumu, radīja efektīvas ekonomiskās darbības teoriju, noskaidroja funkcionālo atkarību starp ražošanas organizāciju un vadības principiem, un efektivitātes jēdzienu pielīdzināja produktivitātes jēdzienam.

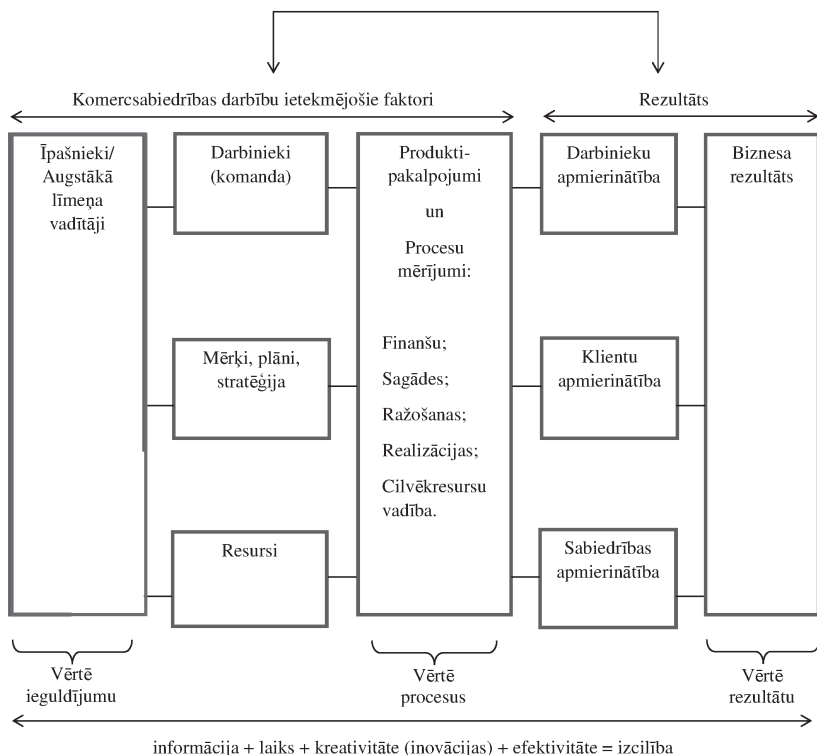
Ikvienai organizācijai ir savi mērķi un uzdevumi, un atkarībā no tā, cik efektīvs būs darba process, tiks sasniegti izvirzītie mērķi. Savukārt veids, kā mērķi sasniegt, ir izveidot tādu vidi, kurā visas iesaistītās puses sadarbotos, kur procesa rezultātā rastos vērtība – prece vai pakalpojums, kam ir sava vērtība organizācijas pastāvēšanā. Darba rezultāti gan valsts

iestādē, gan privātā uzņēmumā lielā mērā ir proporcionāli iestādes vai uzņēmuma darba organizācijai. Līdz ar to nepieciešama pārdomāta sistēma – process, kas atsevišķu uzdevumu izpildi virzītu noteiktā un loģiskā secībā. Tātad procesu var definēt kā savstarpēji saistītu un savstarpēji mijiedarbojošos darbību kopumu, kas transformē ieguldījumu rezultātā. Procesi ir strukturētas darbības, kuras tiek veiktas, lai tiktu darīts darbs un sasniegts izvirzītais mērķis.

Katra uzņēmuma mērķis ir uzlabot produkta vai pakalpojuma kvalitāti, strādāt efektīvi. Mācīšanās, novērtēšana un uz uzlabošanu vērsta aktivitātes palīdz komecsabiedrībām strādāt ražīgi, efektīvi un veidot jaunu, kvalitatīvu, oriģinālu produktu/pakalpojumu, kas ir aktuāli katram uzņēmumam, neatkarīgi no tā darbības vietas, pārstāvētās nozares un tirgus īpatnībām. Pasaules tirgum kļūstot konkurētspējīgākam un globalizētākam, komercsabiedrību izcilība ir viens no biznesa panākumu priekšnosacījumiem (Suwala, 2014). Ieviešot izcilības modeļus uzņēmumā, lielāku uzmanību būtu jāpievērš tam, ka izcilības modeļi nav instruments, ar kuru tiks izlabotas visas problēmas uzņēmumā, bet gan princips, kritēriju un paņēmieni kopums, ar kura palīdzību ir iespējams uzlabot uzņēmuma darbību, lai ilgtermiņā gūtu panākumus. Pasaulē ir dažādi biznesa izcilības modeļi, kuri vērsti uz uzņēmumu konkurētspējas attīstību, efektivitātes paaugstināšanos un pilnveidošanos. Izmantojot Eiropas izcilības modeļa kritēriju blokus (Laugale, 2017) izveidoju komercsabiedrību organizatorisko ietvaru. Biznesa Izcilības modeļus tiek rekomendēti, vēloties uzlabot uzņēmuma saimnieciskās darbības rādītājus un pilnveidojot tajā notiekošos procesus, bet tajā pašā laikā vēl nevēloties pildīt noteiktas prasības un standartus, kas būtu nepieciešami, ja ieviestu sertificētu kvalitātes sistēmu, kas ir Biznesa izcilības modeļu priekšrocība salīdzinājumā ar sistēmām (Veselova, 2017).

Viena no Izcilības modeļa vērtīgākajām īpašībām, kas nosaka tā praktiskā pielietojuma lietderību ir tas, ka šis modeļa vienkāršību vai sarežģītību izvēlas lietotājs pats. Tas var būt ātrs diagnostisks līdzeklis svarīgāko rezultātu novērtēšanai vai arī progresīvi detalizētāka analīze kā uzņēmuma ilgtermiņa attīstības stratēģijas daļa. Efektivitāti var uzskatīt par vienu no vadības koncepcijām. Viens no vadības teorijas pamatlicējiem H. Emersons (*H. Emerson*) uzskatīja efektivitāti par galveno vadītāja uzdevumu (Emerson, 1909, 1911). Uzņēmuma efektivitātes analīze parāda savstarpējo saistību starp ilgtermiņa un īstermiņa rezultātiem, uzņēmuma un tā plānu efektivitātes novērtējumu, efektivitātes mērījumiem ir jābūt ilglaicīgiem (tiem jāatspoguļo dinamika) un efektivitātes aprēķini jāsaista ar

attiecīgā uzņēmuma lielumu, darba specifiku un ražotā produkta īpatnībām. Efektivitāte ir faktors, kas parāda, ka procesa rezultāti saskan ar klientu vajadzībām un sabiedrības vēlmēm.



1. att. Organizatoriskais ietvars ceļā uz izcilību

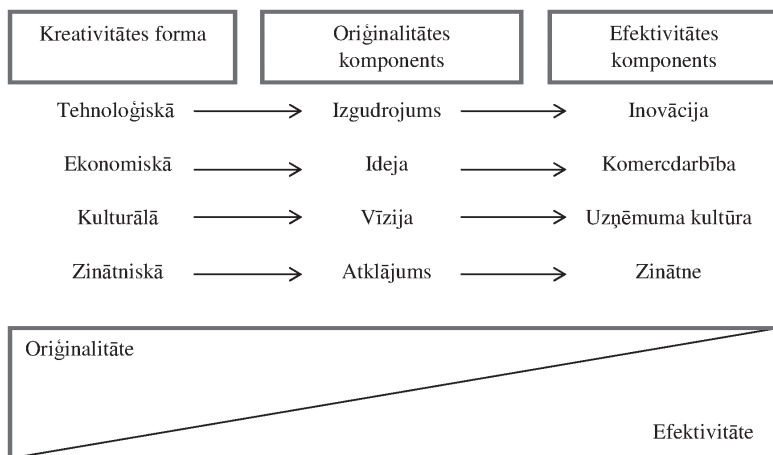
Avots: LinkedIn Corporation, 2017; LU Kvalitātes parvaldības sistēma, 2013.

Efektivitāte pamatojas uz trīs būtiskiem raksturojošiem elementiem: ieguldījumiem, īstermiņa darbības rezultātu un ilgtermiņa darbības rezultātu. Efektivitātes jēdziens attiecināms gan uz resursu patēriņu, gan sasniegto rezultātu kvalitāti – noteiktu mērķa sasniegšanu (Veselova, 2017).

Regulāra mērķu un stratēģijas noteikšana veido viedokli par uzņēmuma darbību un palīdz vadībai izanalizēt sasniegtos rezultātus, noskaidrot iespējamās kļūdas un veikt preventīvas darbības, lai pilnveidotos. Izcilība ir attieksme gan pret klientu, gan darbinieku, kuram ir skaidra uzņēmuma

attīstība un ietekme uz uzņēmuma mērķu sasniegšanu un darbību. Šobrīd nav vienotas metodikas vai viena konkrēta sistēma, kas būtu piemērojama visiem uzņēmumiem (Petersons, 2017). Tas dod iespēju uzņēmumu vadībai nolemt, kuru sistēmu tā ieviesīs. Tomēr visa pamatā ir uzņēmuma vadības un darbinieku kopīgs darbs nebeidzamajā kvalitātes un efektivitātes kāpināšanas procesā.

Kreativitātes definīcijā ietverts tas, ka tās ir jēgpilni jauninājumi, kuri reizē gan noderīgi (pielietojami), gan vērtīgi (vērtību radoši). Izšķir zinātnisko un kulturālo kreativitāti, kurām īpaši svarīgs ir jēgpilns jauninājums un tehnisko un saimniecisko (ekonomisko) kreativitāti. Tehniskajai – īpaši svarīga ir pielietojamība, ekonomiskajai – monetārā virsvērtība un vērtības radīšana. Gan noderīgs (pielietojams) gan vērtīgs dod savu ieguldījumu efektivitātes nodrošināšanā. Principiāli – kreativitāte ir nepieciešama oriģinalitātes vai efektivitātes sastāvdaļa. Jātā nav, tās ir rutīnveida darbības. Ja nav efektivitātes, tad veidojas tā saucamās šķietamās izmaiņas, kas ir pseido vai it-kā kreatīva.



2. att. Oriģinalitātes un efektivitātes attiecība dažādās kreativitātes formās

Avots: autores veidots attēls.

Mūsdienas raksturo straujas pārmaiņas un uzņēmējiem nepieciešams pielāgoties, jāmacās būt radošiem, jāprot pieņemt netradicionāli risinājumi. Jāmeklē uzņēmumu izaugsmes veicināšanas iespējas, kas slēpjas

darbību vienkāršošanā, efektivitāti veicinošu pārmaiņu ieviešanā uzņēmumā, kā arī ikviena darbinieka iesaistīšanā, izmantojot dažādas produktivitātes pieejas un nezaudējot attīstības jaudu; kā uzlabojot komercsabiedrības kultūru un darba devēja tēlu, un jaunu tehnoloģiju lomā darba organizēšanā.

Bibliogrāfija

1. DIVE The Customer Service Improvement Company. (2017) *Kadel klientu servisa izcilība ir nozīmīga?* Pieejams: <http://dive-group.com/lv/par-mums/kadel-klientu-servisa-izciliba-ir-nozimiga/> (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
2. Emerson H. (1909) *Efficiency as a Basis for Operation and Wages*. 1st Edition. New York, NY: The Engineering Magazine.
3. Emerson H. (1911) Efficiency: What the term means as applied to business management. *System*, Vol. 19, pp. 41–49.
4. Kotane I. (2015) *Komerccdarbības efektivitātes jēdziens un tā interpretācija*. Pieejams: <http://journals.ru.lv/index.php/LNRE/article/view/1169/1242> (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
5. Laugale L. (2017) *Biznesa izcilības modelu EFQM un MBNQA pielietojums uzņēmumos un to salīdzinājums*. Pieejams: http://www.turiba.lv/ff/Laugale_K3.pdf (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
6. LinkedIn Corporation. (2017) *Parvaldības izcilība 3.0. Lina Dzene. DPA Konfernce 2014*. Pieejams: <https://www.slideshare.net/ebuc/prvaldbas-izcilba-30-lina-dzene-dpa-konfernce-2014> (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
7. LU Kvalitātes parvaldības sistēma. (2013) *Latvijas Universitātes Izcilības modelis*. Pieejams: https://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/dokumenti/strategijas-un-koncepcijas/lu_izcilibas_modelis.pdf (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
8. Peterson M. (2017) *Procesu vadīšanas īpatnības muitas dienestos*. Pieejams: http://aurora.turiba.lv/editor/Conference14/vBook/proceeding/pages/LV035_Petersone/LV035_Petersone.htm (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
9. Suwala L. (2014) *Kreativitāte, Kultūra un Raums. Ein wirtschafstgeographischer Beitrag am Beispiel des kulturellen Kreativitätsprozesses*. Springer VS. (In German)
10. Veselova A. (2017) *Biznesa izcilības modeļi un to pielietojums*. Pieejams: http://www.bvef.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/projekti/evf/konferences/LU_73_konference/Marketings/Anzela_Veselova.pdf (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)

Efficiency Concept and its Significance in Creating of Commercial Companies' Excellence

Summary

Despite the historical development of efficiency concept, development of efficiency measurement concepts and practical research of efficiency, there exists different understanding of an efficiency concept. One can often hear the statements of theoreticians and practisers, that successful entrepreneurship should be efficient. Such statements are often generalized and are not explained more detailed, what an efficient company, an efficient action or efficiency in some processes mean. The main precondition of company competitiveness is quality that includes three elements – a process, a result and a value. Significance of efficiency (result – costs ratio) and innovations cannot be doubted as well. The issue is – how many companies working in Latvia see an opportunity to show and develop their excellence in these basic elements? And is it necessary for them to do that at all? Certainly, one should take into account that Latvian market is not a very big one; thereby level of competition in some product and service sectors is not very high, therefore businessmen feel comfortable enough and the issue of excellence is of secondary consideration for them. It should be noted, that quality, efficiency and innovations are there in certain interaction. Namely, the more qualitative is a manufactured product or given service, the less time and resources are to be devoted to re-manufacturing of the product or repeating the service, which directly will influence efficiency of company performance – less warranty costs, processing costs, fines etc. Efficiency indicator of company economic activity and capital usage allow comparing efficiency of activity of companies in different size (performance, profitability, or return). Efficiency is a multi-layered and subjective concept. Efficiency concept is wide, it is connected with amount of resources (money, time, human etc.), and result, too (both qualitative and quantitative). Efficiency involves more than financial indicators and requires thorough introspection, because a situation of every company is unique. Issues of efficiency measurement have always been connected with increased interest of businessmen, which is determined by continuous need to raise operational productivity.

Key words: productivity, efficiency, excellence, finance, interpretation, resources, commercial company.

Jūlija Liodorova, Irina Voronova (Latvija)

LATVIJAS EKONOMISTU UN JURISTU IEGULDĪJUMS MAKSĀTNESPĒJAS NOVĒRTĒJUMĀ EVOLŪCIJA

Rakstā veikta Latvijas zinātnieku maksātnespējas novērtēšanas pētījumu sintezētais apkopojums juridiskās regulēšanas reformas fonā laika posmā no 1998. līdz 2017. gadam. Pētījuma mērķis ir veikt maksātnespējas novērtēšanas vēsturisko pārskatu Latvijā, novērtēt to attīstību maksātnespējas reformas laikā un prognozēt iespējamās izmaiņas. Mērķu sasniegšanai autore veica bibliometrisko pētījumu par Latvijas pētnieku darbiem angļu, latviešu un krievu valodās maksātnespējas novērtēšanas jomā laika posmā no 1998. līdz 2017. gadam. Izlases apjoms ir 78 publikācijas. Autore atlasa Latvijā visbiežāk pētītos maksātnespējas prognozēšanas modeļus un sadala tos pēc precizitātes novērtējuma, kritiski vērtējot veiktos pētījumus modeļu precizitātes novērtēšanā izlases apjomā un statistisko metožu pielietošanas griezumā.

Atslēgas vārdi: maksātnespēja, bibliometriskais pētījums, prognozēšanas modeļi, Latvija.

Ievads

Pēc Allianz datiem 2017. gadā pirmo reizi 7 gadu laikā Globālais maksātnespējas indekssvar paaugstināties par 1% (Allianz, 2016). Šis kopējais rādītājs ir divu komponentu ar pretējām tendencēm rezultāts. Pirmā komponenta –liela mēroga pastāvīgs maksātnespējas pieaugums Latīņamerikā (+12%), Āfrikā (+9%) un citās valstīs, otrā – bankrotu skaita samazinājums Rietumeiropā (-4%), kā arī Centrālajā Eiropā un Austrumeiropā (-1%). Latvijas reģionālā maksātnespējas indeksa izmaiņām salīdzinājumā ar 2000. gadu ir samazināšanās tendence: 2015. gadā – -16%, 2016. gadā – -10% un 2017. gadā tas var sasniegt -5%.

Ir vairāki pētījumi par bankrota diagnostikas attīstību (Akers, 2007; Aziz, 2006; Jackson, 2013; Succurro, 2017). Piemēram, M. B. Akers apkopoja 165 bankrota prognozēšanai veltītus pētījumus par 1965.–2007. gadu un novērtēja modeļu precizitāti attiecībā pret modeli iekļauto individuālu predikatīvu mainīgo skaitu (Akers, 2007). M. D. Aziz apskatā norādīti vairāki modeļi, kas izmantoti bankrota prognozēšanai (Aziz, 2006). R. U. Džeksons veica 13 modeļu testēšanu pēc Lielbritānijas datiem (Jackson, 2013). M. Sukkurro analizēja bankrotus 6 Rietumeiropas valstīs 2011.–2015. gadā, piedāvājot prognozēšanas modeli rūpniecības uzņēmumu-

miem, balstoties uz 7 rādītājiem, kas iekļauti visu valstu modeļos. Savukārt, Latvijā nav pētījumu uzņēmumu maksātspējas novērtēšanai reģionālajā rakursā (Succuro, 2017).

Raksta autores izsekoja bankrota prognozēšanas modeļu evolūciju no vienfaktora un daudzfaktoru modeļiem līdzmodeļiem, kas balstīti uz mākslīgo intelektu. Autores secina, ka aplēses, kas veiktas uz vienas mainīgās bāzes, var būt tikpat efektīvas, kā aplēses, kas balstās uz sarežģītākajiem pēc matemātiskās uzbūves modeļiem. Autores konstatē, ka vienotā teorija mainīgo izvēlei neeksistē un toatlasei izmanto dažādas metodes.

Pētījuma objekts ir Latvijas ekonomistu un juristu ieguldījums reģionālās maksātspējas novērtēšanā, pētījuma priekšmets – Latvijas apstākļiem atbilstošās maksātspējas novērtēšanas metodes.

Pētījuma mērķis ir Latvijas ekonomistu pētījumu vēsturiskais apskats maksātspējas noteikšanas modeļu izstrādē un to praktiskajā pielietošanā, modeļu attīstības novērtēšana juridiskās reformas gaitā un iespējamo pārmaiņu prognozēšana.

Raksts strukturēts četrās sadaļās. 1. sadaļā – pamatota pētījuma aktualitātēm sniegti darba mērķi. 2. sadaļa īsumā raksturo maksātspējas juridiskā regulējuma attīstību Latvijā. 3. sadaļa veltīta bibliometriskajam pētījumam par Latvijas zinātnieku publikācijām maksātspējas novērtēšanā. 4. sadaļā sniegti secinājumi un nākamie iespējamie pētījumu virzieni.

Maksātspējas juridiskā regulējuma attīstība Latvijā

1991. gada 3. decembrī pieņemts pirmais maksātspēju reglamentējošais normatīvais akts Latvijā – likums “Par uzņēmumu un uzņēmēj-sabiedrību maksātspēju un bankrotu” (LR Augstāka Padome, 1991). Likumā izskaidrota maksātspējas definīcija un atrunāts maksātspējas atzīšanas pamats – uzņēmums nav spējīgs noteiktajos termiņos (3 mēnešos) izpildīt kreditoru prasības ne mazāk kā 50% apjomā no ieguldījuma uzņēmējdarbībā, procesu administrē kreditoru sapulce.

1996. gada 12. septembrī pieņemtajā likumā “Par uzņēmumu un uzņēmēj-sabiedrību maksātspēju” maksātspēja ir tiesiskais process. Kreditori sadalīti divās grupās – nodrošinātie un nenodrošinātie, to lēmumu izpildei ieviesta neatkarīga persona – administrators. 2007. gada 1. novembrī pieņemtajā Maksātspējas likuma būtiskākās novitātes bija tiesiskās aizsardzības un fiziskās personas maksātspējas procesa ieviešana, darbinieku prasījumu nodrošināšana.

Spēkā esošais Maksātspējas likums pieņemts 2010. gada 26. jūlijā, jau ir pieejama likuma jaunā redakcija, kas stāsies spēkā ar 2018. gada 1. jūliju.

Latvijas uzņēmumu maksātspējas novērtšanai jau vēsturiski paredzētas prasības tās novērtēšanai. Tā, 2000. gada 13. aprīlī pieņemtajā Komerclikumā noteikts, ka uzņēmumiem ir jāvērtē pašu kapitāla apjoms un, ja zaudējumi sasniedz pusi no pamatkapitāla, ir jāsasauca dalībnieku sapulce lēmuma pieņemšanai (LR Saeima, 2000). Arī dividendes nedrīkst aprēķināt, ja no uzņēmuma gada pārskata izriet, ka pašu kapitāls mazāks par pamatkapitālu. Dividendes drīkst izmaksāt tikai naudā, nodrošinot naudas plūsmas pietiekamību uzņēmumā.

Saskaņā ar 1992. gada 14. oktobrī pieņemto likumu “Par uzņēmumu gada pārskatiem” (pašlaik – “Gada pārskatu un konsolidēto gada pārskatu likums”) gada pārskats sastādāms ar pieņēmumu, ka uzņēmums darbosies arī turpmāk, tādējādi, novērtējot savu maksātspēju nākamajam gadam (LR Augstākā Padome, 1992).

2016. gada 21. septembrī izstrādātas maksātspējas politikas attīstības pamatnostādnes, kurās konstatēti sistēmas trūkumi – zemi kreditoru atgūšanas rādītāji, ieilguši procesi u.c., rezultātā īstenojot jaunu pieeju maksātspējas jautājumiem.

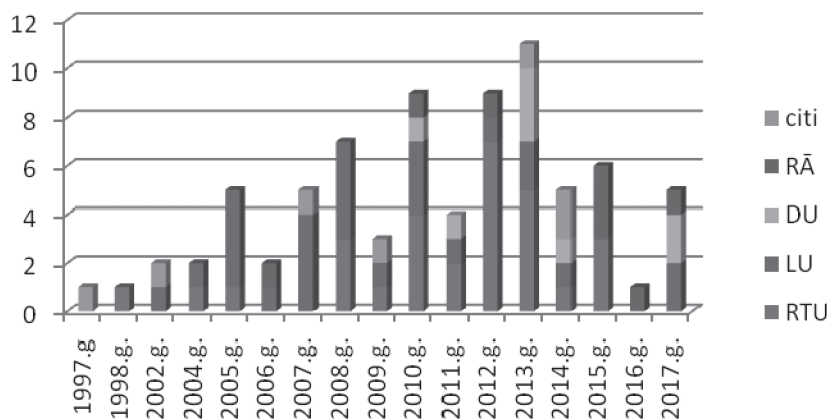
Par Latvijas juristu zinātnisko ieguldījumu maksātspējas problemātikā var atzīmēt Maksātspējas administrācijas atziņu apkopojumus maksātspējas lietās par 01.01.2008.–31.05.2012. (2012), starptautiskā biroja “*Deloitte*” jurista J. Helmuta Senāta Civilā departamenta lēmumu apkopojumu par 2011.–2014. gadu (2014), pētījumu par pārkāpumiem maksātspējas jomā (2016), Valsts kontroles veikto revīziju par valsts maksātspējas politikas efektivitāti (2015), V. Sajadovas pētījumu (2015) par maksātspējas sistēmas salīdzināšanu Baltijas valstīs, Čehijā un Somijā.

Latvijas ekonomiskie pētījumi maksātspējas novērtēšanā

Veicot bibliometrisko pētījumu par Latvijas ekonomistu ieguldījumu maksātspējas novērtēšanā, tika atlasītas 78 publikācijas par periodu no 1997. līdz 2017. gadam ieskaitot. No tām, 36 publikācijas ir latviešu valodā, 35 – angļu un 7 krievu valodā. Visvairāk publikācijas ir 2013. gadā (11), kas laika ziņā sakrīt ar Pasaules krīzi un masveida bankrotiem.

Ar problemātikas izpēti sākotnēji nodarbojas divas Latvijas augstskolas – Rīgas Tehniskā Universitāte (RTU) – 29 publikācijas un Latvijas

Universitāte (LU) – 26 publikācijas, ar 2010. gadu tām pievienojas Daugavpils Universitāte (DU) – 8 publikācijas un Rēzeknes Augstskola (RA) – 8 publikācijas.



1. att. Maksātspējas pētījumu sadalījums pa gadiem un Latvijas augstskolām

Avots: autoru izveidotais attēls.

Sākot ar 1998. gadu RTU zinātnieki R. Šorins un I. Voronova, ar 2007. gadu – LU pētniece R. Šneidere, pārstāvēt uzņēmumu bankrota diagnostikas skolu, izstrādā un adaptē maksātspējas prognozēšanas modeļus dažādu nozaru Latvijas uzņēmumiem. RTU zinātnieces N. Lāce (2008), N. Koleda (2011), LU zinātnieces D. Šķiltere, R. Žuka (2006, 2010), atbalstot multivariatīvās analīzes skolas uzskatus, koncentrējās uz uzņēmumu finansiāli-saimniecisko darbību raksturojošo rādītāju sistēmas izveidi. RTU pētniece I. Jansone (2010–2014) klasificēja uzņēmumu finansiālos riskus, DU pētnieks J. Sergejevs (2013–2017) izstrādāja rādītāju sistēmas atkarībā no lietotāju grupām, LU pētniece D. Šteinberga (2007) noteica uzņēmumu statistisko reitingu.

M. Kudinska (LU, 2005, 2008), I. Genriha (RTU, 2010–2012) un A. Čaplinska (DU, 2010–2014) savus pētījumus veltīja kredītiestāžu nozarei, E. Zelgalve un I. Bērzkalne (LU, 2013) mēģināja pārbaudīt prognozēšanas modeļus uzņēmumiem, kuru akcijas kotējās Baltijas fondu biržā. I. Voronovas, K. Didenko, J. Mežiela (RTU), I. Arbidānes (RA) un R. Šneideres (LU) darbu akcents bija finanšu pārskatu dažādība un izman-

tošanas kvalitāte finansiālās stabilitātes novērtēšanai (Sneidere, 2009; Voronova u.c., 2012; Arbidane, 2013).

Daži darbi ir nozīmīgi teorētiskajā aspektā. Tā, E. Zelgalve un I. Kālis (LU) analizēja finansiālās stabilitātes jēdzienu un piedāvāja finanšu analīzes rādītāju sistematizāciju praktiskai pielietošanai (Zelgalve, 2004; Kalis, 2004). Jāatzīmē, ka sākotnēji finanšu stabilitātes novērtēšanas metodiku piedāvāja nevis zinātnieki, bet praktizējošie grāmatveži (piem., Mavlutova, 2007).

Ir darbi, kuros tiek analizēti specifiski aspekti – naudas plūsmas ietekme uz maksātspēju (Subatnieks, 2007), maksātspējas noteikšana ar laika rindu un neironu tīklu palīdzību (Grabusts, 2010), maksātspējas procesa pārvaldīšana (Klauss A., Klauss K., 2004), krāpnieciska bankrota pierādīšana tiesu ekspertīzē (Spieciute et al., 2013).

11 Latvijas ekonomistu pētījumos kopš 1998. gada veikta ārvalstu modeļu precizitātes novērtēšana attiecībā uz Latvijas uzņēmumiem, ko veic LU un RTU pētnieki. Laika posmā no 1997. līdz 2017. gadam Latvijas pētnieku darbos tika verificēti 19 ārvalstu modeļi, no kuriem visbiežāk sastopami Altmana un Zmijevska modeļi (6 reizes). Gandrīz tikpat liela interese Latvijas pētniekiem bija par Springeita, Taflera/Tišova un Fulmera modeļu precizitāti (verificēti 5 reizes). Vismazāk apskatīti ir Lisa, Tamari, Taflera, Depalana, Argenti un divu faktoru ASV modelis (verificēti 1 reizi).

No vairāk Latvijā verificētajiem modeļiem augstāko precizitāti dod Altman-Z' modelis – no 69 līdz 91% (vidējais pētnieku novērtējums ir 78%), Altman-Z' (vidēji 74%) un Zmijevska modelis (vidēji 73%). Pārējo modeļu precizitāte ir zem 60%.

Atsevišķi modeļi, piemēram tādi, kā Kraliček ātrie testi, rāda augstu precizitāti (73–78%), tomēr salīdzinājumā ar pārējiem modeļiem tie ir verificēti mazāk (2 reizes).

Ārvalstu modeļu verificācijas rezultāti Latvijas uzņēmumos uzrādīti 1. tabulā, sīkāk pa publikācijām tie apkopoti raksta pielikumā.

1. tabula

Latvijā verificēto modeļu apkopojums 1997.–2017. gadā

Verificētie modeļi ar precizitāti virs 60%				Verificētie modeļi ar precizitāti zem 60%			
Modelis	Vidējā precizitāte	Verifikācijas specifikācija		Modelis	Vidējā precizitāte	Verifikācijas specifikācija	
		periods	skaits RTU/LU			periods	skaits RTU/LU
Modeļi, kas pārbaudīti 5 un vairāk reizes							
Altman-Z'	78%	2006.–2015.	2/4	–	–	–	–
Altman-Z'	74%	2007.–2015.	3/3	–	–	–	–
Zmijevski	73%	2007.–2013.	3/3	–	–	–	–
Fulmer	67%	2006.–2013.	1/4	–	–	–	–
Springeit	63%	2006.–2013.	1/4	–	–	–	–
Modeļi, kas pārbaudīti mazāk par 5 reizēm							
Kraliček tests 1	78%	2012.–2013.	2/0	Djuran	57%	2008.–2015.	3/0
Kraliček tests 2	73%	2012.–2013.	2/0	2-faktoru	57%	2006.–2008.	1/1
Altman-Z	68%	2008.–2015.	3/1	Tafler/Tisov	46%	2007.–2015.	3/2
Tamari	64%	2006.	0/1	Argenti	44%	2008.	1/0
Tafler	64%	2006.	0/1	Savicka	34%	2007.–2010.	1/2
Liss	62%	2010.	1/0	Tišov	31%	2007.–2010.	0/2
				Irkutskas	25%	2007.–2010.	1/2
				Depalan	n/d	2010.	1/0

Avots: autoru izveidotā tabula.

Rezultātā Latvijas pētnieki nonāca pie šādiem secinājumiem:

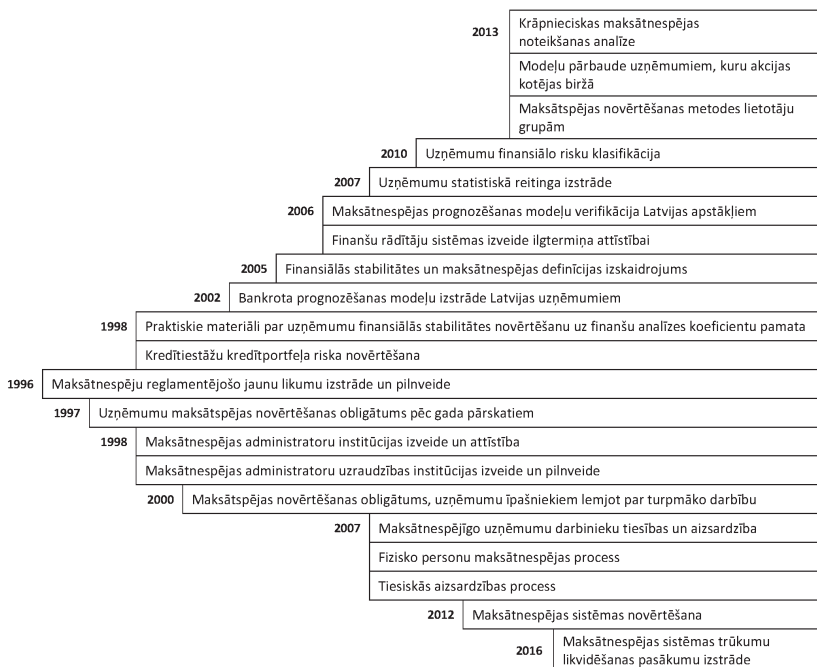
- 1) Altmana izstrādātie modeļi joprojām ir aktuāli un rāda augstu precizitāti maksātspējas prognozēšanā;
- 2) ir nepieciešama ārvalstu modeļu adaptācija Latvijas apstākļiem.

Testējot prognozēšanas modeļus, Latvijas zinātnieku pārbaudāmo uzņēmumu skaits svārstās no 48 līdz 2278, tostarp 9 darbos uzņēmumu skaits nepārsniedz 163 uzņēmumus, kas secinājumu izdarīšanai nav samērīgs. Prognozes rezultātu novērtēšanai pētnieki pielieto dažādas metodes, kas neļauj viennozīmīgi salīdzināt noteiktās modeļu precizitātes.

Veicot ārvalstu modeļu adaptāciju Latvijas apstākļiem, laika posmā no 1998. līdz 2011. gadam izstrādāti 4 Latvijas modeļi. No tiem uz Altmana modeļiem balstītie – Šorina/Voronovas piecu faktoru modelis (1998), Genrihas/Petteres/Voronovas trīsfaktoru modelis (2011), Mucenieces/Lāces divfaktoru unikālais modelis tirdzniecības uzņēmumiem (2010), Šķilteres/Žukas deviņu faktoru modelis, kas balstās uz Fulmera modeli (2010).

Mucenieces/Lāces modeļa pašu pētnieču aprēķinātā precizitāte ir 83%, tomēr vairāk šā modeļa atbilstība nebija pārbaudīta. Šķilteres/Žukas modeļa precizitāti autores novērtēja 97.27%, savukārt 2013. gadā veiktā modeļa verifikācija uzrādīja 65%. Šorina/Voronovas modelis 2007.–2013. gadā pārbaudīts 6 reizes, un tā precizitāte pēc dažādu pētnieku novērtējumiem svārstās no 55 līdz 80%, kas vidēji ir 67%. Genrihas modelis verificēts 3 reizes, norādot precizitāti intervālā 66–80%, vidēji 71%.

Autores grafiski attēloja Latvijas ekonomistu ieguldījumus maksātspējas novērtēšanas attīstībā juridiskā regulējuma izmaiņas fonā 2. attēlā.



2. att. Latvijas ekonomistu ieguldījums maksātnespējas novērtēšanas jomā juridiskā regulējuma attīstības fonā

Avots: autoru izveidotais attēls.

Secinājumi

Apkopojot pētījuma rezultātus, autore secina, ka uzņēmumu maksātnespējas novērtēšana ir aktuāls jautājums, kuru turpina pētīt visas pasaules zinātnieki, koncentrējoties uz reģioniem atbilstošu specifiku.

Maksātnespējas sistēmas regulēšanai Latvijā kopš 1996. gada notiek nepārtraukta normatīvo aktu pilnveide. Pateicoties juristu pētījumiem maksātnespējas sistēmas novērtēšanā, sākot ar 2012. gadu konstatētas vairākas problēmas un uzsākts darbs to risināšanā.

Attiecīgajā laika periodā Latvijas ekonomistu vidū veikti 78 pētījumi, mēģinot saprast Latvijas uzņēmumu maksātnespējas ekonomiskās problēmas un cenšoties adaptēt vietējiem apstākļiem piemērotos ārvalstīs izstrādātos prognozēšanas modeļus. Rezultātā pārbaudīti 19 ārvalstu modeļi, par piemērotākajiem atzīstot Altmaņa un Zmijevska modeļus,

izstrādāti 4 Latvijas modeļi, no kuriem prioritāte zinātnieku vidū ir Šorina/Voronovas un Genrihas et al. modeļiem. Pārbaudāmo uzņēmumu skaits un modeļu precizitātes novērtēšanai izmantojamās metodes neļauj viennozīmīgi salīdzināt Latvijas pētnieku veiktos novērtējumus.

Nobeigumā autore atzīmē, ka analogiski pārējām valstīm, Latvijas ekonomistiem ir jāturpina ārvalstu un vietējo maksātspējas noteikšanas modeļu pārskatīšana atbilstoši esošajām tendencēm un vietējiem apstākļiem. Kā turpmāko pētījumu izaicinājumus autore redz Latvijas maksātspējas sistēmas tiesiskā regulējuma ekonomisko novērtēšanu. Sekojot uzsāktiem pētījumiem, jāturpina jaunu maksātspējas novērtēšanas metožu apzināšana, Latvijā mazāk pārbaudīto prognozēšanas metožu un modeļu pētīšana, esošo augstas precizitātes modeļu nepārtraukta verifikācija un pielāgošana Latvijas apstākļiem, paplašinot pārbaudāmo objektu skaitu un pielietojot atbilstošas precizitātes noteikšanas metodes.

Bibliogrāfija

1. Akers M.B. (2007) A review of bankruptcy prediction studies: 1930-present. *Journal of Financial Education*, Vol. 33, pp. 1–42.
2. Allianz. (2016) *Insolvencies: The Tip of the Iceberg. Special Focus on State-Owned Enterprise Around the World*. Available: www.eulerhermes.com (accessed on: 09.10.2017).
3. Arbidane I. (2013) Uzņēmuma apgrozamo aktīvu parvaldība. *Promocijas darba kopsavilkums*. Pieejams: https://du.lv/wp-content/uploads/2015/12/kopsavilkums_arbidane_s-1.pdf(skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
4. Aziz M.D. (2006) Predicting corporate bankruptcy: where we stand? *Corporate Governance*, Vol. 6, Issue 1, pp. 18–33.
5. Grabusts P. (2010) Evaluation of bankruptcy risks' analysis possibilities. *International Scientific School – Modelling and Analysis of Safety and Risk in Complex Systems (MASR2010)*, Saint-Petersburg, Russia, July 6–10, pp. 258–263.
6. Jackson R.W. (2013) The performance of insolvency prediction and credit. *The British Accounting Review*, Vol. 45, pp. 183–202.
7. Kalis I. (2004) Finanšu menedžments. Rīga: Latvijas Universitāte. (In Latvian)
8. Klaus A., Klaus K. (2004) Parvaldība maksātspējas procesa. *LU raksti, Vadības zinātne*, 674. seji., 156.–166. lpp. (In Latvian)
9. LR Augstākā Padome. (1991) Likums “Par uzņēmumu un uzņēmējdarbību maksātspēju un bankrotu”, stājas spēkā ar 01.01.1992., zaudēja spēku ar 12.10.1996. *Diena*, Nr. 249, 24. decembris. (In Latvian)
10. LR Augstākā Padome. (1992) Likums “Par uzņēmumu gada pārskatiem”, spēkā ar 01.10.1993., zaudēja spēku ar 01.01.2016. *Diena*, Nr. 205, 30. oktobris. (In Latvian)

11. LR Saeima. (2000) Komerclikums, stajas spēka ar 01.01.2002., spēka esoss. *Zinotajs*, Nr. 11, 1. jūnijs. (In Latvian)
12. Mavlutova I. (2007) Uzņēmumu maksātspējas prognozesanas metodika. *Bilance*, Nr. 1(157), 13.–15. lpp. (In Latvian)
13. Sneidere R. (2009) *Finansu analīzes metodes uzņēmuma maksātspējas prognozēšanai*. Rīga: Lietiskās informācijas dienests. (In Latvian)
14. Spieciute A., Barkauskas M., Kuncevic M., Jansone A., Zeltite A., Liodorova J., Kangro I., Liivamae I. (2013) *The Economic Expertise Best Practice Guide for Investigation of the Crimes Related to Bankruptcy and for Completion of the Experimental Insolvency Research in the Baltic Countries*. Available: www.ltec.lt/get.php?f.189 (accessed on: 17.10.2017).
15. Subatnieks K. (2007) Naudas plusmas izmantosana uzņēmuma finansu analīze. Promocijas darbs. Pieejams: https://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/715257/6803-Subatnieks_Karlis_Dokt020115.pdf?sequence=1&isAllowed=y (skat. 19.10.2017.). (In Latvian)
16. Succurro M. (2017) Financial bankruptcy across European countries. *International Journal of economics and Finance*, Vol. 9, No. 7, pp. 132–146.
17. Voronova I., Didenko K., Meziels J. (2012) Assessment of solvency: Case of Latvian enterprises. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Improvement of the Theory and Methodology of Finances and Taxes"*, Yoshkar-Ola, Russia, May 10–12, pp. 28–34.
18. Zelgalve E. (2004) Kredītspejas novērtēšana. *Latvijas Universitātes raksti*, 671. sejums Ekonomika, III. Rīga: LU akadēmiskais apgads, 431.–438. lpp. (In Latvian)

Contribution of Latvian Economists and Lawyers into the Evolution of Insolvency's Assessment

Summary

The article is devoted to the synthesis of the Latvian scientists' research of companies' insolvency assessment in the background of the legal regulation reform in the 1998–2017. The Latvian regulatory enactments of insolvency are continuous improved since 1996. Thanks to the lawyers' studies in the assessment of the insolvency system, from 2012, several problems were identified and work has begun in solving them. During the relevant period, 78 studies were conducted among Latvian economists trying to understand the economic problems of insolvency of Latvian companies and trying to adapt forecasting models, which are suitable for local conditions. As a result, 19 forecasting models were tested, from which the Altman and Zmievski models are the most suitable ones with accuracy above 60%. 4 Latvian models were developed, among the most accuracies are the Shorin/Voronova and Genrihas et al. models. The quantity of companies to be inspected and the methods used to assess the accuracy of models do not allow a clear comparison of the assessments made by Latvian researchers.

Key words: bankruptcy, bibliometrical research, forecasting models, Latvia.

Latvijā verificēto modeļu apkopojums 1997.–2017. gadā

Nr.p.k.	Modelis	Šķītere/Žuka	Šneidere	Lāce/Koleda	Mackevičius/ Šneidere	Genriha/ Voronova	Jansone/ Voronova	Didenko/ Voronova et al.	Bērzkalne/ Zelgalve	Mežiels/ Voronova	Golubova/ Voronova et al.	Voronova/ Jansons	Verifikācijas apkopojums	
													skaitis	vidēja precizitāte
Specifikācija	Verifikācijas gads	2006	2007	2008	2010	2010	2010	2012	2013	2013	2013	2015		
	Uzņēmumu skaits	2278	163	n/d	163	2858	63	48	75	48	51	100		
	Pārskatu skaits	n/d	513	n/d	513	n/d	n/d	n/d	n/d	n/d	126	n/d		
	Pārbaudāmais periods	2001– 2002	2000– 2004	n/d	2002– 2006	n/d	2006– 2008	2007– 2010	2002– 2011	2008– 2011	2008– 2011	2005– 2012		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1.	Altman-Z	–	–	69.4	–	62.33	–	–	68	–	–	74	4	68%
2.	Altman-Z'	–	~73	–	72.8	60.33	–	–	83	–	70.63	82	6	74%
3.	Altman-Z''	~73	~91	–	91.4	59.93	–	–	82	–	–	69	6	78%
4.	Argenti	–	–	43.8	–	–	–	–	–	–	–	–	1	44%
5.	Deplāns Ž.	–	–	–	–	–	n/d	–	–	–	–	–	1	n/d
6.	Djuran	–	–	67.5	–	–	–	–	–	–	55.56	48	3	57%
7.	Divu faktoru (ASV)	~50	–	63.8	–	–	–	–	–	–	–	–	2	57%
8.	Genriha/Pettere/ Voronova	–	–	–	–	–	–	–	–	80	68.25	66	3	71%

12	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
9.	Irkutskas	-	~10	-	8.2	56.48	-	-	-	-	-	-	3	25%
10.	Fulmers	~52	~87	-	85.9	-	-	-	45	-	66.67	-	5	67%
11.	Kraliček Test1	-	-	-	-	-	-	76	-	-	80.16	-	2	78%
12.	Kraliček Test2	-	-	-	-	-	-	66	-	-	80.16	-	2	73%
13.	Liss	-	-	-	-	62.04	-	-	-	-	-	-	1	62%
14.	Savicka	-	~26	-	25.0	56.80	-	-	-	-	-	-	3	34%
15.	Springeits	~79	~61	-	61.2	60.99	-	-	53	-	-	-	5	63%
16.	Šķiltere/Žuka	-	-	-	-	-	-	-	-	-	65.08	-	1	65%
17.	Šorins/Voronova	-	~75	-	75.0	60.55	80	-	55	-	58.73	-	6	67%
18.	Taflers	~64	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	64%
19.	Taflers/Tišovs	-	~24	39.4	22.8	61.33	-	-	-	-	-	81	5	46%
20.	Tamari	~64	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	64%
21.	Tišovs	-	~31	-	31.5	-	-	-	-	-	-	-	2	31%
22.	Zmijevskis	-	~76	-	76.7	60.31	-	-	95	53	76.19	-	6	73%

Avots: autoru izveidotā tabula.

ENTREPRENEURSHIP ECOSYSTEM: DISTRIBUTION OF INCOME IN SELECTED COUNTRIES

The presented research is devoted to analysis of income distribution in selected countries. Middle segment of households with disposable income between 10 000 USD and 30 000 USD serves as focus of performed analysis. The following assumption is being raised: pattern of income distribution, and, especially, size of middle class is precondition of sustainable entrepreneurship in each country, i.e. income distribution mode considerably affects overall business conditions or, to put in another way, impacts entrepreneurship ecosystem. The author compares current income distribution in developed countries and slightly less developed countries. After that Latvia and Lithuania for deeper analysis have been selected: the author forecasts middle segment change for medium time span (until year 2020) for long time span (until year 2030). Along with comparative analysis modeling of various scenarios is performed (such as recession of Euro zone, non-compromised Brexit etc.). Finally, forecasting of middle income segment in Latvia and Lithuania for long time span is performed in USD by current prices as well as by Purchasing Power Parity. Obtained results signal about relative insensitivity of Latvia to external shocks (excluding only global crisis), in comparison with Lithuania. Further analysis shows, however, that Latvia will experience the similar decline of middle class, as in Lithuania, just 3–5 years later.

Key words: income distribution, middle class, sustainable entrepreneurship, entrepreneurship ecosystem.

Introduction

Sustainable development of regions depends on wide array of intertwined factors, which are widely discussed in scientific literature. Among those factors well-functioning business plays important role. Favorable entrepreneurship system heavily depends on purchasing capacity of their clientele. There is unanimous agreement that countries with long lasting more even distribution of income across society are more favorable for doing business (Tvaronavičienė, 2016; Petrenko et al., 2017; Dirzyte et al., 2017; Fabus, 2017; Kvaratskhelia 2017; Gavurova et al., 2017; Kucharcíková et al., 2017). Despite extremely big disparities in income are more characteristic for less developed countries, in our paper we will tackle developed countries. In developed countries distribution of income (and wealth) does not affect development processes so crucially, if to

juxtapose underdeveloped world. Comparisons here are hardly possible. Anyway, if to look for additional drivers for more sustainable entrepreneurship, we believe, expansion of middle class could contribute to business flourishing in developed world too. In order to find out if expansion of middle class could potentially result in palpable results for comparatively less developed European countries, let us observe distribution of income in selected countries of this region.

Methodology of comparisons of income distribution in selected countries

Relying on official statistical data we will examine fraction of middle class in selected more developed European countries. Additionally to the selected countries from Europe we will include into our analysis United States of America. So, Germany and United Kingdom and Norway will represent the best developed countries in Europe with USA taken for comparison reasons with purpose to check if level of development conditions similar distribution even if economic policies differ. Comparatively less developed European countries in this research are represented by Czech Republic, Bulgaria and there Baltic countries: Lithuania, Latvia and Estonia. After clarifying if consistent pattern could be traced, we will focus on Lithuania and Latvia. Besides comparisons of state of the art for Lithuania and Latvia, we will analyze various scenarios of external environment and will forecast change of middle class in that changed conditions. We assume that middle class is fraction of population with disposable income between 10 000 and 30 000 US dollars per year. Here we need to point that if we attribute different interval of income to represent middle class, we would receive respectively differing picture. Since we intend to focus on Lithuania and Latvia, we believe that chosen brackets for middle class characteristic are suitable because corresponds perception of middle class in targeted countries.

Data and its interpretation

Below (Fig. 1) we provide graphical depiction of middle class segment in selected countries. As it was already indicated above, we assume, that middle class segment could be represented by number of inhabitants with disposable income from 10 000 to 30 000 US dollars per year. At first let us juxtapose countries, representing geographic Europe – Germany, United Kingdom, Norway – and USA. It is interesting that in all selected

developed countries we observe significant fraction of middle class. Inhabitants with disposable income below 10 000 USD is minority; middle class comprises significant fraction in all developed countries. One peculiarity is found: in USA and Norway distribution of income is reflected by inverted pyramid, which vividly signals the majority of population have disposable income above 30 000 USD per year. Despite those two countries are incomparable in their size, distribution of society is rather similar: rich people prevail. It is interesting that other two countries, which represent developed European countries, demonstrate slightly different pattern of income distribution across society: in Germany and UK we do not observe inverted pyramid, since here middle class (not the richest one) comprises majority. According theory of economic development, specifically such mode of income distribution the mostly facilitates further economic development. To conclude, well developed countries have significant middle class and significant fraction of rich people. In some countries rich (top) class prevail, in some countries middle class prevail. Poor people in well developed countries comprise minority of population (Fig. 1).

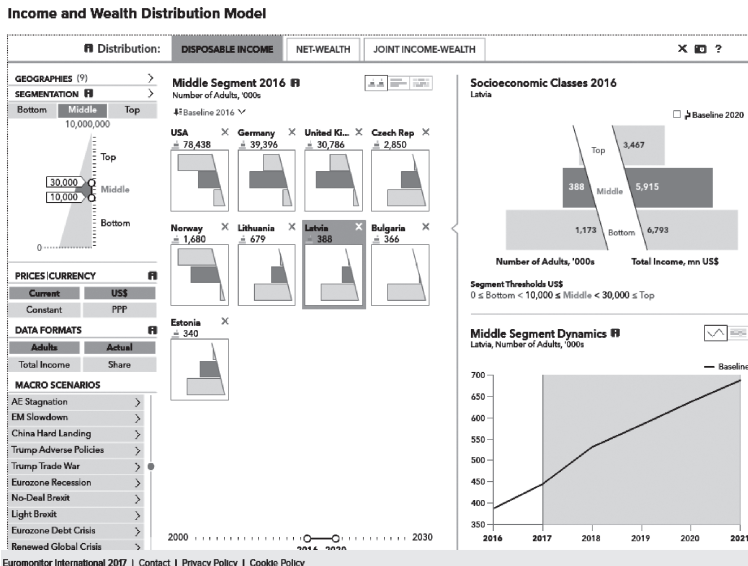


Fig. 1. Middle class in selected countries, forecast of Latvia's middle class change until year 2021 *ceteris paribus*

Source: Euromonitor International, 2017.

Let us examine pattern of income distribution in selected less developed European countries: Check Republic, Lithuania, Latvia, Estonia and Bulgaria. Pictograms of those countries presented in Figure 1 allow us to see that we have very differing pattern of income distribution across society: here middle class (in Bulgaria it is even nonexistent) is minority. The biggest share of three distinguished income groups comprise poor people, or bottom group. It is peculiar that well developed and less developed countries differ considerably in disposable income distribution patterns across society. If to return to characteristic of entrepreneurship ecosystem, we can state that less developed European countries are much less favorable for business development. Less developed countries have to think about certain tradeoff to mitigate this unfavorable factor affecting overall business environment.

Plausible scenarios of development and their impact on middle class dynamics

Let us look at forecast of middle class change tendencies until year 2020. The forecast has been performed by use of Euromonitor International database Passport. Let us look at the variant, when all conditions remain the same; i.e. *ceteris paribus*. Let us take Lithuanian case, middle class numbers. We will use two different estimations of disposable income for attribution of households to middle class segment. In one case we will attribute people to middle class by disposable income measured in current prices (Fig. 2), and in the second case we will look at numbers of inhabitants, with disposable income 10 000 and 30 000 USD estimated by purchasing power parity (Fig. 3). We see that number differ, and even direction of trend is opposite. Results of forecasting show that numbers of people with disposable income between 10 000 and 30 000 USD, estimated in current prices would increase in the nearest future, alas number of people within the same range estimated in PPP would diminish considerable. Let us recall that we are considering Lithuanian case. We reason that obtained results signal about fast diminishing of purchasing power of Euro in Lithuania. To put that in another words, we could say that prices of goods and services included into a basket for PPP estimations would increase in Lithuania enormously.

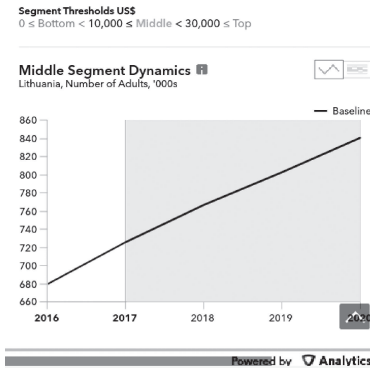


Fig. 2. Forecast of Lithuanian middle class dynamics, current prices

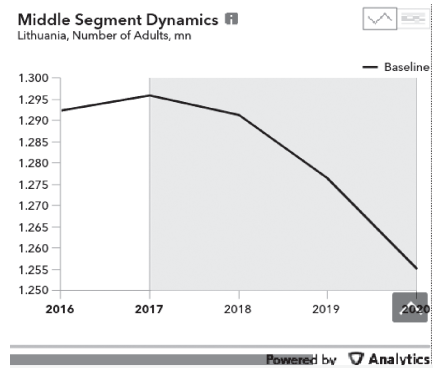


Fig. 3. Forecast of Lithuanian middle class dynamics, Purching Power Parity (PPP)

Source: Euromonitor International, 2017.

Let us look at Latvia's analogues data. Middle segment dynamics for Latvia is presented in Figure 1 (look the right bottom of the picture) and middle segment dynamics estimated in PPP is presented in Figure 4 (look below). It is very interesting to note, that Latvia's forecast in PPP completely differs from Lithuanian one.

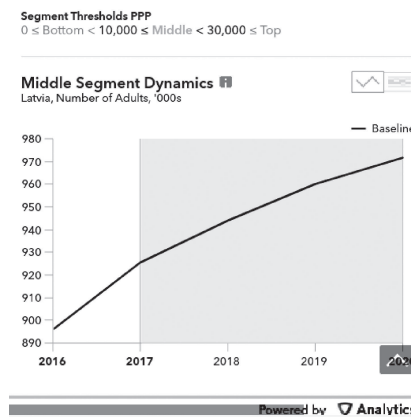


Fig. 4. Forecast of Latvia's middle class dynamics, in Purching Power Parity (PPP) *ceteris paribus*

Source: Euromonitor International, 2017.

The forecast suggests, that in Latvia size of middle class will expand. There is no controversy between data obtained using current price and PPP approach. We can expect sequent development of economy, with expanding middle class. Obtained data for Latvia allow us to expect favorable ecosystem for entrepreneurship in this country. Let us examine how plausible scenarios of international development would affect middle class development in Lithuania and Latvia. At first let us take two scenarios: Eurozone Recession, probability 8% (scenario and probability are taken from Euromonitor International database Passport).

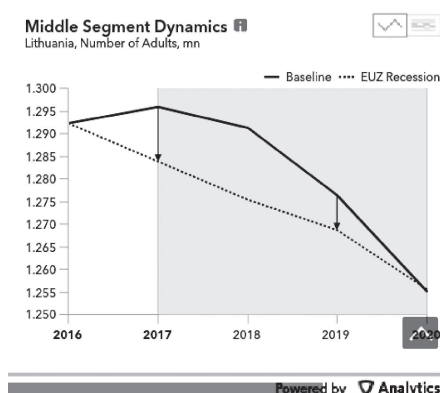


Fig. 5. Impact of Eurozone recession on Lithuania’s middle class development (PPP version)

Source: Euromonitor International, 2017.

Let us examine two additional scenarios. This time we will look at Latvia’s results specifically. Emerging markets (EM) slowdown, 11%. Another scenario is so named “No-Deal Brexit probability 18%. Estimated Probability: 30–40% over a 2-year horizon, 15–20% over a 1-year horizon”. We do not present graphs, just state that those scenarios do not affect Latvia much, what signals about weak ties of Latvia with European countries. Further analysis of plausible scenarios shows that only one scenario – global crisis – would affect Latvia’s middle economy more significantly. To conclude, tendencies of income distribution in Lithuania and Latvia are rather similar with a single clearly visible difference: the same phenomenon in Latvia would take place with some delay. Expected delay is in the range of 3–5 years as further forecasts show. Dis-

tribution of income in Lithuania and Latvia will not contribute sufficiently to accomplishing of entrepreneurship ecosystem in analyzed countries.

Conclusions

Analysis of disposable income distribution patterns in selected well developed countries and comparatively less developed European countries let us come to the following insights. Completely differing patterns of income distribution were found in affluent and less wealthy societies: in rich countries top and middle class embrace majority of population; while in less developed European countries the low income segment is the largest; it is followed by middle segment and the top segment is insignificant. Various scenarios of external environment change, would not impact Lithuania and Latvia in medium range. In long run middle class in Lithuania and Latvia should expand, alas its purchasing capacity may diminish hence real expansion of middle layer of society *ceteris paribus* hardly plausible until year 2030. Latvia, as it is expected, would replicated patterns of Lithuanian development with the single difference that the same phenomena will occur with delay.

References

1. Dirzyte A., Rakauskiene O.G., Servetkiene V. (2017) Evaluation of resilience impact on socio-economic inequality. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 4, No. 4, pp. 489–501.
2. Euromonitor International. (2017) *Database Passport*. Available: <http://go.euromonitor.com/passport.html> (accessed on 15.10.2017).
3. Fabus M. (2017) Current development of business environment in Slovakia and Czech Republic. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 5, No. 1, pp. 127–137.
4. Gavurova B., Virglerova Z., Janke F. (2017) Trust and a sustainability of the macroeconomic growth insights from dynamic perspective. *Journal of Security and Sustainability Issues*, Vol. 6, No. 4, pp. 637–648.
5. Kucharcikova A., Tokarcikova E., Klucka J., Konusikova L. (2015) Foreign direct investment: Impact on sustainable development in regions of Slovak Republic. *Journal of Security and Sustainability Issues*, Vol. 5, No. 1, pp. 59–71.
6. Kvaratskhelia M. (2017) World challenges and economics of Georgia. *Journal of Security and Sustainability Issues*, Vol. 6, No. 4, pp. 619–625.
7. Petrenko E., Iskakov N., Metsyk O., Khassanova T. (2017) Ecosystem of entrepreneurship: risks related to loss of trust in stability of economic environ-

ment in Kazakhstan. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 5, No. 1, pp. 105–115.

8. Tvaronaviciene M. (2016) Start-ups across the EU: If particular tendencies could be traced. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 3, No. 3, pp. 290–298.

**Экосистема предпринимательства:
распределение дохода в некоторых странах**

Резюме

Представленное исследование посвящено анализу распределения доходов в некоторых странах. Для анализа был выбран средний сегмент домохозяйств с располагаемым доходом от 10 000 до 30 000 долларов. Предполагается, что характер распределения доходов и, в особенности, размер среднего класса являются предпосылками долгосрочного предпринимательства в любой стране, т.е. являются элементом экосистемы предпринимательства. Автор сравнивает распределение доходов в некоторых более развитых и менее развитых странах. Далее Латвия и Литва были выбраны для более глубокого анализа: автор прогнозирует изменение среднего сегмента домохозяйств в среднесрочном (до 2020 года) и в долгосрочном (до 2030 года) периоде. Наряду со сравнительным анализом автором смоделированы несколько сценариев будущего (такие, как рецессия в Еврозоне, бескомпромиссный Брексит и другие). Кроме того, представлены вероятные тенденции изменения количества домохозяйств со средним уровнем доходов в Латвии и Литве в долгосрочном периоде: как в текущих ценах, так и по паритету покупательной способности. Полученные результаты свидетельствуют об относительной нечувствительности Латвии к внешним шокам (за исключением глобального кризиса), в результате чего тенденции развития среднего класса в Латвии существенно отличаются от литовских тенденций. Но дальнейший анализ показывает, что Латвия так же, как и Литва, переживёт уменьшение среднего класса, но 3–5 годами позже.

Ключевые слова: распределение дохода, средний класс, долгосрочное предпринимательство, экосистема предпринимательства.

GLOBAL PENSION CRISIS AND REFORM CHALLENGE IN GEORGIA

Reform of pension systems to bring them closer to the World Bank's recommendations implies (1) longer working lives and (2) less income replacement from tax-funded pay-as-you-go systems. The main difficulty in applying these recommendations in transition economies is that prefinancing in a mature pay-as-you-go system implies that the members of one generation must bear an additional burden – saving for their own retirement while simultaneously paying for that of their parents. This is affordable only if the current transfers can be gradually reduced through a major reform. Few governments in Eastern Europe have tackled this entire agenda. All of the Baltic countries, Albania, Georgia, and the Czech Republic have tackled major parts of it, with some success. Why has reform proven so difficult? First, the claims of current pensioners have not been resolved. Their pensions were originally based on some kind of earnings-related formula and barely replaced their monetary income. The policy response during hyperinflation (e.g., fixed-amount compensations for price increases) has for the most part eliminated these differences, so that the structure of benefits paid today in most of the countries is relatively flat. While the macroeconomics of fiscal stability and growth suggest that future entitlement payments should be reduced and savings by the current working generation increased, the political agenda is often quite different. This paper finds that increasing the statutory retirement ages for women to age 65 after 2020, and then increasing the retirement ages for both men and women to age 68 by 2060 is an attractive policy option that helps to ensure that basic pension benefits are adequate and helps to contain government spending on basic pensions and potentially improve fiscal sustainability. This policy reform option has the further benefit of potentially stabilizing the ratio of pensioners to the working-age population, increasing labor-force participation and, therefore, to contribute to the economic growth in Georgia.

Key words: pension system, pension crisis, reform, Georgia.

A pension system crisis is most acute in Central and Eastern Europe, where the demographic transition has proceeded more rapidly, and the dependency burden weighs more heavily on the working-age population (Central Intelligence Agency, 2015; World Bank, 2015, 2017). However, even in the younger countries, pension financing crises have erupted.

These crises have been economically, politically, and socially painful. From an economic perspective, high and often growing pension expen-

ditures have frustrated stabilization efforts and crowded out other needed government expenditures, such as new social and economic infrastructure. The payroll tax financing of these expenditures provides incentives for informalization of the labor force and lowers labor demand. Politically, the demands of pensioners (and soon-to-be pensioners) – that the government keep its entitlement promises – have proven very difficult to resist, despite the economic cost. Socially, the insecurity associated with declining pension payments for those who have already withdrawn from the labor force has been a major hardship, especially for the small minority of pensioners who have no other source of income or assets. At the same time, the burden of financing these payments has lowered real wages, probably contributing to the growing poverty of households with children.

Most analysts agree that the entitlements promised under the central planning system are not affordable in demographically mature countries.

The future social safety net of the transition economies will need to be anchored by an old-age security system. Fixing the old-age security system involves, first and foremost, a strong effort to convince the population of the need for reform. This effort must be combined with plans for a new, economically viable system that is affordable and equitable and promotes growth. Experience from other countries, both members of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) and middle-income countries in other parts of the world, indicates that a successful pension system will have more than one pillar, with a significant role for privately managed savings and insurance programs. For the post-communist states of Central and Eastern Europe and the New Independent States, this means scaling back the public system while building up the funded, privately managed one to take the pressure off the pay-as-you-go system.

Based on an analysis of pension systems around the world, the World Bank recommends a combination of pay-as-you-go and funded pension systems (World Bank, 2017). Achieving such an arrangement involves setting up a multipillar system that includes the following elements:

- *Pillar 1* – a mandatory pay-as-you-go public pension system designed to provide an income floor for all elderly persons;
- *Pillar 2* – a mandatory funded and privately managed pension system – one whose current reserves are equal to or greater than the present value of all future pension payment liabilities, based on personal accounts (the Latin American approach) or occupational plans (the OECD approach);

- *Pillar 3* – a voluntary system (also funded and privately managed), with strong government regulation, to provide for additional savings and insurance.

Reform of pension systems to bring them closer to the World Bank's recommendations implies (1) longer working lives and (2) less income replacement from tax-funded pay-as-you-go systems. The post-communist states need to place greater reliance on prefunding of pension obligations (with private management of reserves) to (1) smooth out contribution rates as the “baby boomers” retire, and (2) deepen capital markets, and thus enhance growth, through the development of a contractual savings industry. The main difficulty in applying these recommendations in transition economies is that prefinancing in a mature pay-as-you-go system implies that the members of one generation must bear an additional burden – saving for their own retirement while simultaneously paying for that of their parents. This is affordable only if the current transfers can be gradually reduced through a major reform.

In the typical post-communist system, governments can reduce future entitlements by the following means:

- raising the effective retirement age (eliminating early retirement and raising the normal retirement age);
- changing the formula to lower the average benefit;
- reducing indexation provisions (to, for example, the lower of wage or price increases).

Prefunding can be achieved in the public system only by building up a reserve fund. The World Bank recommends that these reserves be allocated to individual accounts (the Latin American approach), as this reduces the “taxation” element of the public pension system, thereby reducing labor market distortions. It also improves the management of the reserves. Funding can also begin through the development of optional, privately managed programs (private pension systems).

Few governments in Eastern Europe have tackled this entire agenda (World Bank, 2015). All of the Baltic countries, Albania, Georgia, and the Czech Republic have tackled major parts of it, with some success. Of these, only Latvia and Georgia have adopted radical pension reforms. While Lithuania, the Czech Republic, and Estonia have been able to avoid the kinds of pension cost explosions faced by Poland, Bulgaria, and Slovenia, even the former three countries are experiencing steady growth in expenditures, as they have simply not reformed entitlements sufficiently. Estonia was able to implement a steady increase in retirement age, but left in

place all the exemptions from the Soviet period, even adding a few. Lithuania and the Czech Republic courageously eliminated almost all early retirement, but chose generous formulas as they attempted to return to the status quo ex ante. Lithuania and Estonia have also experienced a large growth in disability pensioners, probably as a result of lax certification.

Hungary and the Czech Republic were the pioneers in starting private pension systems, demonstrating that transition capital markets can respond to a supply of long-term funds (World Bank, 1994). In the Czech Republic, where subsidies are offered as an alternative to tax concessions, roughly 20 percent of the labor force is now participating in these programs. Russia and the Baltic countries hope to follow their lead shortly. In other countries, the strategy has been to muddle through, hoping that a resumption of economic growth – including growth in real wages and improved tax systems – will solve the problem.

Why has reform proven so difficult? First, the claims of current pensioners have not been resolved. Their pensions were originally based on some kind of earnings-related formula and barely replaced their monetary income. The policy response during hyperinflation (e.g., fixed-amount compensations for price increases) has for the most part eliminated these differences, so that the structure of benefits paid today in most of the countries is relatively flat. Most pensioners are not happy with this, and oppose pension reforms even though pensions are untouched. While the macroeconomics of fiscal stability and growth suggest that future entitlement payments should be reduced and savings by the current working generation increased, the political agenda is often quite different.

Second, the weaknesses of the system are poorly understood by most of the voters. Pay-as-you-go systems are inherently nontransparent, which is why reform is so difficult. Until a crisis occurs, most pensioners imagine that their contributions have been placed somewhere safe, that their entitlement is actuarially fair, and therefore that they are *entitled* to their benefits. After years of central planning, most of the active and retired populations are used to thinking of income as an obligation of the state and are unaware of the issues identified above. And of course, those groups entitled to special early retirement provisions want to keep them.

In short, there is not yet a constituency for reform. The active population has not focused on the cost of this system to them, as the contributions are paid by their firms. Even among policymakers, the depth of the problems is poorly understood. The extent to which the post-communist systems are at variance with both Western European systems

and the systems of countries at their income level is not well known. And even in the high-income welfare states, public pay-as-you-go systems are facing pension financing crises.

Innovation and risk taking will be needed to move forward on this ambitious agenda of reform. Over the last year, a handful of countries have been developing major reforms that involve prefinancing through a mandatory second pillar. In Hungary and Croatia, the governments have decided in principle to create a mandatory second pillar, despite the painful reductions this will produce in the pay-as-you-go system. Similar proposals are also circulating in Poland and the Czech Republic. In 1995, the Latvian government became the first in Eastern Europe to enact a radical reform of the system, including a commitment to developing the second tier for the purposes of prefinancing. Latvia achieved this goal by adopting a whole new approach to the benefit formula (OECD, 2017). The remainder of this chapter discusses that reform and draws from it lessons for further reforms

As in many low- and middle-income countries, the provisions of an adequate old-age income, which includes mitigating poverty among the elderly and their households, is a major challenge in Georgia.

In 2006, Georgia introduced its basic non-contributory pension, which is financed with tax revenues. The impetus for implementation of the basic pension was the collapse of the Soviet Union. Dramatic changes in the country – economic deterioration provoked by the decline in industrial and agricultural production, a challenging transition to a market economy, military conflicts, rising informal sector, migration of younger population, and aging – caused a high incidence of poverty that had to be addressed by social policy. The non-contributory basic pension has proved effective in dealing with elderly, household and child poverty in Georgia. However, two dimensions of the non-contributory pension limit its potential sustainability: the country’s aging population and scarce public financial resources, both of which create many other pressing needs in social provision, including social assistance and health care.

Since 2012, the Georgian government has put forth a systemic reform proposal – a compulsory pension insurance – including the implementation of contributory pension schemes to supplement the basic non-contributory pension (Government of Georgia, 2012, 2014).

While the proposed reform is a promising start, it alone would not be enough to ensure that the government’s fiscal burden remains reasonable, while maintaining the basic pension system’s long-term adequacy and

creating a system with sufficient flexibility to adapt to the evolving demographic environment.

Two factors limit the future sustainability of Georgia's non-contributory basic pension. The country is characterized by an aging population and scarce public financial resources, which create many pressing needs for social provision, including the basic pension, social assistance, health care, etc.

Consequently, the key goals of the basic pension reform are how to ensure: maintaining reasonable funding burdens while also maintaining the long-term sustainability and adequacy of the pension system; and sufficient flexibility in the system to adapt to the evolving demographic environment.

Four pension reform options are considered further:

1. *Indexing future pension benefits to prices.* Among the different parametric reform options, indexation to prices would be considered to protect the purchasing power of pensions. It is worth mentioning that the Georgian government intends to link the basic pension to inflation until 2020 (Government of Georgia 2014).

2. *Increasing retirement ages.* Generally, a parametric pension reform, which aims to reduce the cost of the pension system, may include curtailing eligibility (i.e., changing the number of eligible pensioners by increasing the statutory retirement ages). Curtailing eligibility in Georgia should be considered, as life expectancy at age 60 is projected to increase in coming decades. This option potentially can help to contain pension spending, avoid a socially and politically undesirable decrease in the pension replacement rate, encourage longer stays in the labor market, contribute to economic growth, and improve the fiscal sustainability of a pension system (Eich et al., 2012). Proposes reasonable increases in Georgia's retirement ages, starting in 2025, and a schedule for equalizing retirement ages between men and women, who live longer than men. The retirement ages can be increased and equalized gradually: to age 65 for women after 2020, and then to age 68 for both men and women by 2060 (Ministry of Finance of Georgia, 2017).

Additionally, this policy reform option may induce longer stays in the labor market, which could contribute to consumer spending and economic growth. However, it should be noted that in Georgia increasing and equalizing statutory retirement ages may be quite controversial if we take into account the environment there: high levels of unemployment

and a large informal sector. For instance, over 60 percent of working-age Georgians were self-employed in 2013. Self-employment is most common among rural populations (National Statistics Office of Georgia, 2014). Increasing and equalizing statutory retirement ages will be easier if agriculture develops in Georgia. However, if this policy option is implemented, the problem of low employment in urban areas may cause an increase in urban poverty levels. Increasing and equalizing retirement ages may also impact Georgian women unfavorably, as traditionally women in Georgia tend to stay home, i.e., employment among women is low (National Statistics Office of Georgia, 2014).

3. *Reducing pension generosity through means testing.* Reducing the generosity of benefits is one of the reform options, which would reduce the fiscal burden of the pension system. It may be done by the adoption of means testing. Such a parametric change in the Georgian basic pension system can be done simultaneously with an introduction of compulsory pension insurance, including implementation of second-pillar mandatory contributory pension schemes, which have been suggested by the Georgian government since 2012 and reflected in government documents and laws (Government of Georgia, 2012, 2014). Assuming that contributory pension schemes function successfully, they will enable high-earning participants who contribute to save enough so that they would no longer need a basic pension, which would exist primarily for poverty relief – and not to finance old age for people with higher earnings. This policy reform option would reduce participation in the basic pension system by percent (by means of restricted eligibility criteria) starting in 2045 when pension payments will be available for the participants in the contributory pension schemes.

Despite the fact that the cost of funding the system – if a second-pillar contributory scheme is added – is lower than in the baseline projection, pension spending still increases from 4.7 percent of the GDP in 2015 to 6.3 percent of the GDP by 2075. Reducing the generosity of benefits under the basic pension by means testing is also controversial. A second pillar pension scheme that is mandatory and earnings-related would create uncertainty in Georgia: this systemic reform option may not be implemented, or, if implemented it may be reversed or changed. Additionally, there is a level of uncertainty regarding the successful functioning of a contributory pension scheme in Georgia, since there is a lack of capital market capacity and a regulatory framework to manage earnings-related pension schemes. Moreover, the introduction of such a systemic reform

may widen the state budget deficit and decrease basic pension spending, which will, in turn, affect the sustainability and adequacy of the basic pension program

Implementation details for the second-pillar contributory pension schemes are not clearly described in government documents. However, it is assumed that defined contribution pension schemes, partially funded by employers, employees, and the state budget, will be implemented in Georgia to complement the basic pension (Ministry of Economy and Sustainable Development of Georgia, 2017).

There is evidence that in emerging economies in Latin America and Europe, specific risks arise from the transition to multi-pillar pension systems. In these countries, pension reforms that led to the introduction of mandatory private pensions improved the long-term sustainability of public finances. However, the large transition costs arising from diverting contributions to mandatory private pensions have widened budget deficits and increased borrowing requirements in the near-term. Additionally, there is also the risk that replacement rates in private defined contribution schemes could be inadequate to ensure old-age income in retirement, especially for low-income groups, and, therefore, create pressures for higher social pension spending (World Bank, 2015).

Another reason that this policy reform option would be considered controversial is because means testing may introduce distortions related to disincentives on retirement savings (James, 1996).

4. Simultaneous reforms: Increasing retirement ages and reducing the generosity of benefits by means testing. Some of the previously discussed options for improving and developing the basic pension system in Georgia can be combined into a more appropriate policy reform choice. The medium- and long-term sustainability of the basic pension system can be achieved by undertaking a combination of means testing and a gradual increase and equalization of the retirement ages. This reform mix assumes increasing the statutory retirement ages for women to age 65 after 2020, and for both men and women to age 68 by 2060; and introducing means testing in 2045, as the proposed contributory pension schemes become fully functional. Figure 14 shows that a reform mix will help to ensure a sustainable fiscal position: the cost of the basic pension will be stabilized to around 5 percent of the GDP throughout the projected period. This policy reform option will also help to maintain pension benefits on a consistent level (i.e., the average benefit as percent of the GDP per

worker is stabilized at 12 percent). In addition to its fiscal impact, this policy reform mix would have the potential to increase labor force participation and, therefore, to contribute to the economic growth in Georgia.

One of the main objectives of Georgian social policy is to reduce poverty and the social risks caused by the aging of the country's population (Government of Georgia, 2014). A reform of the non-contributory basic pension system might play a substantial role in achieving this objective. Therefore, the main goal of the pension reform in Georgia should be to maintain the sustainability of the basic pension system and its poverty alleviation feature. The appropriate reform mix might include an increase in retirement ages and a reduction in the generosity of benefits through means testing.

This paper finds that increasing the statutory retirement ages for women to age 65 after 2020, and then increasing the retirement ages for both men and women to age 68 by 2060 is an attractive policy option that helps to ensure that basic pension benefits are adequate and helps to contain government spending on basic pensions and potentially improve fiscal sustainability. This policy reform option has the further benefit of potentially stabilizing the ratio of pensioners to the working-age population, increasing labor-force participation and, therefore, to contribute to the economic growth in Georgia. Additionally, an increase in the retirement ages should be supplemented with other social assistance measures that protect the incomes of those who cannot continue to work, so as to prevent increases in Georgia's poverty rate. This may also lead to potential reforms to disability pensions. Moreover, it should be politically feasible to limit early retirement and, also, to facilitate women's labor force participation in Georgia. Means-tested benefits have the advantage of being less costly than Georgia's current system of universal benefits. The most important implication associated with means testing – which should be addressed by policymakers – is the inherent potential to provoke disincentives to work and save. This may adversely affect development of the proposed second pillar contributory pension schemes. The main challenge related to this policy option would be to create a policy that avoids the negative consequences of means testing, while making means testing an efficient solution for improving the sustainability of the basic pension system in Georgia. Eventually, means testing would change the nature of the basic pension through its transformation: it will transform the universal basic pension into a pension for the poor. Economic growth and institutional improvement in Georgia may facilitate gradual develop-

ment of the proposed second pillar pension system and even a voluntary third pillar system. The generosity of the basic pension system might be reduced, contingent on the development of the contributory pension schemes.

Finally, in the medium-term perspective, the basic pension program must be complemented by an implementation of improved and effective social assistance and health programs targeting the elderly as well as other vulnerable populations who are in extreme poverty. This might enhance the effectiveness of the basic pension in mitigating poverty in Georgia.

References

1. Central Intelligence Agency. (2015) *The World Factbook. Age Structure*. Available: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/fields/2010.html#4> (accessed on 15.10.2017).
2. Eich F., Gust Ch., Soto M. (2012) Reforming the public pension system in the Russian Federation. *IMF Working Paper No. 12/201*.
3. Government of Georgia. (2014) *Social-Economic Development Strategy of Georgia "Georgia 2020"*. Available: <http://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-geo-2014-2018-sd-01.pdf> (accessed on 15.10.2017).
4. Government of Georgia. (2012) *Government Program: For Strong, Democratic and Unified Georgia*. Available: http://gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=68 (accessed on 15.10.2017).
5. James E. (1996) Providing better protection and promoting growth: A defense of averting the old age crisis. *International Social Security Review*, Vol. 49, pp. 3–20.
6. Ministry of Economy and Sustainable Development of Georgia. (2017) *Functions of Capital Market Development and Pension Reform Department*. Available: <http://www.economy.ge/?page=departments&dep=19&lang=en> (accessed on 15.10.2017).
7. Ministry of Finance of Georgia. (2017) *Country Basic Data and Directions (2012–2015; 2013–2016; 2014–2017; 2015–2018)*. Available: <http://www.mof.ge/en/4543> (accessed on 15.10.2017).
8. National Statistics Office of Georgia. (2014) *Statistical Yearbook of Georgia 2013*. Available: <http://www.geostat.ge/index.php?action=wnews&lang=eng&npid=274> (accessed on 15.10.2017).
9. OECD. (2017) *OECD Reviews on Pension Systems: Latvia*. Available: <http://www.oecd.org/els/public-pensions/oecd-reviews-of-pension-systems-latvia-9789264289390-en.htm> (accessed on 15.10.2017).
10. World Bank. (1994) *Averting the Old Age Crisis: Policies to Protect the Old and Promote Growth*. New York: Oxford University Press.

11. World Bank. (2015) *Europe and Central Asia Overview*. Available: <http://www.worldbank.org/en/region/eca/overview#1> (accessed on 15.10.2017).
12. World Bank. (2017) *Pensions*. Available: <http://www.worldbank.org/en/topic/pensions> (accessed on 15.10.2017).

Глобальный пенсионный кризис и вызовы для реформ в Грузии

Резюме

Реформа пенсионных систем с целью приведения их в соответствие с требованиями Всемирного Банка включает в себя: 1) продление трудовой жизни; 2) снижение расходования бюджетных средств, накопленных путём сбора налогов с заработной платы. Основным препятствием для выполнения этих рекомендаций в переходных экономиках является то, что для реализации такой реформы представителям одного поколения придётся взять на себя дополнительную нагрузку – накопление собственных пенсий при параллельном обеспечении пенсиями своих родителей. Это возможно только при условии, если текущие пенсионные выплаты будут существенно снижены. Лишь немногие правительства в Восточной Европе решились на это. Все страны Балтии, Албания, Грузия и Чехия с разной долей успеха попытались воплотить в жизнь большую часть рекомендаций Всемирного Банка. Почему же реформы осуществляются с трудом? Во-первых, требования нынешних пенсионеров не были выполнены. Их пенсии изначально рассчитывались по формуле, связанной с номинальным размером их прежней зарплаты, и в настоящий момент потеряли свою монетарную ценность. Политика, проводимая в периоды гиперинфляции (в т.ч. фиксированные компенсации за повышение цен), в основном сгладила эти различия, и на сегодняшний день структура пенсионных выплат в большинстве стран достаточно гибкая. Несмотря на то, что макроэкономическая фискальная стабильность и рост требуют того, чтобы будущие пенсионные выплаты были снижены, а текущие накопления работающего поколения – повышены, на политической повестке дня часто стоит совсем другое. Результаты представленного в данной статье исследования показали, что повышение пенсионного возраста для женщин до 65 лет к 2020 году, а затем до 68 лет для мужчин и женщин к 2060 году является привлекательным политическим ходом для того, чтобы обеспечить адекватные пенсионные выплаты в рамках имеющихся в распоряжении государства ресурсов и потенциально улучшить долгосрочное финансовое положение в Грузии. Такая политическая реформа позволит в будущем стабилизировать количественное соотношение пенсионеров и работающих, повысить степень участия последних в пенсионной системе и стимулировать таким образом экономический рост в Грузии.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионный кризис, реформа, Грузия.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРУШАЮТ РЫНОЧНОЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРУЮТ ПЕРЕХОД МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ К ОЧЕРЕДНОЙ ДЛИННОЙ ВОЛНЕ КОНДРАТЬЕВА

По мере того, как растет понимание последствий, к которым ведет информационные технологии, представители различных наук приходят к мысли, что капитализм становится качественно иным. Появляется все больше подтверждений тому, что информационные технологии не создают новую, более стабильную форму капитализма, а расшатывают его, изменяют права собственности и разрушают прежние взаимоотношения между зарплатами, трудом и прибылью. Прежние факторы производства — земля, труд и капитал — стали вторичными по отношению к информации. В статье автор исследует влияние информационных технологий на производительность труда и приходит к выводу, что рыночный механизм в условиях нового информационного общества исчезает. Основным законом экономики заключался в том, что все ресурсы ограничены. Спрос и предложение исходит из недостатка. Теперь же привычный принцип недостатка дополняется важным принципом изобилия. Информационные сети создали социальную экономику, которая позволяет информации распределяться коллективно и главным вопросом становится не соотношение зарплат и прибылей, а кто именно контролирует «силу знаний». Анализируются процессы развития экономики русский экономист Николай Кондратьев выдвинул теорию циклов экономической конъюнктуры длительностью 40–60 лет. По его мнению, каждым циклом движет экономическая сила и очередная волна начинается, когда в финансовой системе накоплены и централизованы большие объемы дешевого капитала, который необходим для инвестиционного бума, ведущего к очередной «мутации» капитализма. История длинных волн показывает, что мир промышленного капитализма заканчивает свое существование, информация становится движущей силой пятой волны Кондратьева.

Ключевые слова: информация, технологии, криптовалюты, блокчейн, волна.

В августе 1971 года президент Ричард Никсон в одностороннем порядке отказался менять доллары на золото, уничтожив тем самым Бреттон-Вудскую систему. Последовавший затем крах фондового рынка и Нефтяной шок 1973 стал итогом новой парадигмы. К 1973 году появились очевидные признаки снижения роста произво-

дительности и падения соотношения производимой продукции ко вложенному капиталу (Glyn et al., 1988). Конкуренты догнали США по производительности, капитал стал утекать в Европу, Америка же при этом должна была платить за войну во Вьетнаме и социальные программы, прибыль стала сокращаться, наблюдался рост зарплат, росла стоимость рабочей силы.

Подавив сопротивление профсоюзов «рыцари холодной войны» Тэтчер, Рейган, Пиночет простимулировали неолиберальную солидарность капитала в противовес рабочей солидарности. Ведущий принцип неолиберализма заключается не в свободных рынках, бюджетной дисциплине, твердых деньгах, приватизации или переносе производства за рубеж и даже не в глобализации. Главная задача было вывести профсоюзы из большой игры и сократить издержки бизнеса. После того, как профсоюзам связали руки, можно было взяться за полномасштабную трансформацию труда, путем создания разделенной и неустойчивой рабочей силы, которую мы наблюдаем сегодня, а ключевым капиталистическим странам найти решение кризиса в сокращении зарплат и в незатратных производственных моделях. В истории длинных волн в экономике на 1980 годы пришлось первая «фаза адаптации». Именно в этот период доля зарплат в ВВП во всем западном мире заметно упала. Международная организация труда оценила экономический ущерб: падение доли зарплат было целиком обусловлено последствиями глобализации, финансиализации и сокращения социального обеспечения (Stockhammer, 2013).

Никсон разорвал связь денег и кредитов с реальностью, постепенно доходы финансового сектора стали расти, а в середине 80-х набрали обороты и к кризису 2008 года банки, хедж-фонды, трастовые и страховые компании, благодаря финансиализации и развития торговли деривативами уже собирали более 40 % всей прибыли корпораций США (Khatiwada, 2010).

Проявилась и другая тенденция. После 1990 года в течении 20 лет во всем мире начала быстро расти группа зарабатывающих от 4 до 13 долларов в день; с 600 миллионов до 1,4 миллиарда человек (Kapsos, Vourmaroula, 2013). Эти люди в массе своей рабочие, три четверти из них работает в сфере услуг. Ее рост в развивающемся мире отражает естественную эволюцию смещения труда и очередной этап перенесения производства за рубеж, то есть чего можно добиться за счет перенесения деятельности за рубеж. Глобализация рабочей силы перестала увеличивать производительность. А это значит, что замедле-

ние роста в развивающихся странах, от Китая до Бразилии, вот-вот превратится в стратегическую проблему. Гарвардский экономист Ричард Фримен подсчитал, что с 1980 года по 2000 год мировая рабочая сила в абсолютных цифрах выросла вдвое, что сократило наполовину соотношение капитала к труду (Freeman, 2008).

Еще в 1993 году Питер Друкер, ведущий специалист в области менеджмента писал: «Тот факт, что знания стали единственным, а не одним из ресурсов, делает наше общество «посткапиталистическим» (Drucker, 1993).

Великий технологический прорыв начала текущего века заключается не в новых объектах, а старых, воплотивших в себя новый интеллектуальный контент. Капитализм становится качественно иным. Появилось устойчивое словосочетание: экономика знаний, информационное общество, когнитивный капитализм. Считалось, что информационный капитализм и модель свободного рынка работают вместе в тандеме, порождая и укрепляя друг друга! Согласно книге «Третья волна» Элвина Тоффлера, впервые изданной в 1980 году, автор наивно предположил, что в постиндустриальном обществе корпорации вообще в большей степени займутся социальными проблемами, а не только выгодой (Toffler, 2004). По Тоффлеру произойдет возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе, которая станет основой Третьей волны, идущей на смену Первой волны (аграрной) и Второй (индустриальной).

В середине 1920-х годов русский экономист Николай Кондратьев выдвинул теорию циклов экономической конъюнктуры длительностью 40–60 лет. Выдвинул он идею без каких-либо серьезных теоретических оснований — построенную исключительно на эмпирических наблюдениях. Во время своих исследований он проанализировал некоторые макроэкономические показатели стран Западной Европы и США с 1790 по 1920 годы (более полной статистики на тот момент не было). Построив и сгладив графики, устранив краткосрочные колебания, он обнаружил, что значения этих показателей синхронно движутся в долгосрочном периоде. Максимумы достигались примерно в 1815 и 1873, а минимумы — в 1845 и 1896 гг. Кроме того, во время подъема длинной волны возрастало количество войн и восстаний и происходило вовлечение новых стран и регионов в мировую торговлю и в мировое разделение труда. На основании этих наблюдений Кондратьев сделал долгосрочный прогноз до 2010 года, предсказав, не только, Великую депрессию 1930-х годов, отказ от золотого эквива-

лента доллара и кризис начала 70-х. В любом случае, если рассмотреть только предсказанные циклы, то видно, что теория верна. Если говорить конкретно о каждой из фаз цикла, выясняется, что они весьма схематичны и показательны происходящими на наших глазах событиях текущего кризиса.

В 1993 году Питер Друкер (Drucker, 1993) заявляет, что знания стали единственным, а не одним из ресурсов. На вопрос, который волновал Карла Маркса, кто будет носителем посткапиталистических общественных отношений, Друкер видит на месте пролетариата «универсально образованного человека». Друкер охарактеризовал этот новый тип людей, как «группу лидеров нового общества», как «объединяющую силу.. которая умеет выделять особенное, превращать традиции в приверженность коллективным ценностям...» (Drucker, 1993). То есть мы можем говорить о пятой длинной волне капитализма, основанной на информации, которое обеспечивает новое поколение и которое уже появилось. Пока они не проявляют интереса к свержению старого капитализма и вообще слабо интересуются политикой, хотя их интересы должны были вступать в конфликт с интересами иерархических корпораций, то есть они должны бороться за новую экономическую модель, как это делала буржуазия. Как гласит материалистическая парадигма, они должны стать носителями новых социальных отношений в рамках старых. Поэтому встреча Владимира Путина с ярким представителем этого поколения и основателем одной из крупнейших блокчейн-платформ «Ethereum» 24-летним Виталиком Бутериным заинтересовала специализированную иностранную прессу. Если русские начали следить за криптовалютами как за возможностью укреплять свою экономику, их примеру могут последовать и другие страны. Криптовалюты абсолютно виртуальны и не существуют в реальном мире. Держатся они на вере, доверии участников. Пока в них кто-то верит – они существуют. На Западе биткойн потихоньку становится платежным средством, а в Японии с этого года криптовалюты получили официальный статус платежных средств. В Латвии к оплате биткойны принимает *airBaltic*.

В поисках модели роста той или иной страны экономисты определяют список различных факторов: сбережения, производительность, рост населения, а технологические изменения оказывают влияние на эти факторы считали внешними «экзогенными». В своем исследовании американский экономист Пол Ромер (Romer, 1990) целиком пересмотрел этот вопрос и доказал, что поскольку иннова-

циями движут рыночные силы, их следует рассматривать не как случайные или внешние к экономическому росту факторы, а как неотъемлемую «эндогенную» их часть. Информация по мнению Ромера, подобна проекту или рецепту, который подсказывает, что делать дальше в физическом или информационном мире. Традиционные экономисты предполагают, что рынок способствует совершенной конкуренции и что такие несовершенства, как монополии, патенты, профсоюзы, ценовые картели, всегда носят временный характер. Они так же предполагают, что люди на рынке располагают совершенной информацией. Ромер доказал, что в экономике, состоящая из информационных товаров, которыми можно обмениваться, несовершенная конкуренция становится нормой. Есть все больше подтверждений, что информационные технологии не создают новую, более стабильную форму капитализма, а расшатывают его, разъедавая рыночные механизмы, подтачивая права собственности и разрушая прежние связи между зарплатами, трудом и прибылью

Своего равновесного положения экономика, основанная на информационных технологиях, достигает тогда, когда доминируют монополии, а люди имеют неравный доступ к информации, которая им нужна для принятия рациональных решений о покупках. Короче говоря, информационные технологии разрушают нормальный ценовой механизм, тогда как конкуренция снижает цены до уровня издержек производства. В условиях информационного капитализма монополия — это не просто хитрая тактика для максимизации прибыли. Эта индустрия иначе развиваться не может, поэтому в каждом секторе минимальное количество игроков. Например, в аудиторской деятельности «правит бал» большая четверка, среди первой десятки крупнейших аудиторских сетей, обороты первой четверки в разы больше, чем у ближайших конкурентов. Основным брендам в сфере информационных технологий нужно полное господство: *Google* старается стать единственным поисковиком; *Facebook* навязывает вам только себя для создания собственного образа в интернете, *Twitter* навязчиво предлагает себя для публикаций ваших мыслей, *iTunes* — позиционирует себя единственным музыкальным интернет-магазином.

Раньше основной закон экономики заключался в том, что ресурсы ограничены, спрос и предложение исходят из недостатка. В мире информационных технологий все в избытке, спрос и предложение теряют смысл. Лишь законы об интеллектуальной собственности и кодирование контента еще как-то ограничивают обмен информацией.

Но массы программистов взламывают серверы, копируют контент без особой боязни законов, размножают и перепродают информацию чаще без всяких налоговых отчислений.

Ромер доказал, что даже если пользоваться привычным экономическим аппаратом, то при переходе к информационной экономике рыночный механизм определения цен со временем сведет предельные издержки для некоторых товаров к нулю и устранил тем самым прибыль. Появление бесплатного программного обеспечения, движение за открытый код, дало толчок развитию свободного доступа к информации.

По нашему мнению в этих условиях классические теории маржинализма, кейнсианские теории нагнетания спроса или монетаристские теории управления предложением через денежные массы перестают работать, так как для них главный механизм — это рынок, который исчезает. Остается теория трудовой стоимости Рикардо, развитая в критических оценках Маркса.

По Марксу цена любой вещи в экономике отражает объем труда, необходимого для его изготовления. Повышение производительности обеспечивается новыми процессами, машинами и реорганизацией — каждый из этих факторов имеет свою стоимость, которая выражается в объеме труда, потребовавшегося для их осуществления, что естественно отражается в стоимости товара. На практике капитализм избегает присущей инновациям тенденции к снижению содержания труда в экономике, а значит и к снижению основного источника прибыли, создавая новые потребности, новые рынки и новые отрасли, в которых трудовые издержки высоки и увеличение зарплат стимулирует потребление. Однако информационным технологиям возможно появление машин, которые ничего не стоят.

Например аудиторская фирма Deloitte произвела расчеты, что стоимость печатания миллиона транзисторов на кремниевой плате упала с 1 доллара до 6 центов за десять лет. Примерно за тот же период стоимость хранения гигабайта информации сократилась с 1 доллара до 3 центов, а стоимость 1 мегабайта высокоскоростного соединения рухнула с 1 тысячи долларов до 23 долларов (Hagel, 2013).

Ряд авторов из Массачусетского Технологического института обратили внимание в 2012 году, что информационный сектор, куда включается программное обеспечение, телевидение, радио, кинематограф, связь, обработка информации и издательское дело, занимает в официальных цифрах ВВП ту же долю, что и 25 лет назад — 4%,

вместе с тем, они подсчитали, что за десятилетие потребители получили выгоду, равную в среднем 300 млрд. долларов в год, от пользования такими бесплатными интернет-сервисами, как *Facebook*, *Wikipedia*, *Craigslist*, *Google* (Brynjolfsson, JooHee, 2012). Поскольку ВВП охватывает только денежные транзакции, новые «свободные» бизнес-модели не поддаются точному измерению, как и новые виды услуг, оказываемые бесплатно.

Уже сегодня можно говорить, что информационные технологии вытесняют труд из производства, разрушают ценовые механизмы и поощряют нерыночные формы обмена. В конечном счете они полностью уничтожат связь между трудом и капиталом. Рабочая сила всех развитых стран сегодня ориентирована на сферу обслуживания, лишь в экспортных гигантах, типа Германии, Южной Кореи и Японии промышленные рабочие составляют почти 20% от числа занятых, в остальных экономически развитых странах их число колеблется от 10 до 20% (BLS, 2017).

В прошлом году газета *Financial Times* сообщила, что четыре ведущих мировых банка объединили усилия для разработки цифровой валюты – «практических расчётных денег» (*utility settlement coin*), которую они надеются сделать стандартным инструментом расчётно-клиринговых операций для обслуживания сделок на рынках ценных бумаг (Arnold, 2017).

Над проектом «практических расчётных денег» (ПРД) уже сравнительно давно работает швейцарский банк *UBS*. Система расчётов, основанных на ПРД, использует технологию блочных цепей («блокчейн»), лежащую в основе известной криптовалюты – биткоина. Технология «блокчейн» позволяет выстраивать расчёты, не прибегая к помощи посредников (прежде всего, банков). Кстати разработки Виталика Бутерина в этой области финансировали швейцарские банки.

К проекту *UBS* в августе присоединились *Deutsche Bank*, *Santander* и *BNY Mellon*, а также брокер *ICAP*. Альтернативные деньги успешно прошли предварительные испытания, теперь мировые банки берут этот проект под свой контроль. Четвёрка больших банков решила оседлать долгосрочную тенденцию по созданию новых денег. Риски для них, конечно, высокие, но банки хотели бы пользоваться такими платёжными системами, операции которых не отслеживаются финансовыми регуляторами. Впрочем, если ПРД действительно сделает информацию по денежным расчётам между банками защищённой от центробанков и правительств, это будет означать, что весь банковс-

кий мир окажется сплошь теневым, по этому поводу уже высказали беспокойство центральные банки России и Китая. Так, на Китай приходится около трети всего мирового оборота криптовалют. Китай решил ограничить торговлю через биржи товарами и услугами за биткойны, чтобы держать процесс оборота теневого капитала под контролем (Duglas, 2017). Сложилось главное противоречие современного общества — это возможности социального бесплатного производства товаров и системой корпораций, банков и правительств, пытающихся удержать власть и информацию. По нашему мнению, это противоречие разрешится активацией циклов пятой длинной волны Кондратьева, в основе которой лежат информационные технологии и которая приведет нас к посткапиталистическому обществу.

Глобальное обобществление умственного труда человечества началось с первых шагов интернета — технологии, которая предоставляет возможность каждому воспользоваться обобществленными средствами производства. В процессе углубляющегося обобществления средств производства, расширяющиеся социальные сети оказывают разрушающее воздействие напромышленный капитализм, который скорее всего погибнет под обломками закорстевевших корпоративных структур, тесно переплетенных с властной иерархией.

Спротивление этих властных структур процессу обобществления может идти через попытки «закручивания гаек» в монетарной области: например использовать санкции по ограничению займов на денежных рынках для других государств и их предприятий, под благовидными предлогами замораживать на счетах деньги целых стран и компаний за «плохое поведение» или порочные идеи отключать непослушных от международных систем денежных расчетов, за счет чего формируется макроэкономическая «плетка» для «слишком» самостоятельных, при этом совершенно позабыв о собственных финансах и должном контроле за ними. Именно появление такой «плетки» привело к усилению попыток банков и целых государств с помощью новых информационных технологий типа блокчейн уйти от пристального надзора и контроля со стороны конкурентов и политически ангажированных структур.

С другой стороны, структуры, которые оседлали финансы, причем без должного контроля и внимания со стороны правительственных макроэкономистов буквально взорвали процесс секьюритизации, то есть процесс объединения в единый пакет множества мелких долговых обязательств для выпуска новых, более крупных. Ипотека, авто-

кредиты, корпоративные кредиты, кредитные карты – любой вид кредита мог быть «упакован», нарезан в виде траншей, оценен рейтинговыми агентствами, а затем продан новым инвесторам с использованием информационных технологий, уводящих систему расчетов и контроля за ними из под опеки государственных органов надзора. Кончилось это тем, что к 2008 году возникло не что иное, как параллельная обширная нерегулируемая «теневая» банковская система, действующая на международном уровне и сосуществующая с регулируемыми банковскими системами национальных государств. Только в США баланс этой теневой системы накануне катастрофы достигал порядка 25 триллионов долларов, больше чем в двое превысив объем традиционной банковской системы (Martin, 2017).

Прецедент был создан и показал мощь финансовой олигархии, которая в принципе может увлечь весь мир в пучину кризиса, и главное, ничего при этом не потерять, ведь спасали все эти корпорации и банки за счет налогоплательщиков.

Готова ли к таким вызовам экономика Латвии? В мировом рейтинге Человеческого Капитала (World Economic Forum, 2016), который рассчитывается в первую очередь через инвестиции в человеческий капитал, то есть образование, здравоохранение, переподготовку и т.д. Латвия из 130 стран занимает 27 строчку, далеко отставая от своих соседей Литвы и Эстонии (соответственно 21 и 15 места), а в возрастной категории людей старше 65 лет Латвия заняла 11 место, уверенно обгоняя Литву и Эстонию (соответственно 23 и 13 места). О чем это говорит? Если посмотреть в странах, которые находятся во главе рейтинга: Финляндии, Норвегии, Швейцарии, Японии, главный ресурс человеческого капитала сосредоточен в самом производительном возрасте 25–54 года, первые места эти страны держат и в возрастной группе от 0 до 14 лет, где Латвия проваливается аж до 41 места в мире. То есть Латвия живет человеческим капиталом, сформированным лет 30–40 назад, не сильно заботясь об инвестициях в новое поколение. Это подтверждает и рейтинг Глобальной конкурентоспособности стран, который составляется из 114 индикаторов, учитывающих не только инвестиции в человеческий капитал, но и эффективность всей образовательной системы каждой страны. В этом рейтинге Латвия за прошедший год опустилась с 44 на 49 место (Schwab, 2016). Это опасная тенденция, Латвия теряет инвестиционную привлекательность и прекратила формировать по Друкеру «объе-

дияющую силу» в условиях, когда большинство развитых стран мира переходят к пятой волне экономического развития, которую должны обеспечивать «универсально образованные люди».

Библиография

1. Arnold M. (2017) *Six Global Banks Join Forces to Create Digital Currency*. Available: <https://www.ft.com/content/20c10d58-8d9c-11e7-a352-e46f43c5825d> (accessed on 18.10.2017).
2. BLS. (2017) *International Comparisons of Annual Labor Force Statistics, 1970–2012*. Available: <https://www.bls.gov/fls/flscompare/flscompending.pdf> (accessed on 18.10.2017).
3. Brynjofsson E., Joo Hee O. (2012) *The Attention Economy: Measuring the Value of Free Digital Services on the Internet*. MIT Working Paper.
4. Drucker P. (1993) *Post-Capitalism Society*. Oxford.
5. Duglas M. (2017) *Podnebesnaya nanesyot po bitkoinu “final’nyj udar”*. Dostupno: <https://business-swiss.ch/2017/09/podnebesnaya-bitkoin-final-nyj-udar/> (sm. 18.10.2017). (In Russian)
6. Freeman R. (2008) The new global labor market. *Focus*, Vol. 26, No. 1, pp. 27–41.
7. Glyn A., Huges A., Lipietz A., Singh A. (1988) *The Rice and Fall of the Golden Age*. World Institute for Development Economics Research of the United Nations University, WP43, pp. 112–113.
8. Hagel J., Brown J., Samoylova T., Lui M. (2013) *From Exponential Technologies to Exponential Innovation*. Deloitte.
9. Kapsos S., Bourmapoula E. (2013) *Employment and Economic Class in the Developing World*. ILO Research Paper.
10. Khatiwada S. (2010) *Did the Financial Sector Profit at the Expense of the Rest of the Economy? Evidence from the United States*. ILO Research Paper.
11. Martin F. (2017) *Neoficial’naya biografiya deneg*. Moskva: Sindbad. (In Russian)
12. Romer P. (1990) *Endogenous Technological Change*. Available: <http://pages.stern.nyu.edu/~promer/Endogenous.pdf> (accessed on 18.10.2017).
13. Schwab K. (Ed.) (2016) *The Global Competitiveness Report 2016–2017*. Geneva: World Economic Forum.
14. Stockhammer E. (2013) *Why Have Wage Share Fallen: A Panel Analyses of the Determinants of Functional Distribution*. ILO Research Paper.
15. Toffler A. (2004) *Tret’ya volna*. Moskva: Izdatel’stvo AST. (In Russian)
16. World Economic Forum. (2016) *The Human Capital Report 2016*. Available: http://www3.weforum.org/docs/HCR2016_Main_Report.pdf (accessed on 18.10.2017).

Information Technologies Destroy Market Pricing and Form Transition of the World's Economy to the Next Kondratyev's Long Wave

Summary

As soon as the growing understanding of the impact that information technologies, representatives of various Sciences come to the conclusion that capitalism becomes qualitatively different. There is growing evidence that information technologies do not create new, more stable form of capitalism, undermine it, change ownership rights and destroy the old relationship between wages, labor and profit. The old factors of production – land, labour and capital – have become secondary to the information. In the article the author explores the question of the impact of information technology on productivity and concludes that the market mechanism in the new information society disappears. The basic law of Economics was the fact that all resources are limited. Supply and demand comes from a lack. Now habitual the principle disadvantage is complemented by an important principle of abundance. Information network has created a social economy that allows information to be shared collectively and the main question is not the ratio of wages and profits, and who exactly controls the “power of knowledge”. Examines the processes of economic development Russian economist Nikolai Kondratiev theorized cycles of economic situation lasting 40–60 years. In his opinion, each cycle is driven by economic power and the next wave starts, when the financial system is centralized and accumulated large amounts of cheap capital needed for the investment boom leading to another “mutation” of capitalism. The history of long waves shows that the world of industrial capitalism ceases to exist, the information becomes the driving force of the fifth Kondratieff wave.

Key words: information, technology, cryptocurrencies, blockchain, wave.

*Лариса Иваненко, Наталья Соловова,
Наталья Суханкина (Россия)*

ИННОВАЦИОННЫЙ СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье показано как социальные, политические и макроэкономические факторы способствуют формированию современной федеральной и региональной политики в России, учитывающей особенности, потенциал и менталитет региона, который, в свою очередь, нуждается в новых, инновационных формах организации экономики. К таким формам, прежде всего, можно отнести кластеры, особенностью которых является их высокий инновационный потенциал. Ситуация в России такова, что одним из наиболее эффективных способов управленческого влияния на экономику региона является рациональное сочетание воздействия двух структур: авторитетных властных и предпринимательских, так как очень важна совместная и одновременная деятельность власти и бизнеса. Ответственность за результаты деятельности должна четко определяться и строго распределяться между бизнесом и властью. Структура кластера по определению является инновационной, поэтому отмечается снижение затрат на инновационную деятельность, создающую добавленную стоимость в кластере.

Ключевые слова: регион, инновации, качество жизни, кластеры, управление регионом, стратегия развития.

Сущность управления регионом состоит в выявлении экономических интересов и взаимосвязей различных региональных субъектов и в определении способов и методов воздействия на данные субъекты для более эффективного их функционирования, а также для решения социальных проблем и развития всей социально-экономической системы региона. Следует отметить, что главным или основным результатом управленческой деятельности в регионе является улучшение качества жизни населения, достигнутое с помощью механизма эффективного управления социально-экономическим развитием. Кроме того, качество жизни и есть основная цель жизнедеятельности региона и, вместе с тем, главный критерий оценки результатов управления регионом (Ivanov, 2006).

Вопрос эффективности является одним из важнейших понятий в системе управления. Различают экономический и социальный эффекты. Они имеют различные формы конкретного проявления. Со-

циальный эффект характеризуется качественными и количественными показателями, в частности, улучшением экологической среды проживания населения, приростом реальной заработной платы, сохранением или увеличением количества рабочих мест и др. Для качественной оценки эффективности управления необходимо представить систему целеполагания, в которой главную роль играют социальные цели — они задают вектор развития, показывают затраты для их осуществления и полученный результат. Поэтому в методологии эффективности основной проблемой является согласование целей (стратегических и тактических, общих и частных и др.), а также приоритеты, сроки и результаты. Важнейшим условием эффективности регионального управления является нацеленность или направленность на человека, на повышение уровня качества жизни населения. Экономическими критериями и показателями служат: ВВП или ВРП, производительность труда и др., а социальными — потребительская корзина, душевой доход, семейный доход и др.

Учитывая ситуацию в современной России, наиболее эффективным является разумное сочетание управленческих воздействий властных и предпринимательских структур на экономику региона, жизненно необходима совместная деятельность власти и бизнеса. Мера ответственности за результаты деятельности должна быть четко разделена между бизнесом и властью.

Социальные, политические и макроэкономические факторы способствуют формированию современной федеральной и региональной политики, учитывающей специфику, потенциал и менталитет региона, что, в свою очередь, требует новых, инновационных форм организации экономики. К таким формам, прежде всего, относятся кластеры, отличительной чертой которых является высокий инновационный потенциал. В настоящих условиях возникла необходимость создания рациональной структуры экономики с помощью формирования в регионах кластеров, которым свойственно четкое разграничение меры ответственности и этапов принятия управленческого решения, что является залогом эффективного управления регионом. Таким образом, требуются принципиально новые подходы к выработке современного регионального управления. В основе регионального развития может быть принцип формирования узлов стабилизации, где формируются так называемые «полюса роста» регионов (Gavrilov, 2002), которыми могут быть кластеры и региональные кластеры. В этих процессах принимает участие государство, региональ-

ные и местные власти, частный сектор, инвесторы (отечественные и иностранные).

В современных российских условиях управление регионом и социально-экономическими процессами, происходящими на его территории, называется региональным управлением. Следует отметить, что долгое время управление не являлось предметом исследования, в связи с чем и регионы как объект управления исследованы недостаточно. Особый интерес представляют механизмы и методы управления регионом. Причем в каждом конкретном регионе имеется своя специфика и свои особенности, свое региональное управление, гибко реагирующее на все изменения. Поэтому механизм регионального управления должен обеспечить регулирование социально-экономических процессов, происходящих в конкретном регионе. Необходимо отметить, что сегодня, в условиях учатившейся смены руководителей регионов — губернаторов, следует уточнить определение региона, и признать целесообразным формирование инновационного кластерного управления, предложенного в статье.

Регион как система представляет собой пространственно-организованную форму жизнедеятельности социума (Gladkiy, 1998), которая осуществляется в двух подсистемах: социальной и экономической. Разнообразные элементы подсистем вступают в сложные взаимоотношения с внешней средой региона и формируют непростые отношения внутри региона. Кроме того, в регион поступают мощные потоки различной информации и ресурсов, предназначенных для функционирования и взаимодействия социальной и экономической подсистем. В процессе функционирования социальной сферы региона главенствующую роль занимают люди, население (Vetlugin, 2005). Вместе с тем, социальная сфера — одна из главнейших подсистем общественной жизни и состоит из единства социальной инфраструктуры (совокупность учреждений непроеизводственных отраслей: социального обеспечения, здравоохранения, образования, культуры) и социальных отношений (т.е. отношений между людьми и их объединениями) (Ignatov, 2000).

Экономическая сфера региона — это, прежде всего, экономический потенциал территории: предприятия, организации, инфраструктура, ресурсы и др. Функционирование социально-экономической сферы реализуется через социально-экономическую политику, которая может быть с достаточной степенью условности дифференцирована на два основных вида: экономическую и социальную деятель-

ность. В стране разработано и реализуется множество федеральных и региональных целевых программ социально-экономического развития. Но практика показывает, что в настоящее время вместо скоординированной работы, направленной на достижение поставленных в программах целей, наблюдается бессистемность и практическое отсутствие результатов, распыление средств. В связи с этим в регионах современной России возникли существенные проблемы, решение которых правительством пока еще не найдено, а бизнес и наука готовы предложить успешные варианты. Например, кластерный способ организации экономики в регионе позволит создать мощный базис экономики и сформировать конкурентоспособную социально-экономическую систему региона. Совокупность социальной и экономической сфер представляет собой сложную интегрированную социально-экономическую систему, которая успешно может служить основой для формирования кластеров в регионе. В мировом сообществе меняются модели развития, тип хозяйственной организации и тип политической культуры. Для того чтобы постсоветскому региону включиться, вступить во все эти преобразования или процессы, необходимо иметь эффективную организацию и использование человеческого ресурса, которое будет лучше, эффективнее среднемировой технологии интеллектуальной организации деятельности. К таким формам организации также может быть отнесена кластерная экономика, способствующая «преодолению состояния геополитической и геоэкономической неустойчивости России» (Kochetkova, 2004).

Такие крупные современные интегрированные структуры, как кластеры, определяют новый экономический ландшафт в регионах России. В последнее время наблюдается активное практическое применение кластерных инициатив в программах и стратегиях социально-экономического развития региона. Летом 2016 года правительство Самарской области утвердило стратегию социально-экономического развития региона на период до 2030 года. Документ получил положительную оценку и был рекомендован к принятию. Стратегия подготовлена с учетом требований, предусмотренных федеральным законодательством. В основу стратегии развития Самарской области положен анализ конкурентоспособности региона и результаты опроса населения (свыше 4 тыс. чел.) на тему удовлетворенности качеством жизни в регионе, участниками которого стали различные категории жителей всех муниципальных образований области. Стратегическими целями социально-экономического развития Самарской области являются

три взаимосвязанных вектора — улучшение качества жизни населения, рост конкурентоспособности экономики и повышение эффективности деятельности органов власти. Всего в стратегию включено 55 стратегических проектов производственной, инфраструктурной и социальной направленности. При этом планируется, что перечень проектов будет пополняться. Общий объем инвестиций в основной капитал за 2016–2030 годы должен составить более 9 трлн. рублей. Из них более 5,5 трлн. — собственные средства, почти 3,5 трлн. — привлеченные (1,6 трлн. — кредиты и займы, 1 трлн. — бюджетные средства, 170 млн. — иностранные инвестиции). Планируется, что лидером по инвестициям станет нефтехимический кластер — 41% от общего объема. За ним должны следовать логистика и коммуникации — 17,9%. Важное место в стратегии отводится социальной политике, направленной на улучшение качества жизни населения. Это и демографическое развитие, и повышение материального благосостояния жителей, улучшение экологической ситуации, развитие системы образования, кадрового обеспечения, развитие системы здравоохранения, физкультуры и спорта, культуры, социальной защиты, развитие гражданского общества, обеспечение граждан доступным комфортным жильем, развитие жилищно-коммунального хозяйства. Большое внимание уделяется развитию высшего и среднего профессионального образования.

Кластер, как особая форма территориальной организации экономики, имеет ряд отличительных признаков: географическая близость хозяйствующих единиц; сосредоточение критической массы родственных, поддерживающих друг друга отраслей, вспомогательных организаций, обеспечивающих экономию на масштабах производства, используемых инновациях, ресурсах, информации и др.; объединение для совместной деятельности и проведения согласованной политики; глубокая технологическая кооперация для участия в системах накопления добавленной стоимости в сочетании с избирательной конкуренцией друг с другом, что является движущей силой; особая инновационная среда, особенно в промышленных кластерах, в совокупности с агломерацией — создают условия и предпосылки развития процесса кластеризации для создания совершенно новой формы региональной организации экономики в виде регионального кластера. В наступившей постиндустриальной экономике увеличивается значимость инновационной и социальной инфраструктур в рыночных условиях. Структура кластера по своей сути является ин-

новационной, поэтому отмечается снижение затрат на осуществление нововведений, создающих добавленную стоимость в кластере. Еще одной предпосылкой, обусловившей кластеризацию, является информатизация и использование интернета. В кластере создаются качественно новые отношения между предприятиями, учреждениями, организациями и фирмами, входящими в его состав. Кластер — это основа для создания инновационной экономики. Имея в своем составе бизнес, представителей органов власти и научной общественности, кластер позволяет своим членам объединиться в некую триаду «бизнес — власть — наука» и участвовать в управлении регионом, что имеет большое значение для организации процесса управления территориальными органами власти.

Развитие региона при применении кластерного подхода приобретает энергичное поступательное движение: большую мощность получают информационная, инновационная, технологическая и научная инфраструктуры, повышается уровень использования местных ресурсов, в бизнесе увеличивается активность процессов кооперации, углубляются региональные связи и партнерские отношения (Piliренко, 2004). Наблюдается взаимосвязанность создания или возникновения кластеров и существенного усиления инновационной активности в регионе.

Постиндустриальная экономика, в которой создаются и функционируют кластеры, практически представляет собой созданные на основе нововведений единые цепочки накопления добавленной стоимости, которые обеспечивают удовлетворение запросов смежных звеньев из другой отрасли, подотрасли, кластера. Горизонтальные связи закреплены и сформированы с помощью логистических стандартов, трансфертных цен на основе договоров и соглашений. Таким образом, добавленная стоимость определяется общей стратегией, маркетингом, эффективностью производства, логистикой, интеллектуальными технологиями управления, которые способствуют получению новых знаний, нового результата и синергетического эффекта.

Структурная модель региона может быть сформирована в виде регионального кластера, в котором имеются две доминанты: экономический и социальный кластеры. Взаимодействия в ядре регионального кластера приводят к гармонизации социально-экономических интересов и, соответственно, к мотивации развития регионального кластера, которая состоит в том, чтобы в экономическом и социаль-

ном кластерах выполнялись делегированные обязанности. В региональном кластере первостепенное значение имеет именно социальный кластер. Структура этого кластера определяется аналогично традиционным подходам кластерного построения, т.е. должно быть ядро и спутники. Ядро социального кластера в регионе составляют, прежде всего, люди – население данной территории, сфера жизнедеятельности и развития социума (образовательная сфера, здравоохранение и т.п.), которые притягивают к себе следующие кластеры-спутники: ЖКХ, транспортный, экологический, обращение ТБО, аграрно-пищевой и другие. Экономический кластер представляет собой совокупность корневых и вспомогательных бизнесов. Для Самарской области, например, корневыми бизнесами являются: автомобильный, нефтехимический и высокотехнологичный инновационный территориальный аэрокосмический кластер. Все перечисленное свидетельствует о том, что только равновесие, «золотая середина» и баланс требующихся и необходимых инноваций, подтверждают, что при условии сохранения наилучших процессов жизнедеятельности и их совершенствования обеспечивается постоянный и постепенный процесс развития региона.

Всестороннее, глубокое развитие региона происходит в результате использования нововведений, инноваций, направленных на усовершенствование всей территории региона. Исходя из того, что основными характеристиками инноваций являются: новизна, полезность, прибыль, в управлении регионом как региональным кластером необходимо учитывать то, что усиление кластерного взаимодействия и получение синергетического эффекта в большей степени обеспечивается именно по инновационной составляющей.

Библиография

1. Gavrilov A.I. (2002) *Regional'naya ekonomika i upravleniye*. Moskva. (In Russian)
2. Gladkiy Y.N. (1998) *Osnovi regional'noy politiki*. Izdatel'stvo Mihailova V.A. (In Russian)
3. Ignatov V.G. (2000) *Regionovedeniye (Ekonomika i upravleniye)*. Moskva: Tessa. (In Russian)
4. Ivanov V.N. (2006) *Ustoychivoye razvitiye v XXI veke: social'no-tehnologicheskoye obespecheniye*. Moskva: Municipal'niy mir. (In Russian)
5. Kochetkova A.S. (2004) *Ekonomicheskiye organizacii: principii funkcionirovaniya i transformacii*. Kovrov: KITA. (In Russian)

6. Pilipenko I.V. (2004) *Principial'niye razlichiya v koncepciyah promishlennih klasterov i territorial'no-proizvodstvennih kompleksov. Vestnik Moskovskogo Universiteta, Ser. 5. Geografiya. (In Russian)*
7. Vetlugin S.Y. (2005) *Obespecheniye ustoychivogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona na osnove regulirovaniya investicionnoy deyatel'nosti. SPb: SPb GIEU. (In Russian)*

Innovative Method of Regional Management Based on Cluster Organization of Economy

Summary

In the article it is shown that social, political and macroeconomical factors promote the formation of modern federal and regional policy in Russia that takes into consideration specifics, potential and mentality of the region which in its turn requires new, innovative forms of organization of economy. To such forms, first of all, we can refer clusters, high innovative potential of which is a specific feature. Situation in Russia proves that one of the most effective ways will be rational combination of managerial influence of authoritative and entrepreneurial structures on the economy of the region, joint activity of power and business is essential. Liability for the results of activity must be strictly defined and divided between business and power. The structure of cluster is innovative by itself, that's why the reduction in expenses on carrying out innovations creating added value in cluster is noted.

Key words: region, innovations, quality of life, clusters, management of a region, strategy of development.

Светлана Кучеренко, Людмила Леваева (Украина)

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Статья посвящена актуальной проблеме оценки конкурентоспособности регионов. Предмет исследования – основные подходы управления конкурентоспособностью регионов Украины в условиях глобальных вызовов. Целью исследования является анализ современного положения страны и определение дальнейшего развития национальной экономики и ее регионов. При проведении исследований были использованы: методы системного и экономического анализа для обоснования направлений (векторов) и определения факторов характеризующих конкурентоспособности регионов и национальной экономики. В статье авторами проведен анализ существующих отечественных и зарубежных подходов к оценке конкурентоспособности и аргументировано отсутствие единого подхода в решении этого вопроса. Определено, что конкурентоспособность регионов достигается растущей производительностью труда, созданием благоприятной инвестиционной среды, активным восприятием новых технологий. Установлено, что конкурентоспособный регион привлекает иностранные инвестиции, формирует социально-экономическую стабильность, высокий уровень жизни населения, способен эффективно вести внешнюю торговлю, достигать высокой производительности используемых факторов производства. Осознание объективной неравномерности социально-экономического развития регионов Украины требует разработки эффективных механизмов стимулирования развития регионов, потенциальной движущей силой, которого является стратегия региональной конкурентоспособности. В ее основу через механизмы конкурентной борьбы, заложены активизация внутреннего потенциала территории, приоритетное использование уникальных конкурентных преимуществ отдельного региона, обеспечение эффективных условий межрегиональной конкуренции, которые в перспективе будут обеспечивать качественное улучшение уровня жизни жителей. Авторами предложены направления роста конкурентоспособности регионов, главными из которых являются стабильная макроэкономическая среда для инвестиций, эффективный режим конкурентной политики государства, активная стратегия иностранного инвестирования, комплексная поддержка инновационных технологий, создание кластеров, свободный доступ к финансовым ресурсам, налаживание эффективной инфраструктуры.

Ключевые слова: конкурентоспособность регионов, индикаторы конкурентоспособности, оценка конкурентоспособности, национальная экономика, глобализация, интеграция.

Проблемы управления конкурентоспособностью регионов в условиях обострения мировых экономических кризисов и стремительного распространения глобализационных процессов возникают в странах, имеющих целью повышение своей конкурентоспособности. При этом региональная конкуренция оказывается главным фактором, стимулирующим повышение эффективности национальной экономики и обеспечивает комплексное развитие регионов страны.

Надежные конкурентные позиции становятся важнейшими условиями комплексного развития регионов. Украина должна стать конкурентоспособной — это одно из главных стратегических задач страны. Этим объясняется то, что вопросы регионального комплексного развития и конкурентоспособности регионов стали сегодня одними из важнейших для Украины.

На Всемирном экономическом форуме в Давосе был представлен рейтинг глобальной конкурентоспособности *Global Competitiveness Index 2017–2018* (Schwab, 2017). Украина заняла 81 место среди 137 государств, улучшив свои позиции на четыре пункта по сравнению с предыдущим годом.

Индекс конкурентоспособности Украины составляет 4,11 по семибальной шкале. Лидером стала Швейцария (5,86), второе место — у США (5,85). Также в десятку вошли Сингапур, Нидерланды, Германия, Гонконг, Швеция, Великобритания, Япония, Финляндия. Ближайшими соседями Украины стали Бразилия (80 место) и Бутан (82 место).

Таблица 1

Позиции Украины и некоторых стран мира по Индексу глобальной конкурентоспособности, 2013–2017 год

Страна	2013 год (из 148 стран)	2014 год (из 144 стран)	2015 год (из 140 стран)	2016 год (из 138 стран)	2017 год (из 137 стран)
1	2	3	4	5	6
Болгария	57	54	54	50	49
Великобритания	10	9	10	7	8
Грузия	72	69	66	59	67
Эстония	32	29	30	30	29
Латвия	52	42	44	49	54
Литва	48	41	36	35	41
Германия	4	5	4	5	5

1	2	3	4	5	6
Польша	42	43	41	36	39
Россия	64	53	45	43	38
Румыния	76	59	53	62	68
Украина	84	76	79	85	81
Франция	23	23	22	21	22
Чехия	46	37	31	31	31

Источник: Schwab, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017.

Индекс глобальной конкурентоспособности состоит из более чем 100 переменных, которые сгруппированы в 12 контрольных показателей (Рисунок 1).

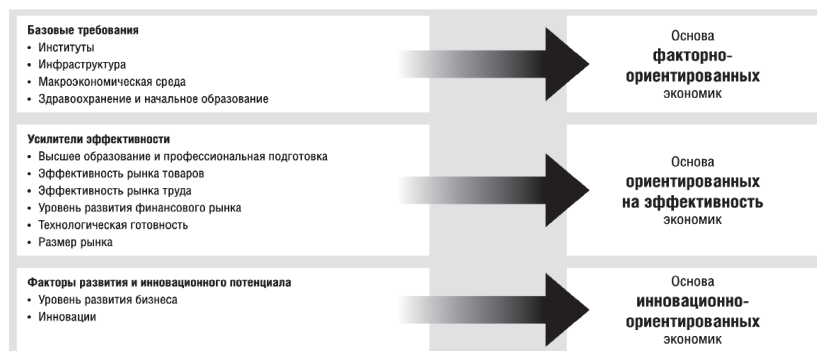


Рис. 1. Составляющие конкурентоспособности

Источник: Fond «Effektivnoye Upravleniye», 2013a.

Согласно данным исследования (Ткачук, 2017), Украина ухудшила свои позиции в 4 из 12 основных показателей. Больше всего потеряно (минус 13 пунктов) по составляющей «Эффективность рынка труда». Тенденция к ухудшению этого показателя наблюдалась и в прошлогодних исследованиях, причем в прошлогоднем мы ухудшили за ним свои позиции на 17 пунктов. Также, Украина понесла потери по оценке инновационной составляющей индекса – («минус» 9 пунктов), инфраструктурной («минус» 3 пункта) и по составляющей, характеризующей высшее образование и профессиональную подготовку («минус» 2 пункта).

Несмотря на незначительные улучшения, в этом году у нас все еще худшие позиции по оценке прочности банков (130 место), за ре-

гулированием фондовых бирж (134 место), по качеству дорог (130 место), по инфляционными изменениями и по способности страны удерживать таланты (129 место), защиты права собственности (128 место).

Негативными факторами для ведения бизнеса в нашей стране определены (в порядке убывания): инфляцию, коррупцию, политическую нестабильность, высокие налоговые ставки, сложность налогового законодательства, нестабильность правительств, затрудненный доступ к финансам, неэффективную государственную бюрократию, регулирование валютного рынка, недостаточную образованность работников, плохую этику рабочей силы, недостаточную способность к инновациям, ограничительное регулирование рынка труда, несоответствующее качество инфраструктуры, преступность и кражи, низкое качество здравоохранения.

Таблица 2

Средние результаты регионов Украины по Индексу конкурентоспособности регионов и его составляющим, 2011–2013 год

	2011	2012	2013
Индекс конкурентоспособности регионов Украины 2013	3,87	4,00	4,01 ↑
Институты	3,69	3,77	3,83 ↑
Инфраструктура	3,77	3,81	3,90 ↑
Макроэкономическая среда	4,03	4,52	4,20 ↓
Здравоохранение и начальное образование	5,75	5,76	5,75 ↓
Высшее образование и профессиональная подготовка	4,45	4,49	4,55 ↑
Эффективность рынка товаров	3,79	3,94	4,12 ↑
Эффективность рынка труда	4,77	4,78	4,63 ↓
Уровень развития финансового рынка	3,83	4,00	4,12 ↑
Технологическая готовность	2,95	3,10	3,11 ↑
Размер рынка	1,91	2,10	2,21 ↑
Уровень развития бизнеса	3,81	3,89	3,96 ↑
Инновации	2,91	2,99	3,04 ↑

Источник: Fond «Effektivnoye Upravleniye», 2013b.

В течение 2011–2013 годов аналитиками Фонда «Эффективное управление» осуществлялся анализ конкурентоспособности регионов Украины. Было оценено 27 административно-территориальных единиц страны, что позволило провести сравнительный анализ результатов отдельно взятого региона как в динамике, так и по сравнению с другими регионами Украины, а также со странами мира. В основу индекса национальной конкурентоспособности положена методология расчета Индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, согласно которой исследуются и сравниваются 137 стран мира (2017–2018 гг).

Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины в 2015 году впервые провело рейтинговое оценивание социально-экономического развития регионов Украины (Kabinet Ministriv Ukrainy, 2015a).

Рейтинговые оценки социально-экономического развития регионов введены в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины № 856 «Об утверждении Порядка и Методики проведения мониторинга и оценки результативности реализации государственной региональной политики» от 21 октября 2015 (Kabinet Ministriv Ukrainy, 2015b).

По результатам оценки, в 2016 году лучшие показатели по социально-экономическому развитию в г. Киев, Харьковской, Киевской, Винницкой и Черновицкой областях. Худшие – в Луганской, Донецкой, Сумской, Черниговской и Херсонской областях.

Таблица 3

Общее место региона по всем направлениям оценки конкурентоспособности, 2015–2016 год

Регион	2015 2016		Регион	2015 2016	
	1	2 3		4	5 6
Винницкая область	7	4	Ивано-Франковская область	4	12
Волынская область	12	9	Киевская область	6	3
Днепропетровская область	5	10	Кировоградская область	21	18
Донецкая область	25	24	Луганская область	24	25
Житомирская область	16	11	Львовская область	9	13
Закарпатская область	8	16	Николаевская область	22	19
Запорожская область	17	14	Одесская область	18	15

1	2	3	4	5	6
Полтавская область	14	17	Хмельницкая область	13	8
Ровненская область	11	6	Черкасская область	10	7
Сумская область	19	23	Черновицкая область	3	5
Тернопольская область	15	20	Черниговская область	23	22
Харьковская область	2	2	г. Киев	1	1
Херсонская область	20	21			

Источник: составлено авторами по Ministerstvo regionalnogo rozvitku, budivnictva ta zhitlovo-komunalnogo gospodarstva Ukrainy, 2017.

Оценивания осуществлялось на основании информации от министерств, центральных органов исполнительной власти, областных и Киевской городской государственной администрации. Областям выставляют оценки ежеквартально по 27 показателям в 6-ти направлениях и ежегодно по 64 показателям в 12 направлениях.

Внедрение такой оценки станет одним из составляющих элементов новой системы мониторинга реализации государственной региональной политики. Это позволит, основываясь на подходах европейского союза, оценить состояние социально-экономического развития областей. Также показатели служат индикатором эффективности управленческих решений на центральном и местном уровнях, направленных на повышение конкурентоспособности регионов и обеспечение их социальной сплоченности и пространственного развития.

В результате проведения комплексного исследования удалось установить, что сейчас Украина находится в сложных условиях, по которым ее экономическое развитие происходит слишком низкими темпами. Более того, при наличии неэффективной государственной политики, малый и средний бизнес не имеют возможности качественно выполнять свою деятельность. Все это отражается на позициях нашего государства в индексе конкурентоспособности. Только посредством проведения реформ и изменения существующей системы, можно говорить о дальнейшем расцвет национальной экономики. Однако, перспективы Украины, увы, не такие глобальные, как те проблемы, которые фиксируются в государстве.

Библиография

1. Fond «Effektivnoye Upravleniye». (2013a) *Otchet o konkurentosposobnosti regionov Ukrainy 2013*. Dostupno: http://www.feg.org.ua/uploadfiles/ckfinder/files/reports/2013/FEG_report_2013_body_rus.pdf (accessed on 15.10.2017). (In Russian)
2. Fond «Effektivnoye Upravleniye». (2013b) *cenka konkurentosposobnosti regionov Ukrainy*. Dostupno: http://www.feg.org.ua/uploadfiles/reports/files/feg_report_2013_rus_03chapter2.pdf (accessed on 15.10.2017). (In Russian)
3. Kabinet Ministriv Ukrainy. (2015a) *Minregion zapochatkuвав reiting social'no-ekonomichnogo rozvitku regioniv*. Dostupno: <http://decentralization.gov.ua/news/item/id/1201> (accessed on 15.10.2017). (In Ukrainian)
4. Kabinet Ministriv Ukrainy. (2015b) *Pro zatverzhdennya poryadku ta metodi provedennya monitoringu ta ocinku rezul'tativnosti realizacii derzhavnoi regional'noi politiki*. Postanova № 856 vid 21 zhovtnya 2015 roku. Dostupno: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/856-2015-%D0%BF> (accessed on 15.10.2017). (In Ukrainian)
5. Ministerstvo regional'nogo rozvitku, budivnictva ta zhitlovo-komunal'nogo gospodarstva Ukrainy. (2017) *Reitingova ocinka*. Dostupno: <http://www.minregion.gov.ua/decentralization/presentation/> (accessed on 15.10.2017). (In Ukrainian)
6. Schwab K. (Ed.) (2013) *The Global Competitiveness Report 2013–2014*. Geneva: World Economic Forum.
7. Schwab K. (Ed.) (2014) *The Global Competitiveness Report 2014–2015*. Geneva: World Economic Forum.
8. Schwab K. (Ed.) (2015) *The Global Competitiveness Report 2015–2016*. Geneva: World Economic Forum.
9. Schwab K. (Ed.) (2016) *The Global Competitiveness Report 2016–2017*. Geneva: World Economic Forum.
10. Schwab K. (Ed.) (2017) *The Global Competitiveness Report 2017–2018*. Geneva: World Economic Forum.
11. Tkachuk A. (2017) *V 2017 godu v Ukraine snizilas' effektivnost' rinka truda – issledovaniye*. Dostupno: <https://golos.ua/i/555661> (accessed on 15.10.2017). (In Russian)

Competitiveness of Ukraine's Regions in the Context of Global Challenges

Summary

The article is devoted to the urgent problem of assessing the regions competitiveness. The subject of investigation is the main approaches to managing competitiveness of Ukraine's regions in the context of global challenges. The purpose of investigation is to analyze the current situation in the country and to determine the further development of the national economy and its regions. During the research the methods of systems analysis and economic analysis were used for substantiating the directions (vectors) and determining the factors characterizing competitiveness of regions and national economy. In the article the authors analyzed the existing domestic and foreign approaches to estimation of the competitiveness and argued the lack of a unified approach in addressing this issue. It is determined that the regions competitiveness is achieved by growing the labor productivity, creating a favorable investment environment and the active perception of new technologies. It is established that a competitive region attracts foreign investments, forms social and economic stability and high living standards of population. It can conduct foreign trade effectively and achieve high productivity of the factors of production used. An awareness of objective inequality of social and economic development of Ukraine's regions requires creating the effective mechanisms for stimulating regions development which potential driving force is the regional competitiveness strategy. Through competition mechanisms it is based on activating the territory internal potential, priority using of each particular region unique competitive advantages, providing the effective conditions for inter-regional competition, which are expected in the future to ensure a qualitative improvement of population living standards. The main directions for increasing the regions competitiveness, proposed by authors, are stable macroeconomic environment for investment, effective regime of the state's competitive policy, active foreign investment strategy, integrated support for innovative technologies, clusters creation, free access to financial resources, and development of effective infrastructure.

Key words: regional competitiveness, indicators of the competitiveness, estimation of competitiveness, globalization, national economy, integration.

*Наталья Соловова, Наталья Суханкина,
Светлана Николаева (Россия)*

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОФИЛЯ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА

В статье представлена модель специалиста интегративного профиля, ориентированная на кластерную региональную экономику, что предполагает наличие компетенций для освоения профессиональных функций в условиях паритетности образования и экономики. Раскрыты сущность и структура готовности к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля; конкретизировано научное представление о непрерывном профессиональном образовании. Обоснованы научные подходы к подготовке специалиста интегративного профиля в процессе непрерывного профессионального образования с учетом требований регионального промышленно-экономического кластера. Доказано значение интеграции как главного принципа развития современных образовательных систем и реализации образовательных программ.

Ключевые слова: специалист интегративного профиля, готовность к профессиональной деятельности, непрерывное профессиональное образование, требования региональный кластер.

Переход современного общества из индустриального в постиндустриальное вызвал необходимость интеграции производственных, экономических, политических и социальных процессов, что значительно обострило потребность в компетентных кадрах. Научно-технический и социальный прогресс, обусловленные быстрым ростом научной информации и объективным процессом обновления знаний, достижениями российских предприятий в мировой экономике, инновационным развитием реального сектора экономики страны, сопровождаются изменением статуса многих профессий, динамикой развития рынка труда, востребованностью соответствующего кадрового обеспечения, усилением зависимости карьеры личности от качества образования. Назрела необходимость обеспечить выпускников вузов необходимыми компетенциями для реализации в профессиональных сферах согласно требованиям времени, экономики и производства.

Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 года как основополагающий государственный документ, устанавливающий приоритет образования в государственной политике,

акцентирует внимание на подготовке квалифицированных специалистов соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособных на рынке труда, компетентных, ответственных, профессионально мобильных. Актуальным требованием к специалисту становится его универсальность, что предполагает умение совмещать должностные обязанности за счет интеграции профессиональных функций. Подготовка такого специалиста является основной целью образования, для которого сегодня характерна тенденция непрерывности: постулат «образование на всю жизнь» сменила образовательная парадигма «образование через всю жизнь». Востребованной формой получения образования в системе непрерывного профессионального образования является дополнительное профессиональное образование, которое призвано реализовать тенденцию непрерывности и гарантировать социальную стабильность в обществе, так как позволяет расширить квалификационные возможности выпускников, способствуя их адаптации в профессиональной сфере. Основные и дополнительные профессиональные программы как интегрированные, равноправные и рядоположенные составные части системы непрерывного профессионального образования нормативно отражены в новом Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, а их реализация предполагает подготовку специалистов, способных к решению профессиональных задач в условиях интеграции сфер жизнедеятельности человека. Интеграция как главный принцип развития современных образовательных систем и реализации образовательных программ способствует взаимному дополнению разных форм познания действительности с целью универсального образования человека.

В словарях понятие «специалист» трактуется однозначно: «специалист» – (фр. *specialiste*, от лат. *specialis* – особенный) – человек, избравший себе какую-либо специальность, посвятивший себя какому-либо одному делу, изучивший его точно, подробно (Chudinov, 1910). В современной трактовке «специалисты» – это лица, обладающие специальными знаниями, навыками, опытом работы в определенной отрасли экономики или науки, получившие специальность по образованию или в практической деятельности (Borisov, 2003). Однако в настоящее время требования к специалисту определяются такими экономическими категориями как спрос, предложение и конкурентоспособность. В кризисных условиях большинство работода-

телей стремится сократить численность сотрудников за счет интеграции их профессиональных функций, поэтому актуальным требованием к специалисту становится его универсальность, что предполагает умение совмещать должностные обязанности. Востребованными становятся работники, не только владеющие своей профессией, но и ориентирующиеся в смежных областях деятельности, готовые к постоянному профессиональному росту в условиях смены сфер профессиональной деятельности. Конкуренция на рынке труда корректирует набор интегративных личностных и профессиональных качеств и компетенций выпускников вузов. Возникает необходимость организации непрерывного образования с целью подготовки специалиста, обладающего интегративными профессиональными качествами, «совокупностью специфических умений, характеризующих несколько сфер деятельности, способного решать комплексные задачи в условиях изменения социально-экономического строя» (Belozercev, 2006; Levchenko, 2008).

В этой связи требуется разработка новой модели выпускника, отвечающая требованиям рынка работодателей. Мы обратились к результатам социологических исследований (Левада-Центр), которые показали, что основные требования работодателя обусловлены необходимостью быстрой адаптации работника под изменения внешних условий. Кроме наличия у претендента на должность конкретных профессиональных знаний и компетенций, работодатель предъявляет следующие требования (Авгамова, 2006): мотивация сотрудника на достижение успеха; умение работать в команде; умение решать нестандартные задачи; брать на себя ответственность; умение и желание учиться; работоспособность.

Для построения модели специалиста интегративного профиля нами были изучены модели специалиста по тюнинг-проекту. Проект «Настройка образовательных программ в российских вузах» (*“Tuning Education Programmes in Russian HEIs”*) является составной частью международного проекта «Настройка образовательных структур», в который вовлечены более 200 ВУЗов Европы (Baidenko, 2006). В рамках проекта выявлены характеристики, которые могут быть общими для всех академических квалификаций и которые считаются важными среди конкретных социальных групп: выпускников, родителей и работодателей. Был составлен список из 30 навыков и компетенций (Hutorskoy, 2002; TUNING project, 2013), признанный вузами и регио-

нальными компаниями. Ключевыми компетенциями тьюнинг-проект обозначил способности действовать в ситуациях профессиональной неопределенности; бесконфликтно общаться и владеть иностранным языком; создавать экономические проекты; использовать информационные программы для решения и оптимизации профессиональных задач, ориентироваться в информационных потоках. Настройка образовательных программ, прежде всего, должна отвечать требованиям региональных работодателей.

Логика построения модели специалиста интегративного профиля опирается на специфику и особенности его деятельности. Специфика деятельности выражается в интеграции в различные сферы деятельности: в сферу профессиональной деятельности и профессионального пространства, инновационной экономики и информационного пространства. Особенностью деятельности специалиста интегративного профиля является то, что он работает с учетом условий регионального промышленно-экономического кластера. Так, если интеграция в различные сферы деятельности (специфика деятельности) может быть обеспечена видами общекультурных компетенций, отобранных с учетом требований работодателей и федеральных государственных образовательных стандартов, то особенность деятельности (учет условий регионального промышленно-экономического кластера) специалиста интегративного профиля требует критериев готовности к этой интеграции (Рисунок 1).

При разработке модели специалиста интегративного профиля мы базировались на принципе идентификации, позволившем соотнести профессиональные сферы деятельности с критериями готовности к ней, что обеспечивает возможность определения структуры готовности к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля. Готовность как качество личности предполагает осознание индивидом личной и общественной значимости деятельности, положительное отношение к ней и способность к ее выполнению (Amirova, 2009). В контексте настоящего исследования готовность к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля рассматривается как интегративная характеристика личности, системообразующая совокупность мотивов, установок личности на успешное достижение целей профессиональной деятельности в условиях её многофункциональности и интеграции в различные профессиональные сферы, учитывающие региональные социоэкономические условия.



Рис. 1. Модель специалиста интегративного профиля

Источник: разработано авторами.

Вместе с тем, интеграция в сферу профессиональной деятельности требует решения профессиональных задач в зависимости от регионального характера развития промышленности. Социально-экономическое развитие Самарского региона, устойчивое функционирование таких отраслей промышленного производства, как аэрокосмический комплекс, нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс, кабельная, автомобильная промышленность и др., является основополагающим фактором для определения области профессиональных задач.

Интеграция в сферу профессионального пространства обусловлена необходимостью осуществления разного вида коммуникативного взаимодействия в профессиональной среде, установления деловых контактов с российскими и зарубежными коллегами, что требует готовности к межличностным отношениям в условиях многоплановости развития промышленного и социального сектора экономики в Самарской области. Кроме того, необходимость адаптации к быстро меняющимся условиям производственной деятельности, конкуренция на рынке труда требуют от специалиста, интегрирующегося в профессиональное пространство, способности к саморазвитию и самосовершенствованию. Развитая сфера инновационной экономики в Самаре

требует от специалиста готовности к решению управленческих и предпринимательских задач в условиях рыночных отношений. В современных условиях развитие различных отраслей народного хозяйства невозможно без использования специализированных программных продуктов и инновационных информационных технологий, что обуславливает интеграцию специалиста в сферу информационного пространства и требует готовности к владению информационными технологиями.

Готовность к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля с учетом условий регионального промышленного кластера выражается следующими критериями: готовность к решению профессиональных задач; готовность к межличностным отношениям; готовность к самообразованию и самореализации; готовность к управленческой и предпринимательской деятельности; готовность к применению инновационных информационных технологий. Компоненты в структуре готовности к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля определялись в результате анализа ФГОС ВО, требований работодателей региона к специалисту нового типа, разработанных тюнинг-проектом компетенций, их идентификации с матрицами компетенций основных образовательных программ, реализуемых в Самарском государственном университете.

Таким образом, под специалистом интегративного профиля мы понимаем личность, способную интегрироваться в различные сферы деятельности (сферу профессиональной деятельности и профессиональное пространство, сферу управленческо-предпринимательской деятельности, сферу информационного пространства и коммуникационного взаимодействия), что позволяет ему быть конкурентно-способным на рынке труда, действенно реагировать на меняющиеся профессиональные обстоятельства, решать нестандартные профессиональные задачи, принимать на себя ответственность за результаты своего труда, постоянно совершенствуясь. Готовность к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля является интегративной характеристикой личности, системообразующей совокупность мотивов, установок личности на успешное достижение целей профессиональной деятельности в инновационном социально-экономическом пространстве (готовность к решению профессиональных задач, готовность к межличностному взаимодействию, готовность

к самообразованию и самореализации, готовность к управленческой и предпринимательской деятельности, готовность к применению инновационных информационных технологий). Специалисты интегративного профиля, владеющие не только своей профессией, но и ориентирующиеся в смежных областях деятельности, готовы к постоянному профессиональному росту в условиях смены сфер профессиональной деятельности. Однако существующие образовательные программы не всегда могут решать задачи по подготовке специалистов интегративного профиля. Возникает необходимость не только определения содержания и средств формирования готовности к профессиональной деятельности специалиста интегративного профиля, но и определения методологических подходов на основе доминирующих принципов непрерывного и дополнительного профессионального образования.

Библиография

1. Amirova L.A. (2009) *Razvitiye professional'noy mobil'nosti pedagoga v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya*. Moskva: Akademiya. (In Russian)
2. Avraamova Y.M. (2006) *Trebovaniya rabotodateley k sisteme professional'nogo obrazovaniya*. Moskva: MAKS Press. (In Russian)
3. Baidenko V.I. (2006) *Bolonskiy process: poisk obschnosti yevropeyskih sistem visshego obrazovaniya (proyekt TUNING)*. Moskva: Issledovatel'skiy centr problem kachestva podgotovki specialistov. (In Russian)
4. Belozercev Y.P. (2006) *Pedagogika professional'nogo obrazovaniya*. Moskva: Akademiya. (In Russian)
5. Borisov A.B. (2003) *Bol'shoy ekonomicheskii slovar'*. Moskva: Akademiya. (In Russian)
6. Chudinov A.N. (Red.) (1910) *Slovar' inostrannih slov, voshedshih v sostav russkogo yazika*. Dostupno: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003636516#?page=1> (sm. 16.10.2017). (In Russian)
7. Hutorskoy A.V. (2002) *Klyucheviye kompetencii i obrazovatel'niye standarti*. Dostupno: <http://eidos.ru/journal/htm> (sm. 17.10.2017). (In Russian)
8. Levchenko V.V. (2008) Integracionniy process kak pedagogicheskiy fenomen. *Uchyoniye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, № 1, s. 58–61. (In Russian)
9. TUNING project. (2013) *Tuning Educational Structures in Europe*. Available: <http://www.unideusto.org/tuningeu/> (accessed on 17.10.2017).

Training of Integrative Profile Specialist for Regional Cluster

Summary

The article presents the model of Integrative Profile Specialist oriented towards cluster regional economics. The model presupposes definite competencies for mastering professional functions under the condition of educational and economic parity. The essence and the structure of Integrative Profile Specialist's readiness to professional activity is defined; the scientific notion of continuing professional education is specified. Scientific approaches to the training of integrative profile specialists in the process of continuing professional education in accordance with the requirements of regional industrial and economic clusters are justified. The importance of integration as the main development principle of modern educational systems is proved reliable for the implementation of education programs.

Key words: Integrative Profile Specialist, readiness to professional activity, continuing professional education, regional cluster.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РАМКАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА XX ВЕКА

В данной статье рассматриваются исторические аспекты процесса глобализации в контексте углубления разделения труда на мировом уровне, и в этой связи — идея и практическое осуществление регионального проекта о Европейском Союзе в странах, находящихся в американской технологической зоне. Анализируется текущее состояние и перспективы продвижения этого проекта вместе с углублением глобального структурного кризиса современной модели капиталистического развития. Еще Адам Смит доказывал, что уровень разделения труда зависит от масштабов рынков экономической системы, а поскольку система капитализма уже распространилась по территории всей планеты, то механизм достижения дальнейшего нарастания эффективности мирового хозяйства перестал действовать. С недавнего времени в единой мировой системе разделения труда постепенно начались процессы деглобализации и оформления отдельных валютных зон, огороживающих себя от остального мира. Примеров в этом направлении уже достаточно много. Стоит вспомнить программу США об энергетической независимости страны, в результате которой эта страна превращается из импортера нефти и газа в его активного экспортера. В разных странах Евросоюза очень активно идёт обсуждение программы реиндустриализации, которая, по мнению инициаторов, должна вернуть прежнюю индустриальную мощь Старому континенту. В статье описываются разные категории стран в рамках Евросоюза и делается сравнительный анализ его схожести и различий с Советом Экономической Взаимопомощи, который существовал до начала 1990-х годов на территории Восточной Европы. Рассматривается альтернативный опыт Беларуси как «высокотехнологичного» придатка Евразийского объединения. Беларусь сохранила и развила свой экономический потенциал, оставшийся с прежней эпохи, и на сегодняшний день этот накопленный капитал является серьезным вкладом страны в усилия государств евразийского содружества по увеличению своей значимости на мировой арене. В данной работе предлагается принятие конкретных социально-политических шагов и структурных реформ для улучшения функционирования Европейского Союза как межгосударственного объединения с самым мощным потенциалом для развития на европейском субконтиненте в контексте тенденции деглобализации в последнее десятилетие и углубления глобального экономического кризиса.

Ключевые слова: региональный проект Европейского Союза, уровень разделения труда, глобальный структурный кризис, модель капиталистического развития.

В данной статье автор пытается доказать, что в современных условиях, когда единый глобальный рынок уже распространился по всей планете, механизм для дальнейшего повышения эффективности функционирования мировой экономики постепенно прекращает работу (это процессы, которые развиваются на слишком больших территориях, предполагая относительно медленную и почти невидимую скорость их протекания) и что в ранее единой мировой системе разделения труда постепенно начинают отслеживаться тенденции дефрагментации (деглобализации) и начала формирования отдельных валютных зон, внедряющих протекционистские меры по отношению друг к другу (Grigoryev, 2014). Европейский Союз, уже созданный в связи с другими историческими процессами, может стать одной из этих независимых валютных зон.

В течение всей истории человечества экономические системы разделения труда характеризуются непрерывным расширением их масштабов. Первыми экономическими единицами в человеческой истории являются семьи, за которыми следуют племена, протогосударственные и государственные формирования на религиозной основе, заканчивая современными национальными государствами. Для последних также существует тенденция объединения в межгосударственные союзы, одним из которых является Европейский Союз.

Почему так необходимо проходить фазы непрерывной глобализации? Дело в том, что каждая из научно-технических инноваций требует расширения рынков сбыта, так как в условиях относительного равновесия в экономической системе, где все потенциальные доходы в данный период идут полностью на заранее определенные затраты, появление инноваций повышает эффективность производства, что приводит к снижению его издержек, соответственно, к увеличению доходов конкретного производителя. Последнее приводит к нарушению относительного равновесия в экономической системе, что приводит к концентрации доходов в чьих-то руках (и необходимость их дальнейшего реинвестирования) и неспособности реализовать возросшее (иногда весьма значительно) инновационное производство. В этом случае предпринимаются попытки расширить рынки за счёт регионов, которые еще не были включены в собственно систему разделения труда. Отсутствие возможностей для расширения рынка приводит к застою и прекращению экономического развития (Mateyev, 2015).

Показательным в этом отношении является чрезвычайно динамичный XX век, в начале которого в разное время столкнулись все пять глобальных технологических зон, характеризующихся относительно независимыми друг от друга системами разделения труда — Великобритания, Германия, Америка, Япония и СССР. После Второй мировой войны сохраняются только американская и советская, но последняя — с несравненно меньшим потенциалом, чем у конкурентной (особенно после потери Китая и постепенного его включения в американскую технологическую зону), что в конечном итоге оказалось решающим, доказывая в очередной раз сформулированные Адамом Смитом закономерности развития сообразно масштабам разделения труда.

Как отмечалось выше, после неудачных попыток Германии и Японии сохранить и развить свои технологические зоны в 1930-х годах, и после постепенного и добровольного отказа Британской империи поддерживать свою технологическую зону, вместе с концом Второй мировой войны Соединенные Штаты становятся бесспорным мировым лидером и центром одной из двух оставшихся глобальных систем разделения труда.

В то время Европа была опустошена, и это особенно касается основных участвовавших в конфликте сторон — Германии и Советского Союза. С началом плана Маршалла для Западной Европы началось постепенное восстановление тех стран, которые остались в сфере влияния США. При этом основная заслуга этого плана заключалась не столько в финансировании строительства новой современной промышленности, а в гарантированном открытии огромных в то время американских рынков (более половины мирового производства и потребления в то время реализовывалось в США) для продукции, произведенной в Германии и Италии. Реализуются немецкие и итальянские экономические чудеса. Позже последовали японские, южнокорейские и китайские экономические чудеса. Ключевой особенностью каждого из этих чудес является полный и беспрепятственный доступ к богатым американским рынкам, которые были в состоянии поглотить любую качественную и дешевую продукцию, поступающую из более бедных, но дружественных экономик по всему миру. Последние, после определенного периода взаимодействия с самой богатой страной мира, также начинают богатеть, и в глазах периферийных стран они уже кажутся серьезной моделью для подражания.

Со временем Германия, как экспорто-ориентированная экономика, позиции которой на рынках США начинают стагнировать (или, по крайней мере, не развиваются с той же динамикой, что и в первые десятилетия взаимодействия), начинает ощущать растущее давление на свою промышленность и необходимость выхода на новые рынки в мировом пространстве. Хорошая возможность реализовать эти амбиции — это Европа и страны, входящие в сферу влияния Америки (а впоследствии — в соответствующую систему разделения труда).

Пока существовала советская система разделения труда, это расширение происходило в странах Северной и Западной Европы, а также в Средиземноморском бассейне Европы, и постепенно немецкая марка в виде евро становится общеевропейской валютой. После окончания «холодной войны» (война за рынки в Третьем мире), завершившейся капитуляцией гораздо меньшей советской системы разделения труда, часть стран Старого континента, бывшие члены Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), стали членами Европейского Союза.

В самом Европейском Союзе его государства-члены могут быть разделены на две основные категории: страны Северной Европы (Германия, Австрия, Дания, Нидерланды, Швеция, Северная Франция, Великобритания), производящие продукты с высокой добавленной стоимостью; и средиземноморские государства, вместе со странами Восточной Европы (Португалия, Испания, Италия, Греция, Хорватия, Польша, страны Балтии, Румыния, Болгария), основными источниками доходов которых являются сельское хозяйство, туризм и отрасли с низкой степенью переработки основного сырья). Эти структурные различия между двумя категориями стран создают усиливающиеся диспропорции в их экономиках, что приводит к концентрации капитала и трудовых ресурсов в первой группе стран, и к деиндустриализации и депопуляции во второй. Такие тенденции вызывают непрекращающееся недовольство среди общества в периферийных странах, что в сочетании с негативными последствиями глобального структурного кризиса современной модели развития, ведет к резкому росту ксенофобских и националистических тенденций среди населения регионов.

Интересен сравнительный анализ ЕС с СЭВ, который существовал до начала 1990-х годов. Многие объективные критерии демонстрируют значительно более высокую степень интеграции в современном ЕС, по сравнению с тогдашним союзом социалистических стран

Восточной Европы, но в то же время все более явствуют признаки возможной «Перестройки 2.0», которая имеет большой потенциал для повторения, тем самым повторяя судьбу СЭВа в конце 1980-х годов (Grigoryev, 2014). Очевидно, что скорость и расстояние, которое может быть пройдено по этому пути, будет определяться геостратегическими обстоятельствами, связанными, прежде всего, с ранее обсуждавшимися процессами деглобализации в мировом масштабе.

Здесь стоит отметить альтернативный опыт Беларуси как «высокотехнологичного» придатка Евразийского объединения. Беларусь сохранила и развила свой экономический потенциал, оставшийся с прежней эпохи, и на сегодняшний день этот накопленный капитал является серьезным вкладом страны в усилия государств евразийского содружества по увеличению своей значимости на мировой арене. Кроме того, в стране есть серьезные предпосылки для того, чтобы быть своего рода полигоном, в котором в условиях растущих глобальных структурных диспропорций продолжается разработка планового механизма управления макроэкономическими системами.

Как уже отмечалось, в единой до недавнего времени системе разделения труда постепенно начали наблюдаться тенденции дефрагментации (деглобализации) и началось формирование отдельных валютных зон, которые вводят протекционистские меры друг против друга. Например, в разных странах Европейского Союза проводятся интенсивные дискуссии по целому ряду программ реиндустриализации (современная форма протекционизма в условиях либеральной мировой экономики), которые, по мнению их инициаторов, должны вернуть прежнюю промышленную мощь Старому континенту.

Перспективными могут быть дискуссии о реализации конкретных социально-политических мер по улучшению функционирования Европейского Союза как межгосударственного объединения разных по уровню своего развития стран. У Евросоюза есть потенциал для развития в условиях продолжающейся деглобализации, связанной с углублением структурного кризиса современной модели капиталистического развития.

Основные дисбалансы, которые необходимо решать в приоритетном порядке, в основном связаны с общей демографической политикой, экономической политикой и, в частности, общей налоговой, региональной политикой и политикой по отношению к третьим странам в рамках международного разделения труда.

С точки зрения Болгарии срочно нужно рассмотреть, например, вопрос о будущей единой налоговой политике в рамках Европейского Союза, учитывая коллективные усилия всех государств-членов по созданию более сплоченного и скоординированного будущего Союза на основе равенства и солидарности между странами, которые вступают в это динамичное объединение демократических европейских народов.

Библиография

1. Grigoryev O. (2014) *The Age of Growth: Bloom and Decadence of the Global Economic System*. Sofia: East-West Publishing House.
2. Mateyev E. (2015) *Structure and Management of the Economic System*. Sofia: University Publishing House of UNWE.

Regional Project of the European Union within the World Globalization in XXth Century

Summary

This article examines the historical aspects of the globalization process in the context of deepening the division of labor at the global level, and in this regard the idea and practical implementation of the regional project on the European Union in countries located in the American technological zone. The current state and prospects of the project's progress are being analyzed together with the deepening of the global structural crisis of the modern model of the development of capitalism. Adam Smith was also proving that the level of the division of labor depends on the scale of the markets of the economic system, and since it has already spread throughout the whole planet, the mechanism for achieving further growth in the efficiency of the world economy has ceased to function. Until recently unified, the world system of the division of labor has gradually begun the processes of degradation and registration of individual currency zones, enclosing themselves from the rest of the world. There are already a lot of examples in this direction. It is worth recalling the US program on the country's energy independence, as a result of which they are transformed from a net importer of oil and gas to its active exporter. In different countries of the European Union there is a very active discussion of the program of re-industrialization, which, according to the initiators, should restore the previous industrial power of the Old Continent. The article describes different categories of countries within the framework of this Union and compares its similarities and differences with the Council for Mutual Economic Assistance, which existed until the beginning of the 1990s in Eastern Europe. The alternative experience of Belarus as a "high-tech" appendage of the Eurasian association is as well considered.

Belarus has preserved and developed its economic potential left over from previous eras, and nowadays this accumulated capital is a serious contribution of the country to the efforts of the states of the Eurasian Commonwealth to increase its weight in the world arena. This article suggests the adoption of specific socio-political steps and structural reforms to improve the functioning of the European Union as an inter-state association with the most powerful development potential on the European subcontinent in the context of the trend of de-globalization in the past decade to deepen the global economic crisis.

Key words: regional project of the European Union, level of labor division, the global structural crisis, capitalism development model.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ КОНВЕРГЕНЦИЮ

Европейская региональная политика ставит приоритетной целью региональную конвергенцию. Основой для её достижения служит финансирование различных региональных программ за счет средств европейских структурных фондов, что обеспечивает рост общественных инвестиций в целевых регионах. Данные тенденции требуют объективной оценки о степени их влияния на процесс конвергенции в ЕС. Цель статьи: на основе анализа воздействия общественного капитала на рост производительности региона сделать предварительное заключение о его влиянии на региональную конвергенцию в рамках ЕС. Анализ влияния проведён на основе производственной функции, в которой общественный капитал не рассматривается в качестве прямого производственного фактора, а относится к общей факторной производительности (англ. *total factor productivity* или сокращенно *TFP*). Такой подход дает основания утверждать о существовании позитивного влияния общественных инвестиций на региональную конвергенцию в ЕС, даже учитывая то, что представленное исследование является пилотным.

Ключевые слова: общественный капитал, инфраструктура, конвергенция, общая факторная производительность.

Общественные инвестиции влияют на рост производительности региона через развитие его инфраструктуры. Существует единая точка зрения о необходимости базовых объектов инфраструктуры в потенциальных регионах развития, поскольку, в конечном итоге, инфраструктура должна быть тем фактором, без которого нет развития, даже если имеют место другие факторы (Looney, Frederiksen, 1991).

Однако мнения по отношению к конкретной роли инфраструктуры в социально-экономическом развитии за пределами этой единой точки зрения могут различаться. Это касается и того, каким образом общественная инфраструктура влияет на рост производительности региона.

Скорость роста производительности региона зависит от скорости его технического прогресса и степени экономии от масштаба, оба из которых могут быть детерминированы общественной инфраструктурой (Beeson, 1987). Например, системы общественных школ и колледжей могут увеличить скорость технических изменений региона

путем подготовки квалифицированной рабочей силы и связывая города и их пригороды в национальные и международные сети идей и инноваций, тем самым влияя на скорость, с которой фирмы разрабатывают и включают технические достижения в свои производственные процессы. Общественные транспортные сети могут увеличить региональную экономию от масштаба за счет стимулирования большей специализации фирм производственного сектора.

Способы использования инфраструктурного капитала оказывают влияние на производственную деятельность по двум каналам. Первый канал, когда *не прямые* выгоды от инфраструктурных инвестиций для предприятий выражаются в виде затрат, произведенных в секторах, связанных с производством инфраструктурных услуг (для производственных предприятий это, главным образом, транспорт и различные коммунальные услуги). Например, дороги и автомагистрали в сочетании с транспортом, работниками, топливом, складами и так далее образуют индустрию транспорта, услуги которой продаются в другие сектора. Точно так же электроэнергетические компании, сочетая услуги инфраструктуры с капиталом производственных активов, рабочей силой, топливом, поставляют выработанные мощности непосредственно в другие отрасли. С точки зрения производственного сектора, эти инфраструктурные услуги проявляются в виде промежуточных затрат, осуществленных в отрасли, связанной с производством. В этом процессе использование общественной инфраструктуры преобразуется в фактор производственных затрат и любое количественное или качественное улучшение инфраструктуры проявляется в снижении закупочной стоимости транспортных услуг и электроэнергии, или в улучшении качества и сферы использования данных услуг. Аналогичный процесс происходит с первичными факторами производства, рабочей силой и капиталом. Улучшенный транспорт может, например, уменьшить расходы на оплату труда за счет расширения круга доступной рабочей силы, или снизить стоимость проживания рядом с рабочим местом. В любом случае, внешние эффекты от использования инфраструктуры усваиваются рынком в виде платных услуг и факторов производства ещё до того, как они достигают конечного потребителя.

Если бы это был единственный канал, через который инфраструктура влияла бы на промышленное производство, то её влияние было бы мало или совсем отсутствовало. Однако инфраструктура может *косвенно* влиять на производство и через другой канал: внешние сете-

вые эффекты. Расширение мощностей в одной точке существующей инфраструктурной системы может иметь последствия для всей сети за счет добавления или расширения критических связей, или за счет устранения узких мест. Это косвенно может привести к общему увеличению производственной эффективности как, например, когда более низкие транспортные издержки приводят к расширению размеров продуктовых и сырьевых рынков, что в свою очередь приводит к повышению эффективности через экономию от масштаба и охвата, к усилению конкуренции, и к большей сырьевой специализации. Эти системные эффекты могут также допускать использование новых и более эффективных технологий (например, управление запасами *“just-in-time”*) или позволяют более эффективно использовать существующие технологии. Эффекты второго канала являются внешними по отношению к фирмам в любой точке сети, и в отличие от эффектов первого канала, они оказывают влияние в основном вне пределов рынка и не связаны непосредственно с ценами.

Производительность региона может быть выражена через производственную функцию, которая отражает взаимосвязь между ВВП региональной экономики и факторами, которые имеются в её распоряжении (факторы производства и технологии), и в общем виде может быть представлена как (Solow, 1956):

$$Y_t = A_t F(K_t, L_t), \quad (1)$$

где Y – валовой внутренний продукт (ВВП) в ценах базового периода;
 K – обеспеченность региональной экономики капиталом;
 L – обеспеченность региональной экономики рабочей силой;
 A – общая факторная производительность (*TFP*) или «остаток Солоу»;
 t – период времени.

В классической производственной функции постоянная отдача от масштаба обеспечивается двумя факторами K и L , а A отражает технологический прогресс.

Рассматривая показатель A как общую факторную производительность (*TFP*), его можно разделить на компоненты, связанные с экономией масштаба и техническими изменениями, чтобы на их основе исследовать региональные характеристики (Beeson, 1987). Исходя из теоретических аспектов непрямого влияния инфраструктуры на производственную эффективность, эффект воздействия общественного

капитала должен выражаться через показатель *TFP*. Предполагая совершенную конкуренцию и максимизацию прибыли, *TFP* рассчитывается по остаточному принципу («остаток Солоу») как разница между выпуском и вкладом каждого из прямых производственных факторов. Если не считать общественный капитал прямым фактором производства, то *K* в данной ситуации отражает только запас частного капитала. В линейном виде формула (1) может быть представлена как:

$$\ln(TFP_t) = \ln(A) = \ln Y_t - S_{Kt} \ln(K_t) - S_{Lt} \ln(L_t), \quad (2)$$

где S_K и S_L означают соответствующий вклад каждого из производственных факторов.

Учитывая постоянную отдачу от производственных факторов (капитала и рабочей силы), суммарный вклад каждого из них в выпуск будет равен единице, т.е. $S_{Kt} + S_{Lt} = 1$ (Eberts, 1990).

Сокращение неравенства между регионами или странами через показатель *TFP* можно исследовать двумя способами:

- 1) на основе статистической дисперсии;
- 2) анализируя, имеют ли регионы с более низким начальным уровнем *TFP* более высокие темпы роста данного показателя в определенный отрезок времени.

Данные подходы в исследовании сходимостей соответствуют концепциям σ (сигма) – и β (бета) – конвергенции (Barro, Sala-i-Martin, 1991), которые в данном случае адаптированы к показателю общей факторной производительности.

Используя стандартное отклонение $\ln(TFP)$ как меру дисперсии, можно отметить, что с 2001 по 2010 год происходило достаточно стабильное снижение различий в показателе *TFP* между странами ЕС-27. Период с 2010 по 2015 год можно охарактеризовать как переход от состояния незначительной дивергенции к незначительной конвергенции. В целом можно говорить о снижении различий в показателе *TFP* между странами ЕС в понятии u -конвергенции в период проведенного анализа (см. Рисунок 1).

Далее представлена вторая концепция, т.е. β -конвергенция. Видно, что имеется отрицательная зависимость ($\beta = -0,0177$) между среднегодовым темпом роста *TFP* и его начальным уровнем в 2000 году. Поскольку эта зависимость статистически значима ($p=0.0000024$), это позволяет утверждать о существовании конвергенции данного показателя на уровне стран ЕС (см. Рисунок 2).

Следовательно, страны, изначально имеющие более низкую общую факторную производительность, демонстрируют более высокие темпы роста показателя *TFP* в анализируемый период.

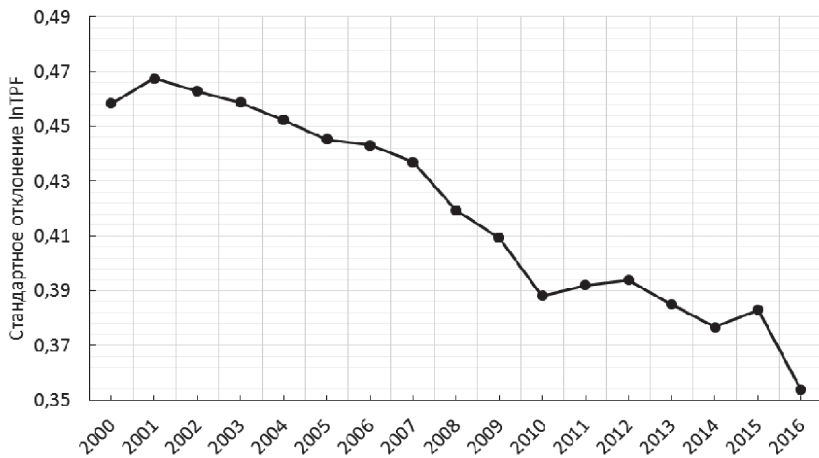


Рис. 1. σ (сигма)-конвергенция показателя *TFP* в ЕС-27, 2000–2016 год

Источник: рассчитано автором по данным Eurostat.

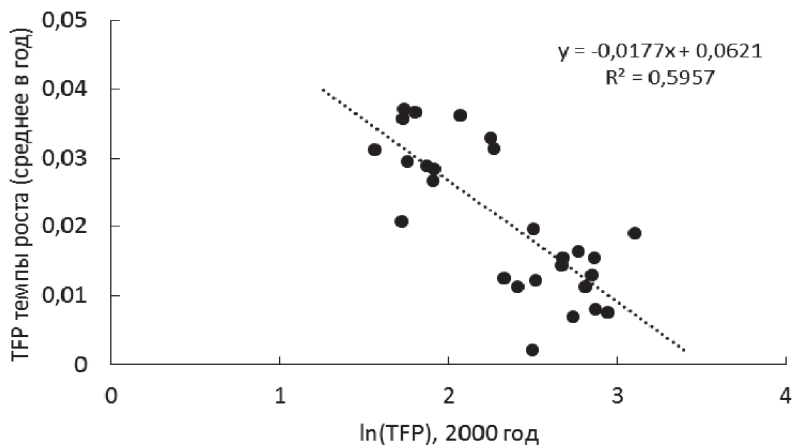


Рис. 2. β (бета)-конвергенция показателя *TFP* в ЕС-27, 2000–2016 год

Источник: рассчитано автором по данным Eurostat.

Далее в таблице представлены среднегодовые темпы роста показателя общей факторной производительности стран ЕС (кроме Хорватии, для которой отсутствуют все необходимые статистические данные за рассматриваемый период).

Таблица 1
Среднегодовые темпы роста *TFP* в странах ЕС, 2000–2016 год

Страна	Темп роста <i>TFP</i> в год	Страна	Темп роста <i>TFP</i> в год
Австрия	0.52%	Люксембург	0.78%
Бельгия	0.38%	Мальта	0.49%
Болгария	1.47%	Нидерланды	0.47%
Великобритания	0.26%	Польша	1.19%
Венгрия	1.29%	Португалия	1.16%
Германия	0.34%	Румыния	1.67%
Греция	1.77%	Словакия	1.87%
Дания	0.68%	Словения	1.23%
Ирландия	-0.52%	Финляндия	0.66%
Испания	0.72%	Франция	0.36%
Италия	0.64%	Хорватия	–
Кипр	0.79%	Чехия	1.62%
Латвия	2.31%	Швеция	0.38%
Литва	1.65%	Эстония	2.14%

Источник: Eurostat.

Согласно данным Таблицы 1, наиболее высокие темпы роста *TFP* в основном демонстрируют страны, у которых все регионы или их часть могут привлекать дополнительное финансирование из структурных фондов ЕС. Например, такие страны, как Чехия (1.62%), Эстония (2.14%), Латвия (2.31%), Литва (1.65%), Польша (1.19%), Румыния (1.67%), Словакия (1.87%) демонстрировали намного более высокие темпы роста общей факторной производительности в анализируемый период, чем, например, Австрия (0.52%), Бельгия (0.38%), Великобритания (0.26%), Германия (0.34%), Швеция (0.38%). Это может предварительно свидетельствовать об эффективности европейской региональной политики и позитивном влиянии роста общественных инвестиций на процесс регионального сближения в ЕС.

Заклучение

Исходя из теоретических предпосылок, общественный капитал не оказывает существенного влияния на рост производительности региона в качестве прямого производственного фактора. Его влияние выражается косвенно, через рост общей факторной производительности (TFP). Исходя из определения производственной функции Солоу, TFP повышает общую эффективность частного капитала и рабочей силы. Имеются основания утверждать о наличии конвергенции между странами ЕС по данному показателю. Сближение происходит за счет более высоких темпов роста показателя *TFP* в странах, получающих финансирование региональных проектов из европейских структурных фондов, в т.ч. связанных с развитием общественной инфраструктуры. Предварительно это может свидетельствовать об эффективности европейской региональной политики и позитивном влиянии роста общественных инвестиций на процессы региональной конвергенции, хотя определить конкретную степень этого влияния на данном этапе нельзя, т.к. нужны дополнительные исследования.

Библиография

1. Barro R.J., Sala-i-Martin X. (1991) Convergence across states and regions. *Brookings Papers on Economic Activity*, Vol. 22, No. I, pp. 107–182.
2. Beeson P.E. (1987) Total Factor Productivity growth and agglomeration economies in manufacturing, 1959–73. *Journal of Regional Science*, Vol. 27, pp. 183–199.
3. Eberts R.W. (1990) *Cross-Sectional Analysis of Public Infrastructure and Regional Productivity Growth*. Working paper No. 9004. Available: <http://www.clevelandfed.org/research/workpaper/1990/wp9004.pdf> (accessed on 16.10.2017).
4. Hulten C.R. (2005) *Transportation Infrastructure, Productivity, and Externalities*. University of Maryland and National Bureau of Economic Research.
5. Looney R., Frederiksen P. (1981) The regional impact of infrastructure investment in Mexico. *Regional Studies*, Vol. 15, No. 4, pp. 285–296.
6. Solow R.M. (1956) A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, pp. 65–94.

Sabiedrisko investīciju ietekme uz reģionālo konverģenci

Kopsavilkums

Eiropas reģionālā politika par prioritātes mērķi uzskata reģionālo konverģenci. Mērķa sasniegšanai kalpo dažādu reģionālo programmu finansēšana no Eiropas strukturālajiem fondiem, kas nodrošina sabiedrisko investīciju izaugsmi mērķa reģionos. Šīs tendences pieprasa objektīvu vērtējumu par to ietekmes pakāpi uz konverģences procesu Eiropas Savienībā. Raksta mērķis: veikt secinājumus par sabiedriskā kapitāla ietekmi uz reģionālo konverģenci Eiropas Savienības ietvaros. Izrietot no teorētiskiem aspektiem, var secināt ka sabiedriskais kapitāls būtiski neietekmē reģiona produktivitātes pieaugumu kā tiešais ražošanas faktors. Sabiedriskā kapitāla ietekme izteikta netieši caur kopējā faktoru produktivitātes (KFP) pieaugumu. Izejot no Solova ražošanas funkcijas koncepcijas, KFP palielina privātkapitāla un darbaspēka kopējo efektivitāti. Ir pamats secināt par konverģences esamību starp ES valstīm pēc dotā rādītāja. Konverģence notiek KPF rādītāja augsta pieauguma tempa dēļ valstīs, kas saņem reģionālo projektu finansējumu no Eiropas struktūrfondiem, t.s. no tiem, kas saistīti ar sabiedrisko infrastruktūru attīstību. Dotajā pētījuma ietvaros tas liecina par Eiropas reģionālas politikas efektivitāti un par sabiedrisko investīciju pieauguma pozitīvo ietekmi uz reģionālas konverģences procesiem, kaut noteikt konkrēto šīs ietekmes pakāpi dotajā posmā nevar, tā kā nepieciešami papildus pētījumi.

Atslēgas vārdi: sabiedriskais kapitāls, infrastruktūra, konverģence, kopējā faktoru produktivitāte.

*Анна Шевякова (Россия),
Элеонора Муниш (Казахстан)*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА ДЛЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА

В туристической деятельности информационная поддержка обеспечивает качество туристических услуг и привлекательность туристического региона, усиливает мотивацию потребителей посещать эту территорию. Развитие туристического спроса, вызванное потребностями туристов и демографическими изменениями, ускоряет сегментацию и создает новые типы предложений в экономике страны. Недавние достижения в области телекоммуникаций, сетевых организаций, создание и обработка баз данных и электронный маркетинг предоставляют новые возможности для бизнеса в секторе туризма и оказывают значительное влияние на модель традиционного бизнеса. Поэтому основная доля перемен и инноваций в сфере туризма связана с использованием информационных и коммуникационных технологий. Казахстан с его уникальными природными ресурсами и оригинальной культурой кочевого народа обладает огромным неиспользованным потенциалом развития туризма на международном и региональном рынках. Индустрия туризма в Республике Казахстан признана одной из приоритетных отраслей экономики на государственном уровне. Например, при реализации положений индустриально-инновационного развития экономики страны ведущая роль принадлежит кластерной системе, в частности, кластеру туризма. Современные тенденции в развитии этой отрасли заключаются в том, что туристы, которые хорошо изучили самые известные курорты мира, стремятся к тем странам, где сектор туризма только начинает развиваться. На современном этапе развития туризма Казахстан становится более привлекательной страной для любителей экстремальных праздников и людей, интересующихся историей и современностью стран, расположенных на Великом шелковом пути. С этой точки зрения привлекательность Казахстана растет. Туристический потенциал рекреационных ресурсов и историко-культурного наследия позволяет Республике гармонично интегрироваться в международный туристический рынок и добиваться интенсивного развития туризма в стране. Это обеспечивает устойчивую занятость и рост доходов, стимулирует развитие смежных отраслей и увеличение инвестиционных потоков в национальной экономике.

Ключевые слова: Казахстан, отрасли экономики Казахстана, диверсификация, информационные технологии, туризм.

Фундаментальные изменения, происходящие в мировой экономике, усугубленные геополитическим кризисом и санкционной политикой ведущих держав мира, вносят свои коррективы в экономическую политику Казахстана. Сегодняшними успехами в социально-экономическом развитии и привлечении иностранных инвестиций Республика Казахстан обязана таким базовым факторам конкурентоспособности, как обеспеченность природными ресурсами, благоприятная макроэкономическая среда и политическая стабильность. Но экономика Республики Казахстан уже частично теряет конкурентоспособность и находится в «ловушке среднего дохода». Для сохранения высоких темпов экономического роста Республике Казахстан потребуются реализовать структурные изменения в экономике, необходимые для перехода на новую стадию развития. В этой связи проблема диверсификации экономики остается актуальной для Казахстана.

Одной из основных особенностей развития экономики Казахстана до сих пор остается доминирующее положение нефтегазового и сырьевого секторов за счет ослабления позиций казахстанской обрабатывающей промышленности, а также вытеснение из структуры потребления отечественных продуктов импортными товарами. При этом именно в сырьевом характере казахстанской экономики, её слабой диверсифицированности можно увидеть главную причину повторяющихся экономических кризисов, поскольку от цен на энергоресурсы зависит формирование бюджета страны (World Bank, 2015).

По данным Комитета Республики Казахстан по статистике, доля горнодобывающей промышленности в структуре ВВП страны имеет тенденцию к росту — за период с 2000 по 2016 год она увеличилась на 3.4% и составила в 2016 году более 16.4%, в то же время доля обрабатывающей промышленности сокращается — в 2016 году она упала на 5.0% по сравнению с 2000 годом и составила 11.5%. Усугубляет положение и направление финансовых ресурсов. За период с 2000 по 2016 год приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику страны составил более 1.3 млрд. долларов США. При этом более двух третей таких инвестиций направлялись в горнодобывающие отрасли (32.6% валового притока ПИИ) и деятельность по проведению геологической разведки и изысканий (37.0%). На долю обрабатывающей промышленности приходится лишь 8.8% всех ПИИ, а на долю сельского хозяйства — 0.1%. Таким образом, за рассматриваемый период сырьевая направленность казахстанской экономики не снизилась, а ее зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры усилилась.

Следует отметить, что сырьевой характер структуры промышленного производства Казахстана не только обеспечивал до недавнего времени поступательное развитие экономики страны, но и является наиболее надежным источником ее роста в ближайшее время. Однако, как показал мировой экономический кризис, доминирование сырьевых отраслей в структуре экономики страны приводит к неустойчивости экономического роста и длительной стагнации. Поэтому для Казахстана стратегическое значение приобретает необходимость проведения целенаправленной государственной политики диверсификации и модернизации экономики в целях повышения ее конкурентоспособности, преодоления сырьевой направленности и обеспечения устойчивого экономического роста страны и отдельных регионов.

Устойчивая высокая динамика экономического роста и выгодная конъюнктура на мировом рынке позволяли Казахстану до 2015 года ставить и решать определенные задачи по приданию отечественной экономики инновационного и социально-ориентированного характера. Однако, в абсолютном исчислении снижение экспортных поступлений, по сравнению с 2012, по итогам 2016 года составило около 39 млрд. долларов США. В результате Казахстан по экспорту вернулся к уровню 2007 года. Количественное уменьшение темпов экспортных поступлений сменилось серьезными качественными изменениями, поскольку недопоступление доходов снижает возможности для инвестиций в производство и все виды инфраструктуры – от транспортной до социальной. А это, свою очередь, бьет по конкурентоспособности страны и ослабляет её экономические возможности.

Резкая девальвация тенге, начавшаяся с 20 августа 2015 года несколько заретушировала эту проблему, но не более того. Кардинально решить её может лишь диверсификация экономики, то есть создание принципиально новых источников генерирования экспортной выручки. Явные диспропорции в структуре экономики сопровождаются ростом реального валютного курса в стране и всплеском инфляции. В Казахстане реально наблюдается рецидив «голландской болезни», который может обернуться ростом инфляции.

Сверхдоходы в сырьевых отраслях и соответственный спрос на их продукцию действительно блокируют свободный перелив капитала в обрабатывающий сектор. Особенно деструктивными оказались последствия ускоренного демонтажа государственной собственности для отраслей и производств, относимых сейчас к реальной экономике. Экономическое развитие Казахстана пока может быть охарактери-

зовано как зависящее от нефтегазового и горнорудного экспортного сектора и высокого реального обменного курса. Следовательно, высока подверженность экономики мировым ценовым колебаниям так называемых бумовых секторов. Позиция компаний-монополистов в сырьевых отраслях, которые высокорентабельны и сверхприбыльны, такова, что они не заинтересованы в развитии обрабатывающего сектора, за исключением небольших проектов по улучшению технологических показателей в рамках добычи сырья или сырьевого передела. Доминирование сырьевых отраслей является принципиальным препятствием для обеспечения долговременного экономического роста, делает страну зависимой от конъюнктуры мировых рынков.

Актуальность вышесказанного подтверждается анализом важнейших качественных показателей. Так, в структуре ВВП Казахстана существенная доля приходится на сырьевые отрасли. В первую очередь, на отрасли топливно – энергетического комплекса и металлургию. Такое положение отражается и на структуре казахстанского экспорта, показатель которого только по товарным операциям, связанным с нефтью, газом, металлами составляет львиную долю. Структура импорта Республики Казахстан представлена такими группами товаров как машины и оборудования, готовые изделия из металла и другие виды промышленной обработанной продукции. Данная ситуация объясняется слаборазвитостью обрабатывающей промышленности, способной выпускать товары с высокой добавленной стоимостью. Так экспортируемая сырая нефть возвращается в нашу страну в виде продуктов глубокой переработкой и высокой добавленной стоимостью.

Закрепление Казахстана в статусе нефтяного государства несет в себе и большие проблемы: недоинвестирование перерабатывающих секторов экономики, неустойчивость темпов роста в силу зависимости от внешней конъюнктуры, сокращение рабочих мест и, разумеется, усиление социально-экономического расслоения населения. Учащение и усиление негативных проявлений в экономике Казахстана, включая вторую за полтора года девальвацию, говорят о входе в финальную стадию той экономической и политической модели, основы которой были заложены во второй половине 90-х годов, и которая получила свое развитие и закрепление за последние годы. В фундамент ее положен экспорт нефти, сырого урана, черных и цветных металлов, в обмен на ввоз в Казахстан оборудования и материалов для того же сырьевого экспорта, и не производимых в Казахстане

товаров для удовлетворения потребительского спроса. Соответственно, в рамках такой модели в Казахстане развивались собственно сырьевой экспорт, а также транспортная, торговая и финансовая инфраструктура для завоза и дистрибьюции по стране готовых иностранных товаров.

Количественная и хронологическая диспозиция этих двух определяющих сторон выстроенной экономической модели показано на Рисунке 1.

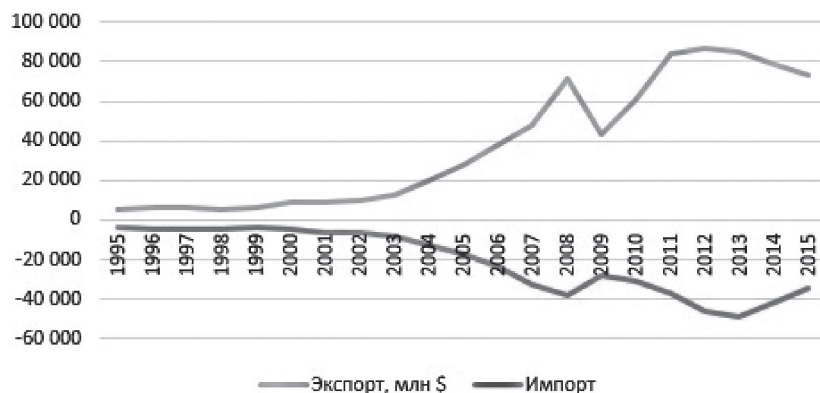


Рис. 1. Соотношение сырьевого экспорта и товарного импорта Казахстана, 1995–2015 год

Источник: разработано авторами по данным: Komitet po statistike Ministerstva nacional'noy ekonomiki Respubliki Kazahstan, 2017.

Объемы экспортной валютной выручки, особенно с началом «нулевых лет» и до кризиса 2007–2008 годов, выросли многократно. Это могло бы стать базой для ускоренного социально-экономического национального развития, основанного на индустриализации и инновации несырьевых внутренних производств. На самом же деле существенная часть экспортно-сырьевых доходов отсекалась еще до входа в экономику Казахстана, аккумулируясь в золотовалютных резервах Национального банка и валютных накоплениях Национального фонда, фактически – в иностранных долговых обязательствах. Львиная же часть заводимой в национальную экономику экспортной валютной выручки уходила на импорт в Казахстан промышленных и потребительских товаров. В результате экономика Казахстана все более попадала не только в экспортно-сырьевую, но и товарно-

импортную внешние зависимости, блокирующие любые попытки развития импортозамещающих производств внутри страны.

Внешняя экономическая и политическая конъюнктура складывается таким образом, что темпы роста мировой экономики, а, значит, и потребления продукции казахстанского экспорта, будут только замедляться. Также не ожидается повышения мировых цен на нефть и металлы, — наблюдается их снижение и закрепление на определенном устойчивом уровне. И такие же оценки даются мировыми экспертами на перспективу как минимум следующих двух-трех лет.

Если нефть, черные и цветные металлы, пусть и не по дающим сверхприбыли ценам, все равно пользуются спросом на мировом рынке, переломить негативные тенденции можно за счет количественного наращивания продукции экспортно-ориентированных производств. Главная проблема состоит в исчерпаемости источников реализации такой экономической модели. Ставка на иностранные инвестиции, вкупе с завязанным на сырьевые доходы бюджетным инвестированием и инвестированием за счет средств предприятий-экспортеров привела к усилению и закреплению экспортно-сырьевой ориентации казахстанской экономики. Как зеркальное отражение экспортно-сырьевой направленности, в Казахстане сложилась, развилась и закрепились экономика завоза в страну и торговли не производимыми здесь промышленными и потребительскими товарами. Она тоже получила свою немалую долю инвестирования — в виде транспортных и торговых сетей и финансовой инфраструктуры. И эта часть экономики, потребляющая львиную долю экспортной выручки, более всего страдающая от нехватки иностранной валюты и девальвации валюты национальной, тоже не облегчает, а усугубляет общее кризисное состояние.

Тупиковость выстроенной в Казахстане экономической модели заключена в ее изначальном генезисе — суверенном встраивании в мировой рынок. В таком «независимом» варианте Казахстан нужен системе мирового разделения труда исключительно как территория удешевленной добычи энергетических и минеральных ресурсов на вывоз, а также — уже в меньшей степени — для сбыта здесь продукции индустриально более развитых экономик. И, разумеется, для исключительно внешнего монетарного обеспечения, дополняющего экспорт невозобновляемых природных ресурсов еще и вывозом большей части финансовых доходов.

Реальных вариантов самостоятельного прорыва из такой хорошо закольцованной и упакованной в моноцентричную глобальную модель схемы неокOLONиальной сырьевой и монетарной эксплуатации у Казахстана в принципе пока нет.

Дополнение простой добычи нефти, черных и цветных металлов их глубокой переработкой и выпуском готовой высокотехнологичной продукции, многократно декларируемое и планируемое в течение последних 15 лет, но так и не осуществленное, не получилось не только из-за недостаточного профессионализма и чрезмерной коррумпированности исполнительных органов. В основе неудачи — принципиальная ненужность мировому рынку «индустриально-инновационных» инициатив отдельно взятого Казахстана (Olefirenko et al., 2016).

Никакая из транснациональных компаний, занятых переработкой нефти, уранового и металлургического сырья, объективно не заинтересована впускать казахстанского участника в свои заграничные производства. И совершенно не имеет интереса размещать свои перерабатывающие мощности в самом Казахстане. По причинам не только геополитическим, но и чисто экономическим: громадная и малонаселенная территория, резко континентальный климат, недостаточный производительный и покупательный потенциал населения.

Точно также сильно ограничены попытки снизить валютную и товарную зависимость от импорта. Основную его часть (порядка 43%) составляют машины, оборудование и транспортные средства, налаживание альтернативного производства которых превышает не только финансово-инвестиционные, но и общие возможности собственно Казахстана. Далее (около 8%) идет химическая продукция, включая каучуки и пластмассы — здесь возможности замещения тоже ограничены. И только продовольственную зависимость Казахстан может (и должен) ликвидировать почти целиком, — но она составляет относительно небольшую (около 10%) долю от общего импорта.

Впрочем, любой кризис несет с собой не только испытания, но и возможности. Поскольку и сама экономическая модель, и источники ее развития подходят к моменту истощенности, нужны другая модель и другие источники ее развития. Существует два основных подхода к совершенствованию структуры экономики.

Первый (горизонтальные меры) предусматривает создание устойчивых институтов для функционирования экономических агентов, формирования благоприятного инвестиционного климата, сокращение вмешательства государства в экономику, поддержание конкурен-

ции на рынках. Эти меры направлены на улучшение положения всех экономических агентов. Прямое вмешательство государства в отношения экономических агентов допускается только для поддержания и стимулирования конкуренции.

Второй подход (вертикальные меры) предполагает проведение активной государственной политики по изменению структуры экономики, ее совершенствованию на основе стимулирования, в том числе финансового, отдельных отраслей и предприятий. Указанные меры ставят одни группы экономических агентов в более благоприятное положение по сравнению с другими.

В чистом виде ни один из указанных подходов не решает задачу диверсификации структуры экономики. Горизонтальные меры сами по себе не позволяют в среднесрочной перспективе изменить относительные доли секторов в ВВП: они одинаково воздействуют и на сырьевые, и на сырьевые сектора. И только при высоком уровне изъятия природной ренты сырьевые отрасли в долгосрочной перспективе становятся менее привлекательными.

В качестве объекта исследования возьмем такую перспективную и динамично развивающуюся отрасль как туризм. Казахстан, имея богатый туристически-рекреационный потенциал, характеризуется недостаточным уровнем развития туризма. Его доля в валовом внутреннем продукте не достигает даже 1%. По данным Всемирной туристической организации, в мировом экспорте товаров и услуг туризм занимает 3-е место (7%) после экспорта топлива и химических продуктов (World Tourism Organization, 2016). В 2015 году по показателям экспорта туризм опередил пищевую и автомобильную отрасли. В некоторых развитых странах туризм занимает 1-ое место в экспорте товаров и услуг. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям за 2015 год, доля туризма в мировом ВВП составляет 10%, каждый 11-ый человек в мире работает в туристической сфере, а число международных туристических прибытий составило 1 186 млн., увеличившись за год на 52 млн. (World Travel & Tourism Council, 2016). По доходности данная отрасль занимает третье место в мире после нефтедобывающей промышленности и автомобилестроения.

Республика Казахстан с ее обширной территорией, выгодным в плане торговых отношений между Европой и Азией географическим месторасположением, богатым культурно-историческим наследием и традициями, сохранившимися до нынешних дней, имеет все основания для успешного развития туризма. Существует пять основных

экономических и социальных интересов для того, чтобы рассматривать туризм в качестве одного из национальных приоритетов развития в Республике Казахстан:

- возможность обеспечить в сфере туризма свыше 250 тысяч рабочих мест (Pravitel'stvo Respubliki Kazahstan, 2017), в том числе население сельских и отдаленных районов и молодежь без отрыва от традиционного сельского образа жизни;
- содействие развитию культуры предпринимательской деятельности среди широких слоев населения, создавая бизнес-возможности для семей, малых и средних предприятий;
- вклад в развитие регионов и сельских районов Республики Казахстан, в том числе развитие инженерно-транспортной инфраструктуры в отдаленных районах, инфраструктуры пунктов пропуска через Государственную границу Республики Казахстан;
- содействие сотрудничеству и создание возможностей в других секторах экономики, включая сельское хозяйство, машиностроение, легкую и пищевую промышленность, непромышленный сектор;
- содействие созданию положительных и продуктивных межкультурных отношений, способствующих продвижению национального и межгосударственного взаимопонимания.

Но в процессе проведения анализа современного состояния туристической отрасли Казахстана были выявлены следующие проблемы:

- преобладание малых туристических фирм, не имеющих кадровых и материально-технических ресурсов, не способствует развитию инвестиционных вложений в отрасль туризма;
- неразвитость транспортной инфраструктуры. Малое количество как регулярных, так и чартерных зарубежных авиарейсов. Развитие туризма ограничивается высокими транспортными издержками. Отсутствуют специализированные автотранспортные предприятия для туристической деятельности. Также не создана система электронного бронирования и планирования поездок;
- несоответствие статистического учета международным стандартам и отсутствие комплексного объективного учета экономического эффекта от туристической деятельности;
- несоответствие мировым стандартам системы современного образования и подготовки квалифицированных кадров для туристической индустрии;
- слабый уровень финансирования развития туризма в регионах и т.д.

Из видов туризма в Казахстане превалирует выездной туризм (см. Рисунок 2). Количество туристов, выехавших из страны, превышает количество посетителей, въехавших в страну в 1.8 раз. Поездки по личным целям составили в 2015 году 83.8% от общего количества поездок в Казахстан, поездки по деловым и профессиональным целям – 16.2%. При этом частные визиты составили 90.0% поездок по личным целям (транзит – 9.1%, туризм – 0.9%). В период с 2011 по 2015 год наблюдалось постоянное увеличение количества выезжающих туристов с 8.0 млн. человек в 2011 году до 11.3 млн. человек в 2015 году. Количество въезжающих в рассматриваемом периоде колебалось: увеличившись с 5.7 млн. человек в 2011 до 6.8 млн. человек в 2013 году, этот показатель сократился до 6.3 млн. человек в 2014 году, а затем вновь возрос до 6.4 млн. человек в 2015 году.

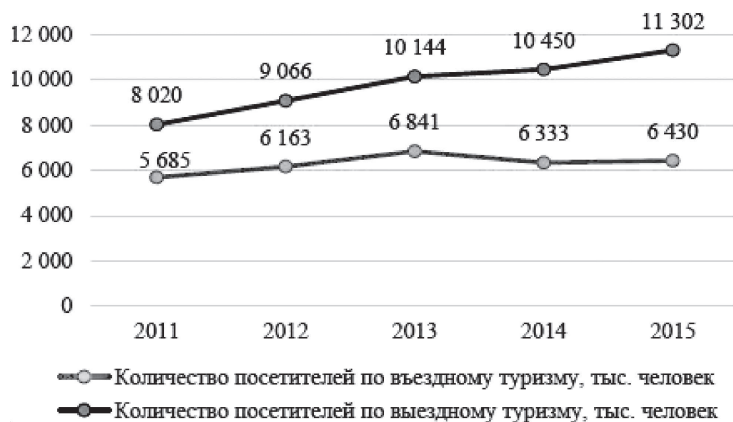


Рис. 2. Количество туристов Казахстана по видам туризма, 2011–2015 год

Источник: разработано авторами по данным: Komitet po statistike Ministerstva nacional'noy ekonomiki Respubliki Kazahstan, 2017.

Главная проблема казахстанского туризма: въездной туризм как понятие в Казахстане отсутствует. Согласно данным Комитета по статистике Республики Казахстан, например, в 1 квартале 2016 года в нашу страну прибыло 144.7 тыс. иностранцев. Это на 13 тыс. больше показателя за 1 квартал предыдущего года (в 2015 году Казахстан принял 692 тыс. иностранцев за год, гостиницы оказали услуг на 73 млрд. тенге) (Komitet po statistike Ministerstva nacional'noy ekonomiki Res-

publiki Kazahstan, 2017). То есть вроде бы популярность Казахстана стабильно растет — за 10 лет количество интуристов выросло в три раза, а объем доходов отрасли увеличился в 5 раз. Однако, если сравнить эти данные хотя бы с данными из Узбекистана (2 миллиона туристов за 2015 год — десятикратный рост за 10 лет), становится понятно, что 85 место в мире по развитию туризма (World Tourism Organization, 2016) Казахстан занимает по праву.

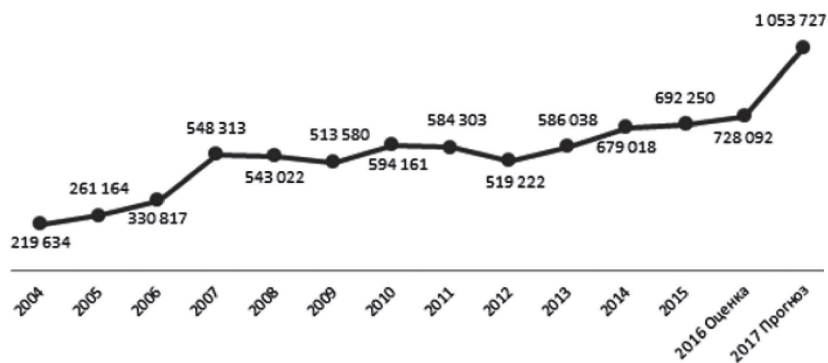


Рис. 3. Количество нерезидентов Республики Казахстан, обслуживаемых в местах проживания, 2004—2017 год

Источник: разработано авторами по данным: Komitet po statistike Ministerstva nacional'noy ekonomiki Respubliki Kazahstan, 2017.

Сложившийся в последние годы стихийный казахстанский рынок туристических услуг, в целом, при отсутствии координирующего начала находится в кризисном состоянии, и казахстанские объекты, несмотря на огромный рекреационный потенциал страны, до сих пор не включены в постоянные международные туристические цепи. Одна из причин подобного противоречия заключается в отсутствии надежной и достоверной информации о состоянии рынка и привычного для западного клиента сервиса, базирующегося на всех возможностях, обеспечиваемых современными средствами связи. Процесс формирования и отправки туристических групп за рубеж и наоборот без использования информационных технологий недостаточно эффективен даже в Астане и Алматы.

В теории и практике управления наличие информации означает снижение неопределенности и риска, что приводит к принятию более продуманных и обоснованных управленческих решений. В Рес-

публике Казахстан в сфере туризма наблюдается низкая степень информационной обеспеченности на всех уровнях взаимоотношений.

Особенности реализации туристического продукта не позволяют говорить о полноценном рынке без соответствующего информационного обеспечения. Алматинские туристические фирмы и органы по управлению туризмом, вступающие на международный рынок, сталкиваются в своей деятельности с проблемами освоения новых информационных технологий, которые являются необходимым условием международной интеграции и современной концепции туристического бизнеса как информационно-насыщенной сферы. В связи с этим анализ существующих информационных систем в туризме, изучение основных областей применения информационных технологий и разработка рекомендаций менеджменту туризма по использованию информационных систем представляется особенно актуальной.

Следует отметить, что поставщиками туристических услуг используется ряд коммуникационных технологий, способных обеспечить прямое спутниковое освещение международных событий, ведение бизнеса посредством телеконференций с подвижных средств сообщения (например, возможность сделать звонок в любую часть мира с борта самолета). Для получения информации о месте пребывания, его привлекательных особенностях также необходимы различные видео-средства. В результате применения информационных технологий возрастают безопасность и качество туристических услуг, а отнюдь не происходит изменение их явного человеческого содержания.

Информационные технологии обеспечивают и деятельность авиакомпаний. В процессе организации, управления и контроля авиаперевозок огромную роль играют электронные системы, помогающие при планировании маршрутов и расписания, контроле и анализе прохождения полетов, управлении персоналом, бухгалтерском учете и перспективном планировании. Они включают (например) систему передачи и направления сообщений, спутниковую систему сбора и передачи информации для воздушного транспорта, инерционные навигационные системы, систему контроля за воздушными перевозками, систему продажи авиационных билетов.

Обеспечение высокого уровня обслуживания в гостинице в современных условиях также невозможно достичь без применения новых технологий. Новая технология предусматривает автоматизацию многих гостиничных процессов, электронное резервирование, введение

технологий, способствующих улучшению качества обслуживания одновременно при сокращении персонала.

Сетевые информационные технологии представляют собой актуальное и перспективное направление развития информационных технологий. Их цель — не только обеспечение обмена информацией между отдельными пользователями информационно-вычислительных систем, но также и создание для них возможности совместного использования распределенных информационных ресурсов общества, получения справочной, документальной и другой информации из различного рода специализированных информационных фондов.

Таким образом, система информационных технологий, используемых в туризме, состоит из компьютерной системы резервирования, системы проведения телеконференций, видеосистем, компьютеров, информационных систем управления, электронных информационных систем авиалиний, электронной пересылки денег, телефонных сетей, подвижных средств сообщения и т.д. (Sokolova, 2011). При этом необходимо отметить, что эта система технологий разворачивается не турагентами, гостиницами или авиакомпаниями каждым в отдельности, а совместными усилиями всех участников туристического бизнеса. Более того, использование каждым сегментом туризма системы информационных технологий имеет значение для всех остальных частей.

Анализ современного состояния зарубежного туризма в области информационного обеспечения туристов показал следующее:

- в оздоровительно-развлекательном туризме растет спрос на оперативную и качественную глобальную связь, а также на индивидуальное и коллективное получение познавательной и развлекательной видеоинформации в местах проживания и на транспорте;
- в оздоровительно-спортивном туризме особое значение приобретают оперативная информационная поддержка в экстремальных ситуациях, а также информационное обеспечение безопасности туристов при посредстве систем метеопрогноза, наблюдения и навигации; например, достаточно полно автоматизировано информационное обеспечение безопасности элитного морского туризма, морских гонок и индивидуальных путешествий;
- в системе экскурсионно-познавательного туризма при оснащении музейных и натуральных экспозиций используются мультимедийные средства коллективного (группового) отображения пояснительной и дополнительной графической и видеоинформации;

также распространены индивидуальные и коллективные средства аудио- и видеоподдержки экскурсий;

- в молодежном туризме сейчас внедряются средства связи, аудио-трансляции, а также компьютерные виртуальные средства игрового и обучающего характера;
- в событийном туризме велик спрос на средства аудио- и видеоинформирования, которые позволяют, например, наблюдать праздничные или спортивные мероприятия с разных точек зрения;
- для всех форм туризма характерен высокий спрос на фото- и видеозаписи моментов их пребывания в исторических и презентательных местах.

В области информационной поддержки туристических посреднических структур можно отметить следующие тенденции:

- быстро распространяются исключительно эффективные с экономической точки зрения клубные способы информирования населения, в том числе и о туристических продуктах и услугах; при этом создаются так называемые виртуальные клубы, оснащенные мультимедиа средствами коллективного отображения; важно, что данные клубы способствуют формированию психологически устойчивых туристических групп;
- автоматизированное информационное обеспечение туроператорской деятельности переведено на современные компьютерно-сетевые технологии; функционируют международные автоматизированные системы бронирования;
- телекоммуникационные сети общего доступа, например Интернет, активно используются для размещения туристической рекламы и ведения «договорного» документооборота; безопасность применения таких сетей обеспечивается формированием международных ассоциаций пользователей;
- в части создания нового туристического продукта автоматизируются процессы сбора и обработки информации в целях проведения менеджмента и маркетинга в различных областях туризма;
- относительно мало данных об информатизации контроля туристических мероприятий, выявления и ликвидации последствий нештатных ситуаций; однако можно предположить, что работы в данном направлении ведутся, например, по инициативе страховых компаний.

На современном этапе необходимо было исследовать attractiveness регионов республики. В рамках проведенного исследования был составлен рейтинг готовности регионов Казахстана к приему гостей (см. Таблицу 1). Плановое решение проблем увеличения привлекательности регионов республики для туристов, разработки и внедрения дополнительных программ развития туризма в регионах, их своевременное финансирование и модернизация действующей инфраструктуры позволит в будущем значительно увеличить привлекательность всех туристических регионов Казахстана.

Таблица 1
Рейтинг готовности регионов Казахстана к приему гостей, 2016 год

Регионы	Рейтинг регионов по единовременной вместимости (койко-мест)	Единовременная вместимость (койко-мест)	Объем услуг (млн. тенге)	Количество мест размещения (единиц)	Количество обслуженных интуристов (человек)	Заполняемость мест размещения (%-койко-мест)
Всего		119 295	15 753.0	2 370	144 714	19.0%
ВКО	1	22 319	676.7	378	4 034	19.2%
Акмолинский	2	12 697	879.6	312	1 628	13.4%
Карагандинский	3	12 296	675.8	214	3 577	18.2%
Алматинский	4	11 249	592.9	315	96	17.3%
ЮКО	5	5 963	431.2	139	2 883	16.4%
Костанайский	6	5 752	170.4	106	1 996	14.0%
Павлодарский	7	5 684	243.0	74	2 034	12.9%
Мангистауский	8	3 988	681.9	55	5 154	15.3%
Актюбинский	9	3 870	286.6	70	2 036	12.4%
Атырауский	10	3 725	1 628.3	64	17 682	28.0%
Жамбылский	11	2 862	436.9	135	342	12.4%
ЗКО	12	2 838	674.4	61	4 236	29.4%
СКО	13	2 294	119.9	66	657	13.4%
Кызылординский	14	1 594	141.5	79	560	15.2%
Астана		9 468	4 188.7	158	35 766	23.5%
Алматы		12 696	3 991.8	133	62 063	24.3%

Источник: разработано авторами по данным: Komitet po statistike Ministerstva nacional'noy ekonomiki Respubliki Kazahstan, 2017.

Наибольшее количество туристов одновременно может принять Восточно-Казахстанская область — 120 тыс. (включая резидентов). В регионе функционирует 378 мест размещения гостей. В области имеется курортная зона Катон-Карагай, Маркакольский и Западно-Алтайский заповедники.

Второе место в рейтинге — у Акмолинской области. Регион одновременно может принять 22,3 тыс. посетителей. Область привлекательна курортными зонами в Шортанды, Зеренде, Бурабае, заповедником Коргалжын.

На третьем месте — Карагандинская область. Единовременная вместимость гостиниц — 12,7 тысяч. Регион способен привлечь интуристов курортной зоной Каркаралы, историко-культурным центром первого президента и зоной отдыха “*Cabana Beach*”.

Следом расположилась Алматинская область, интересная для визитеров заповедником-музеем «Тамгалы», каньоном Шарын и так далее. Область способна одновременно принять свыше 11 тысячи визитеров. Здесь работает 315 гостиниц.

Замыкает пятерку лучших Южно-Казахстанская область, где интуристы могут оценить преимущества отдыха в Сары-Агаше и посетить исторические монументы в Туркестане. В южном регионе действует лишь 139 мест размещения, способные совокупно принять чуть менее 6 тыс. гостей.

Помимо пятерки областей два крупнейших города страны — Алматы и Астана в своих 291 гостиницах могут одновременно принять 22 тыс. визитеров. Два мегаполиса приносят более половины всего объема услуг, здесь также самая высокая заполняемость мест размещения.

Количество и степень выраженности слабых сторон Казахстана выше, чем количество и степень выраженности его сильных сторон, что обычно характерно для стран, которые, подобно Казахстану, находятся в процессе развития индустрии туризма. Однако количество и степень выраженности возможностей в Казахстане выше, чем количество и степень выраженности угроз, что означает, что республика в состоянии интегрироваться в текущие мировые процессы и создать конкурентное преимущество для развития своей индустрии туризма.

Результаты проведенного *SWOT*-анализа туристической отрасли Казахстана представлены в Таблице 2.

SWOT-анализ туристической отрасли Казахстана

Сильные стороны

Природные, культурные, социальные и экономические характеристики страны:

- разнообразие природных ресурсов;
- многообразие памятников материального и нематериального культурного наследия;
- стабильная политическая и внутригосударственная обстановка;
- состояние рынка труда;
- возможность государственного финансирования;
- низкая стоимость электроэнергии и строительства.

Заинтересованные лица и партнерства:

- готовность заинтересованных лиц к сотрудничеству;
 - готовность создавать государственно-частные предприятия;
 - наличие национальных туристских/гостиничных ассоциаций.
-

Слабые стороны

Низкая плотность населения – возможно негативное влияние на развитие внутреннего туризма, в том числе посредством низкого уровня спроса на туристские продукты внутри страны.

Недостаточный уровень вовлечения памятников истории и культуры в туристские маршруты.

Нехватка квалифицированных кадров в сфере туризма. Инструменты господдержки, требующие дальнейшего совершенствования, в том числе стимулирование развития отрасли посредством введения мер налоговой поддержки, упрощение въездных формальностей (визовый, миграционный режим), совершенствование режима землепользования и др.

Возможные препятствия для развития туристского бизнеса, в том числе наличие административных барьеров, наличие инструментов государственной поддержки, требующих дальнейшего совершенствования.

Недостаточное развитие инфраструктуры (транспорт, коммунальные сети, пункты пропуска через Государственную границу Республики Казахстан, состояние дорог, значительное расстояние между населенными пунктами и т.д.), в том числе значительный физический и моральный износ большого числа объектов туристской индустрии, недостаток гостиниц туристского класса, недостаточное развитие инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры в местах туризма, труднодоступность туристских объектов, невысокий уровень сервиса в местах отдыха туристов, недостаточное количество и качество сервиса объектов придорожной инфраструктуры.

Высокие цены на авиабилеты, отсутствие национальных малобюджетных авиаперевозчиков, низкое количество новых въездных авиамаршрутов

из стран, обеспечивающих потенциальный приток туристов, а также внутренних авиамаршрутов в направлении ключевых туристских дестинаций, определенных в кластерной модели развития туризма в РК.

Возможности

Тенденции индустрии:

- самостоятельный туризм;
 - экологический и природный туризм;
 - культурный туризм;
 - спрос на специальные/приключенческие туристские продукты;
 - более частые и более короткие периоды отдыха;
 - активный, оздоровительный и спортивный отдых;
 - низкобюджетные поездки по региону;
 - реализация турпакетов через интернет (электронная торговля).
-

Угрозы

Повышение требований к качеству.

Длительные путешествие и прохождение контрольных процедур в пунктах пропуска на Государственной границе Республики Казахстан для кратковременного отдыха.

Высокая стоимость путешествий на большие расстояния.

Фрагментация рынка путешествий.

Доступность новых каналов распределения конкурентам.

Аналогичные туристские продукты других регионов (не только Казахстан находится на Великом Шелковом пути, например).

Эффективные средства мотивации и структура развлечений; сильная зависимость от объема деловых поездок.

Медленное развитие транспортного сообщения (воздушное, наземное).

Нестабильность валюты и высокий уровень инфляции.

Источник: разработано авторами.

Геополитическое положение и природно-сырьевые ресурсы позволяют рассчитывать на увеличение количества туристов, приезжающих в Казахстан по вопросам бизнеса и участия в международных мероприятиях. Это, прежде всего, города Алматы, Астана, Атырау. Инфраструктура вышеуказанных центров в основном соответствует международным стандартам. Город Алматы является стратегическими (воздушными, автомобильными, железно-дорожными) воротами для республики и основная миграция происходит именно через этот город. Помимо удобных для проведения различных форумов зданий и гостиниц город имеет все необходимое для отдыха и развлечений, кроме того на территории близлежащей городу в радиусе 500 км расположены замечательные рекреационные зоны. Город Астана стано-

вится такой же стратегической зоной. Всевозрастающий интерес к городу, как к молодой столице Казахстана, имеющей современный облик и инфраструктуру, послужит стремительному развитию в городе международного и внутреннего туризма.

Анализ туристической деятельности показал, что туристы, прибывающие из-за границы, предпочитают останавливаться в гостиницах, предоставляющих качественный сервис и полный набор услуг. Именно от делового туризма будет зависеть дальнейшее развитие сети гостиниц международного уровня в крупных городах — деловых центрах страны.

Наиболее перспективными регионами для культурно-познавательного туризма являются город Алматы и Алматинская область, развитие туризма по Шелковому пути (международный туристический поезд «Жемчужина Шелкового пути» по маршруту Алматы — Туркестан — Ташкент — Самарканд — Бухара — Ургенч — Мары — Ашгабат — Алматы). Огромные возможности для развития внутреннего культурно-познавательного туризма в республике открывает участие Казахстана в туристическом трансконтинентальном маршруте «Шелковый Путь», осуществляемый под эгидой *UNWTO* в сотрудничестве с *UNESCO*.

Одним из перспективных направлений развития туристической отрасли в Казахстане, по мнению авторов, может стать именно экологический туризм. Количество туристов, проявляющих интерес к заповедным зонам Казахстана, растет, получают развитие новые формы организованного туризма: велосипедный, конный, водный. Необходимость развития экологического туризма в Республике Казахстан обусловлена не только экономическими факторами — созданием новых рабочих мест, развитием местных сообществ в отдаленных регионах, но и социальным заказом — потребностями населения в более целостном, системном подходе к проблемам охраны здоровья и использования свободного времени. По данным экспертов Всемирной организации туризма, экологический туризм за последние десять лет становится наиболее популярным и является одним из инструментов устойчивого развития любого государства (*World Tourism Organization, 2016*).

Выводы и рекомендации

Проблемы казахстанской экономики в условиях открытости и интеграции в мировую экономику являются актуальными, так как требуют поиска действенных государственных и хозяйственных механизмов для удержания относительной экономической стабильности и социального развития. Развитие экономики Казахстана в рыночных условиях выявило как конкурентные преимущества экономического потенциала страны, так и их недостатки, связанные с различными возможностями адаптации к рынку. Это привело в начале этапа развития Казахстана как суверенного государства к значительному спаду и свертыванию производств в отдельных отраслях несырьевого сектора, усугублению диспропорции отраслей реального сектора экономики в сторону развития отраслей сырьевой направленности. Вхождение Казахстана в мирохозяйственную систему сдерживается узкой специализацией Казахстана в мировом и региональном разделении труда, удаленностью от основных мировых товарных рынков.

Таким образом, стратегия дальнейшего экономического развития Казахстана должна способствовать обеспечению удержания экономики страны на относительно стабильном уровне на основе диверсификации экономики и создания условий государством для производства конкурентных видов продукции и роста несырьевого экспорта, а также созданию условий для преобладания частных инициатив и равных конкурентных условий для всех субъектов рынка.

В Казахстане туризм – развивающаяся отрасль, и влияние туристической индустрии на экономику страны пока незначительно. Незрелость туристической инфраструктуры, невысокое качество сервиса, устойчивый миф о Казахстане, как о стране повышенного риска, привело к тому, что в настоящее время на нашу страну приходится менее 1% мирового туристического потока (World Tourism Organization, 2016).

Показатель туристической подвижности населения Казахстана – один из самых низких в мире (World Travel & Tourism Council, 2016). Подавляющая часть турфирм предпочитает заниматься направлением своих соотечественников за рубеж, и лишь немногие фирмы работают на привлечение туристов в Казахстан. Причем в основном туристы посещают Алматы и Астану.

Анализ въездных туристических потоков в Казахстан показывает, что республика остается недостаточно привлекательной для зарубеж-

ных туристов. По экспорту туристических услуг Казахстан занимает 78 место в мире (World Tourism Organization, 2016). По доступности, цене и уровню сервиса, ту-ристические услуги Казахстана не конкурентоспособны на мировом рынке и намного уступают зарубежным аналогам, в том числе и по вопросам информационного сопровождения и поддержки.

В отличие от Казахстана, информатизация современного зарубежного туризма опирается не только на огромный потенциал самой современной радиоэлектроники и четкую организацию всех технологических циклов, но и на высокий уровень информатизации смежных областей деятельности (банковской, транспортной, гостиничной, музейной, охранной и др.), что значительно снижает функциональные нагрузки на средства информатизации самого туризма и вместе с тем принципиально повышает эффективность их использования.

Можно выделить следующие задачи формирования и развития механизма информационного обеспечения развития внутреннего и въездного туризма:

- 1) снижение информационного риска при принятии решений в сфере управления туризмом;
- 2) улучшение координации действий между государственными органами различных уровней, а также другими участниками рынка внутреннего и въездного туризма;
- 3) улучшение основных характеристик используемой информации: полнота, достоверность, актуальность и своевременность, доступность, ценность;
- 4) унификация процессов сбора, обработки, использования и распространения информации;
- 5) увеличение туристического спроса за счет повышения информированности туристов о туристских возможностях территорий и др.

Таким образом, недостаточный уровень информационного обеспечения тормозит развитие въездного и внутреннего туризма в Казахстане. Наличие полной, достоверной и актуальной информации способствует принятию более эффективных управленческих решений и, следовательно, увеличению темпов развития туризма. Современная туристическая индустрия, базирующаяся на уникальном и природном и культурном потенциале Республики Казахстан, является естествен-

ным системообразующим фактором гибкой интеграции туризма в систему мировых хозяйственных связей, одной из наиболее динамично развивающихся и эффективных по отдаче на вложенный капитал отраслю, несмотря на ее капиталоемкость.

Библиография

1. Komitet po statistike Ministerstva nacional'noy ekonomiki Respubliki Kazahstan. (2017) *Oficial'naya statisticheskaya informaciya*. Dostupno: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsPage?_afzLoop=1063949501518446#%40%3F_afzLoop%3D1063949501518446%26_adf.ctrl-state%3Dexci3ogkb_37 (sm. 17.10.2017). (In Russian)
2. Olefirenko O., Petrenko E., Shevyakova A., Zhartay Z. (2016) Towards economic security through diversification: case of Kazakhstan. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 5, No. 4, pp. 509–518.
3. Pravitel'stvo Respubliki Kazahstan. (2017) *Ob utverzhdenii Konceptcii razvitiya turistskoy otrasli Respubliki Kazahstan do 2023 goda*. Postanovleniye Nr. 406 ot 30 iyunya 2017 goda. Dostupno: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/kultupa/id-P1700000406/ (sm. 17.10.2017). (In Russian)
4. Sokolova D.Y. (2011) Informacionniye sistemi bronirovaniya v turizme. *Sbornik nauchnih statei "Informacionniye tehnologii v ekonomike, upravlenii i obrazovanii"*. SPb: Izdatel'stvo SPbGUEF, Chast' 1, s. 245–253. (In Russian)
5. World Bank. (2015) *Kazakhstan: Adjusting to Low Oil Prices, Challenging Times Ahead*. Available: <http://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan/publication/economic-update-fall-2015> (accessed on 17.10.2017).
6. World Tourism Organization. (2016) *Annual Report 2016*. Available: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/annual_report_2016_web_0.pdf (accessed on 17.10.2017).
7. World Travel & Tourism Council. (2016) *Tourism as a Driver of Peace*. Report Summary. Available: <https://www.wttc.org/-/media/files/reports/special-and-periodic-reports/tourism-as-a-driver-of-peace--report-summary-copyrighted.pdf> (accessed on 17.10.2017).

Information Support of Tourism Development to Diversify Kazakhstan's Economy

Summary

Raising awareness of tourism players requires improving the comfort of the information environment of their activities. In tourism practices, information support of tourist activities that ensures the comfort of tourist services and the attractiveness of the tourist region strengthens the motivation of consumers to visit this territory. The development of tourism demand, caused by tourists' awareness, and at the same time demographic changes, accelerate the segmentation and the creation of new types of proposals. Recent advances in telecommunications, networking organizations, creation and processing of databases and electronic marketing provide new business opportunities in the tourism sector and a significant impact on the model of traditional business. Therefore, the main sphere of changes and innovations in tourism is related to the use of information and communication technologies. Kazakhstan with its unique natural resources and original culture of the nomadic people has a huge untapped potential for tourism development in the international and regional markets. The tourism industry in the Republic of Kazakhstan is recognized as one of the priority branches of the economy at the state level. For example, in the implementation of the provisions of industrial-innovative development of the country's economy, the leading role belongs to the cluster system, in particular to the tourism cluster. Modern trends in the development of this industry are that tourists who have studied the most famous resorts of the world well, are striving to those countries where the tourism sector is just beginning to develop. At the present stage of tourism development, Kazakhstan is becoming a more attractive country for extreme holiday lovers and people interested in the history and the present of the countries located on the Great Silk Road. From this perspective, the attractiveness of Kazakhstan is growing. The tourist potential of recreational resources and historical and cultural heritage allows the Republic to harmoniously integrate into the international tourism market and achieve intensive development of tourism in the country. This will ensure a sustainable employment and income growth, stimulate the development of related industries and increase of investment flows in the national economy.

Key words: Kazakhstan, sectors of the economy of Kazakhstan, diversification, information technologies, tourism.

ZIŅAS PAR AUTORIEM

Viktorija ALEKSEJEVA (Latvija)

Mg. oec., Ekonomikas
programmas doktorante,
Daugavpils Universitāte
aleksejeva30@inbox.lv

Nadežda GRIŠKJĀNE (Latvija)

Bc. oec., Ekonomikas
programmas maģistrante,
Daugavpils Universitāte
nadezhda.grishkyane@gmail.com

Solvita KOZLOVSKA (Latvija)

Mg. oec., Ekonomikas
programmas doktorante,
Daugavpils Universitāte
Lektore, Jēkabpils Agrobiznesa
koledža
solvita.kozlovska@jak.lv

Jūlija ĻIODOROVA (Latvija)

Mg. oec., Ekonomikas
programmas doktorante,
Latvijas Universitāte
Julija.Liodorova@ekspertize.vp.gov.lv

Manuela TVARONAVIČIENE

(Lithuania)
Dr. oec., Professor, The General
Jonas Zemaitis Military
Academy of Lithuania,
Vilnius Gediminas Technical
University
manuela007756@gmail.com

Diana UGLAVA (Georgia)

MBA, Doctoral student of
Business management
programme, Akaki Tsereteli
State University, Kutaisi
atsu@atsu.edu.ge

Irina VORONOVA (Latvija)

Dr. oec., profesore, Rīgas
Tehnisķā Universitāte
irina.voronova@rtu.lv

Юрийс БАЛТГАЙЛИС (Латвия)

Доктор экономики, доцент,
Институт транспорта и связи,
Рига
info@bca.com.lv

Лариса ИВАНЕНКО (Россия)

Доктор экономических наук,
профессор, ФГАОУВО
«Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика
С.П. Королева»
sukhankina@inbox.ru

Светлана КУЧЕРЕНКО (Украина)

Кандидат экономических наук,
доцент, ГВУЗ «Переяслав-
Хмельницкий государственный
педагогический университет
имени Григория Сковороды»
ksvetau@i.ua

Людмила ЛЕВАЕВА (Украина)

Кандидат экономических наук,
доцент, ГВУЗ «Переяслав-
Хмельницкий государственный
педагогический университет
имени Григория Сковороды»
lluda85@i.ua

Элеонора МУНШ (Казахстан)

Магистр техники и технологии,
ТОО «Эпам Казахстан»,
Караганда
eleonoria@list.ru

Светлана НИКОЛАЕВА (Россия)
Кандидат педагогических наук, доцент, ФГАОУВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
sukhankina@inbox.ru

Наталья СОЛОВОВА (Россия)
Доктор педагогических наук, профессор, ФГАОУВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
sukhankina@inbox.ru

Наталья СУХАНКИНА (Россия)
Кандидат педагогических наук, доцент, ФГАОУВО «Самарский национальный исследовательский

университет имени академика С.П. Королева»
sukhankina@inbox.ru

Митко ХИТОВ (Болгария)
Доктор экономики, главный ассистент, Университет национального и мирового хозяйства, София
mhitov@dir.bg

Алексей ХОТУЛЕВ (Латвия)
Магистр экономики, докторант программы «Экономика», Даугавпилсский Университет
alx@outlook.lv

Анна ШЕВЯКОВА (Россия)
Кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУВО «Южно-уральский государственный университет», Челябинск
shevyakova.anna@gmail.com

VISPĀRĪGĀS PRASĪBAS ZINĀTNISKAM RAKSTAM

Raksta apjoms: 6–7 lpp (A4 formātā).

Raksta manuskripts iesniedzams pa elektronisko pastu ikgadeja.konference@du.lv. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*MSWord*); burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1,5. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta anotācija: raksta sākumā tūlīt pēc tā nosaukuma jāievieto informatīva anotācija. Anotācijā jānorāda raksta mērķis un uzdevumi, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Atsevišķā rindkopā jānorāda atslēgas vārdi (termini, kas izsaka rakstā aplūkoto jautājumu būtību). Nepieciešams arī šo atslēgas vārdu tulkojums valodā, kurā ir kopsavilkums.

Raksta kopsavilkums: Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jā sagatavo angļu vai krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai angļu valodā.

Raksta valoda: literāra, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jā rūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties pie attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālista – valodas nesēja. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts (atsauces un piezīmes, bibliogrāfija, tabulas, shēmas, diagrammas, grafiki utt.). Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas, diagrammas un citi ilustratīvie materiāli noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tādiem materiāliem ir jābūt ar kārtas numuriem un virsrakstiem. Materiāliem jāizveido to elektroniskā versija un jāiesniedz konferences organizatoriem pa e-pastu ikgadeja.konference@du.lv

References (rakstā izmantoto iespieddarbu saraksts) jāveido un jānoformē precīzi pēc šādiem paraugiem:

Monogrāfijām (grāmatām un brošūrām):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Rakstiem krājumos:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Rakstiem žurnālos:

Bela B. (1997) Identitates daudzvalsība Zviedrijas latviešu dzīvesstastos. *Latvijas Zinatņu Akadēmijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sotsiologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Rakstiem laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matemātiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāliem no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktūra un datu bāze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

RAKSTI, KURI NEATBILST PRASĪBĀM, NETIKS PUBLICĒTI!

GENERAL REQUIREMENTS FOR THE PAPER

The size of the article: 6–7 ph. (A4 format).

The manuscript of the article is to be submitted by e-mail ikgadeja.konference@du.lv. The text should be typed using MS Word *Times New Roman*; the size of letters 12, the interval between lines 1,5. Left margin 3,5 cm; right margin 2 cm; from the top and from the bottom 2,5 cm. If were used special computer programs, they are to be submitted together with the article.

Abstract of the article: in the beginning of the article after title is to be located abstract of the article. In the abstract should be indicated aim, tasks, problem of the research, novelty of the research and main conclusions. The the separate paragraph should be noted key words (terms that reveal the essence of the issues discussed in the article).

Key words should be translated on the language, in which is written abstract of the article.

Summary of the article: for articles in Latvian summary should be prepared in English or Russian; for articles in English summary should be prepared in Latvian or Russian and for articles in Russian summary should be prepared in English or Latvian.

Language of the article: literary, terminologically precise. If the author is preparing the article in a foreign language, the author is responsible for the quality of the language. Author can ask consultation of specialist of relevant social sciences. *Articles in which the language will not follow the rules of spelling, will not be accepted for reviewing.*

Scientific appliance of the article: (references and remarks, bibliography, tabels, diagrams, charts, graphs and etc.). References in the article should be placed according to this pattern: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Remarks and explanations should be placed at the end of the article. Tables, graphs, diagrams, charts and other illustrative materials in the article should be presented indicating the source of the material and, if necessary, the methods applied to draw up tables, graphs, diagrams, charts (calculation, data summarizing and etc.). All materials should have a number and the title. For these materials should be prepared electronic version, which is to be submitted to Conference Team by e-mail ikgadeja.konference@du.lv

References (the list of sources used in the article) formed and executed in accordance with these samples:

For monographies (books and brochures):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Collected articles:

Turner, R. H. (1990) “A Comparative Content Analysis of Biographies.” In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitates daudzbarsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129.* lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii, № 1, str. 37–67.* (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiķi pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis, 8. marts.* (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

THE ARTICLES, WHICH DO NOT COMPLY WITH THE GENERAL REQUIREMENTS, WILL NOT BE PUBLISHED!

Atbildīgā par izdevumu: **Vera Komarova**

Maketētāja: **Marina Stočka**

Tehniskā redaktore: **Vita Šotaka**



Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Iespiests DU Akadēmiskajā apgādā “Saule” –
Vienības iela 13, Daugavpils, LV-5401, Latvija.